новинка

Анна Гавальда

Билли

18+

Билли
Анна Гавальда

Аннотация

Анна Гавальда. Билли

* * *
* * *
* * *

Аннотация

Эта книга о мужестве, о дружбе, о любви. И о том кайфе, который испытываешь, когда меняешь первоначальный расклад.

Двое подростков из провинциального захолустного городка имели все шансы обеспечить себе самую что ни на есть наидерьмовейшую жизнь: Билли росла в нищей и пьющей семье, над Франком измывались, потому что он был не такой, как все.

Но однажды по воле жребия им выпало вместе разучивать сценку из пьесы Альфреда де Мюссе «С любовью не шутят». С этого момента и начинается история одной большой любви, благодаря которой два гадких утенка, поддерживая друг друга и неустанно напоминая друг другу о том, что оба они красивы, взрослеют и превращаются в прекрасных лебедей.

Анна Гавальда
Билли

Всем «подпольщикам» посвящается

* * *

Мы злобно переглянулись. Должно быть, он думал, что именно я во всем виновата, я же считала, что это все равно не дает ему права так на меня смотреть. Ведь я уже столько глупостей натворила с тех пор, как мы с ним знакомы, и столько раз это было ему на руку, столько раз благодаря мне он веселился на славу, что с его стороны было бы просто подло упрекать меня теперь только потому, что моя очередная выходка, похоже, грозит закончиться плохо…

Черт побери, откуда я могла знать, что все так обернется?

Я плакала.

— Ну что, доигралась? Тебя мучают угрызения совести? — прошептал он, закрывая глаза. — Нет… какой же я глупец… угрызения совести — тебя!..

Он был слишком слаб, чтобы всерьез на меня сердиться. К тому же это было бессмысленно. И тут я с ним завсегда соглашусь: угрызения совести — это явно не про меня, я и слов-то таких не знаю…

Мы находились на дне какой-то ущелины, или как там ее называют, в общем, в полной географической заднице. В самом низу этакой… каменистой осыпи посреди Национального парка Севенны, где не ловит мобильная связь, куда ни один баран не забредет — и уж тем более ни один пастух, — и где нас точно никто никогда не найдет. Я сильно ушибла руку, но могла ею шевелить, а вот он, судя по всему, был совсем плох.

Я всегда знала, что он мужественный человек, но тут он вновь преподносил мне урок.

В который уж раз…

Он лежал на спине. Сначала я попыталась было соорудить ему из своих ботинок нечто вроде подушки, но стоило мне приподнять ему голову, как он практически потерял сознание, так что от своей затеи я отказалась и больше его не трогала. Он тогда, кстати, впервые струсил: возомнил, что свернул себе шею, и перспектива закончить жизнь овощем настолько его ужаснула, что он несколько часов ныл, умоляя меня бросить его в этой дыре или прикончить.

Ладно. Поскольку мне нечем было аккуратно его прибить, я предложила поиграть в больничку.

Увы, мы не были с ним знакомы в том возрасте,

когда играют в доктора понарошку, но я уверена, что и тогда мы не стали бы с ним засиживаться в приемной… Моя мысль его позабавила, и это было по-настоящему здорово, это единственное, что мне хотелось бы забрать с собою на тот свет, в ад или куда еще, потому что такие улыбки — слабые, едва живые, буквально вырванные из небытия — они дорогого стоят.

Все остальное, прямо скажем, можно оставить в камере хранения…

Я принялась щипать его за разные места, сначала легонько, потом сильнее. Всякий раз, когда он морщился от боли, я ликовала. Значит, мозги у него на месте и мне не придется до самой смерти катать его в инвалидной коляске. В противном случае, без проблем, я готова была размозжить ему голову. Я достаточно сильно его любила.

— Ну что ж, кажись, все не так уж страшно… ты только повизгиваешь, значит все путем, да? На мой взгляд, ты просто сломал себе ногу, а еще бедро или таз… ну, в общем, что-то такое в этом периметре…

— М-м-м-м…

Кажется, я его не убедила. Кажется, что-то его смущало. Видимо, я не вызывала доверия без белого халата и этих дурацких трубочек на шее.

Он глядел в небо, хмурил брови и мрачно причмокивал.

Я видела, в каком он состоянии, — я знала все выражения его лица, — и понимала, что остается еще один деликатный момент.

Да уж, точнее не скажешь…

— Эй, Франки, заканчивай… полный бред, глазам своим не верю… ты что, хочешь, чтоб я и его проверила на работоспособность?

— …

— Да?

Я видела, как он изо всех сил старается сохранить приличествующий умирающему вид, но для меня проблема заключалась вовсе не в приличиях. Скорее, меня мучил вопрос эффективности. Ситуация сложилась непростая, и не могла же я рисковать с вынесением подобного приговора просто потому, что была не в его вкусе…

— Эй, я не то чтобы не хочу, слышишь? Но ты же…

Все это мне напомнило Джека Леммона в финальной сцене «Некоторые любят погорячее»[1].

---

[1] Примечания: 1

«Некоторые любят погорячее» (*англ.* Some like it hot, 1959 г.) — музыкальная комедия режиссера Билли Уайлдера, в российском прокате известная под названием «В джазе только девушки». *(Прим. переводчика)*

Как и у него тогда, мои аргументы подходили к концу, и мне пришлось использовать последний патрон, остававшийся у меня в обойме, лишь бы только от меня отвязались.

— Я девочка, Франк…

И тут, видите ли… если бы я сейчас представляла доклад по углубленному изучению Дружбы, такой, знаете, со всякими схемами и сравнительными таблицами, с диапроектором, маленькими бутылочками воды и прочей хренью на столах, объясняя происхождение, состав и как отличить подделку, так вот тут я остановила бы слайд-шоу и своей учительской «мышью» подчеркнула бы его ответ.

Эти три простых слова, которые он шутливо выдохнул из последних сил, с натянутой улыбкой человека, возможно обреченного на смерть, еще не знающего, суждено ли ему выжить, и не превратится ли его жизнь в сплошное страдание, и сможет ли он еще когда-нибудь трахаться:

— Well… Nobody's perfect…[2]

Да, впервые в жизни я была бы стопудово уверена в себе, и пусть пеняют на себя все те, кто что-либо не понял, плохо разглядел или вообще

---

[2] Примечания: 2

Что ж… Никто не совершенен… (англ.)

не догоняет — им никогда не отличить искреннего друга от несчастного гея, и я ничем не смогу им помочь.

Так что теперь — потому, что это был он, и потому, что это была я[3], и нам все еще удавалось оставаться вместе, поддерживая друг друга на высоте даже в такие гнусные моменты, как этот, — я перелезла через него и протянула свою уцелевшую руку к низу его живота.

Я едва к нему прикоснулась.

— Послушай, — проворчал он через какое-то время, — я же не прошу тебя идти во все тяжкие, подруга… просто потрогай его, и забудем об этом.

— Я не решаюсь…

Он тяжело вздохнул.

Понятное дело, обижен. Вместе мы с ним попадали и в куда более неприятные ситуации, и я никогда особенно не церемонилась, и столько диких, грубых, скабрезных историй ему понарассказывала, что сейчас снова выглядела неубедительно…

---

[3] Примечания: 3

«Потому, что это был он, и потому, что это была я» — отсылка к знаменитой фразе Мишеля де Монтеня (1533–1592), французского писателя и философа эпохи Возрождения, которой он объясняет свои отношения с Этьеном де Ла Боэси (1530–1563) («Опыты», том I, глава XXVIII). *(Прим. переводчика)*

То есть абсолютно неубедительно!

Однако я не придурялась… я действительно не решалась.

Вот ведь никогда не знаешь наперед, где окажется та грань, за которой скрывается святое. По-прежнему сидя с протянутой рукой, я неожиданно осознала ту пропасть, что отделяла меня — со всем моим нехилым сексуальным опытом — от его пиписьки. Да я бы все пиписьки перещупала, если надо, но только не его — я в кои-то веки сама себе преподносила урок.

Я всегда знала, что обожаю его, но прежде мне никогда не выпадало случая увидеть, насколько сильно я его уважаю — что ж, теперь ответ был у меня перед глазами: вот они, эти несколько миллиметров…

Или вся безмерность моего стыда. Нашего целомудрия.

Конечно, я понимала, что не смогу долго пребывать в этом идиотском образе застенчивой недотроги, однако сам факт сильно меня удивил. Нет, серьезно, это открытие собственной деликатности ошарашило меня не по-детски. Смущена и испугана, словно заново девочка, поди плохо! Да считай Рождество!

Ладно. Достаточно. Кончай болтать. Берись за

работу, малышка…

Для начала, чтобы он расслабился, я принялась ласково барабанить пальцами вокруг его пупка, напевая «Тилибом, тралялляй, хвост торчком и гуляй», но это не сильно его расслабило. Тогда я легла рядом с ним, закрыла глаза и припала губами к его… уф… ушной впадине, сосредоточилась и тихо-тихо, нет, даже еще тише, зашептала ему в ухо, возбуждающе постанывая и пуская слюни, все то, из чего, на мой взгляд, состояли самые худшие или лучшие его фантазмы, в любом случае — самые сокровенные, при этом еле заметным движением руки, едва касаясь ногтем, лениво, небрежно и равнодушно, в общем… со знанием дела, стала медленно обводить контур его ширинки.

Наконец волосики в его ухе вздыбились от ужаса, и моя честь была спасена.

Он чертыхнулся. Он улыбнулся. Он засмеялся. Сказал, какая ты глупая. Сказал, заканчивай. Сказал, дурища. Сказал, хорош! Да прекратишь же ты наконец! Сказал, ненавижу тебя, и сказал — обожаю.

Но все это было давно. Тогда у него еще оставались силы на то, чтобы заканчивать фразы,

а я и подумать не могла, что когда-нибудь буду плакать с ним рядом.

А сейчас надвигалась ночь, я замерзла, меня мучил голод, я умирала от жажды, и я сломалась, потому что не хотела, чтобы он страдал. И если бы я была честной, то тоже закончила бы свою фразу, добавив к ней «по моей вине».

Но я не честная.

Я сидела с ним рядом, прислонившись к уступу, и тихо убивалась.

Изводила сама себя горькими упреками.

Ценой немыслимого усилия, он приподнял руку и положил ее мне на колено. Я накрыла его ладонь своею и почувствовала себя еще слабее.

Мне не нравилось, что этот гнусный падальщик играл на моих чувствах. Это было нечестно.

Некоторое время спустя я спросила:

— Что это за звук?

— …

— Ты думаешь, это волк? Думаешь, здесь водятся волки?

Поскольку он продолжал молчать, я закричала:

— Да ответь же мне, черт тебя побери! Скажи мне хоть что-нибудь! Скажи хоть «да» или «нет»,

скажи «Отвали!», только не оставляй одну… только не сейчас… прошу тебя…

Я взывала не к нему, нет, скорее, к самой себе. К своей глупости. К своему стыду. К бедности собственного воображения. Он никогда бы меня не бросил, и раз он молчит, значит, потерял сознание.

* * *

Впервые за долгое время его лицо не было похоже на немой упрек, и мысль о том, что ему легче, меня приободрила: ведь так или иначе, я нас отсюда вытащу, я просто обязана. Не для того мы проделали весь этот путь, чтобы закончить его безвестными героями «В диких условиях»[4] в этой лозерской дыре.

Нет, черт побери, такому позору не бывать…

Я размышляла. Во-первых, ухали явно не волки, а птицы. То ли совы, то ли кто-то еще. А во-вторых, от переломов не умирают. У него не было жара, он не истекал кровью, он был обездвижен, пускай, но не в опасности. Так что в данный момент лучшее, что я могла сделать, это выспаться, чтобы набраться сил, а завтра, на рассвете, когда все это дерьмо под названием природа с новой силой обрушится на меня, я отправлюсь в путь.

Я пройду через этот гадский лес, пройду через эти гадские горы и добьюсь, чтоб в эту долину

---

[4] Примечания: 4

«В диких условиях» (*англ.* Into the Wild) — кинофильм режиссера Шона Пенна по одноименной книге Джона Кракауэра, вышедший на экраны в 2007 г. *(Прим. переводчика)*

прилетела-таки эта чертова «вертушка».

Ну вот и все сказано. Мне придется расстараться, клянусь честью поэтессы, но на плато Кос остаться нам без крова не грозит. Потому как семейных радостей пеших походов — э-ге-гей, шагай бодрей! — вместе с тупыми ослами и тупицами в стрессе — нам и двух минут выше головы хватило.

Сожалею, ребята, но весь этот ваш Quechua[5] не для нас.

Ты слышишь, малыш? Слышишь, что я говорю? Ни за что на свете, покуда я жива, ты не свалишь в деревню. Никогда. Лучше сдохнуть.

Я улеглась, тут же заворчала, встала, чтобы расчистить свое лежбище и сгрести в сторону острые камни, впивавшиеся мне в спину, снова растянулась и, прижавшись к нему, замерла неподвижно.

Заснуть не удавалось…

Маленькие демонята, живущие в моей голове, объелись кислоты…

Там грохотал бретонский марш традиционного военно-морского оркестра в техно-ремиксе.

---

[5] Примечания: 5

Quechua — марка спортивной одежды, обуви и инвентаря по доступным ценам. *(Прим. переводчика)*

Ад.

Мои мысли неслись с такой бешеной скоростью, что я уже за ними не поспевала, к тому же, как я ни старалась плотнее прижаться к Франки, покрепче обнять саму себя рукой, теплее мне не становилось.

Я замерзала, DJ Grumpy[6] вышиб последние нейроны мужества, которые у меня еще оставались, и маленькие слезинки из тех, что попроворнее, незамедлительно этим воспользовались, чтобы пробраться наружу, как крысы, одна за другой.

Черт, я уже и забыла, как это бывает.

Чтобы их остановить, я запрокинула голову назад, а там, там — ничего себе!

Меня вставило не оттого, что я вдруг увидела звезды — пока мы здесь шлялись, этого добра мы насмотрелись сполна, — а оттого, что мне вдруг открылась хореография звездного неба. *Плик!* Они — *Глинь!* — вспыхивали одна за другой, ритмично. Я и не знала, что такое — *Динь!* — возможно…

Они сверкали, словно ненастоящие.

---

[6] Примечания: 6
Диджей Ворчун (англ.).

Как будто светодиоды, а если и звезды, так совсем еще новые, только что распакованные. И будто бы кто-то крутил регулятор яркости.

Это было… великолепно…

Внезапно я почувствовала себя не такой одинокой и повернулась к Франку утереть сопли о его плечо.

Так, стоп… подонки, ведите себя прилично… добрый Боженька вам свой волшебный шарик дает, а вы нюни распускать…

Интересно, бывают ли в галактиках приливы, как в океане, или все это специально для меня? Подъем уровня Млечного Пути? Мегарэйв сказочных фей, явившихся осыпать мою голову золотой пылью, чтобы помочь мне подзарядить батарейки?

Звезды вспыхивали повсюду, и от их света, казалось, теплее становилась ночь. И я как будто загорала во тьме. И мир как будто перевернулся. И я уже не прозябала где-то там, на дне пропасти, нет, я как будто была на сцене…

Да, пусть я сейчас и находилась ниже некуда (находилась или нашлась?) — (ну, в общем, я перевернула картинку…), что-то все же было в моей власти.

Я ощущала себя в центре гигантского концертного зала, в этаком «Зените»[7] под открытым небом, только от края земли и до края, в самый разгар исполнения наикрутейшей песни, среди огромных экранов и множества огней от всех этих горящих зажигалок, от тысяч волшебных свечей, направленных ангелами на меня, — я должна была соответствовать. Я больше не имела права оплакивать свою судьбу, и мне бы так хотелось поделиться всем этим с Франки…

Он, конечно, тоже не отличил бы Большую Медведицу от Маленькой Кастрюли, но был бы так счастлив увидеть всю эту красоту… Так счастлив… Ведь это он настоящий художник из нас двоих… И именно благодаря его утонченному чувству прекрасного нам удалось выбраться из того дерьма, в котором мы обретались, и именно для него сейчас Вселенная достала этот роскошно поблескивающий смокинг.

Чтобы его отблагодарить.

Чтобы отдать ему дань уважения.

Чтобы сказать ему: мы знаем тебя, малыш… Да, да, мы отлично тебя знаем… Мы за тобой наблюдаем и уже давно заметили то, что ты одержим

---

[7] Примечания: 7

«Зенит» (*франц.* Zénith) — легендарный концертный зал в 19-м округе Парижа. *(Прим. переводчика)*

красотой… Всю свою жизнь ты только и делаешь, что ищешь ее, служишь ей и ее создаешь. Так что смотри… Любуйся, ты это заслужил… Взгляни на себя в это бескрайнее зеркало… Сегодня ночью мы наконец отдаем тебе должное… Твоя подружка, она вульгарна, вечно плюется да ругается, как старая шлюха. Мне непонятно, кто вообще ее сюда пустил… Вот ты — это другое дело… Ты нам как сын… Ты — член семьи… Иди же к нам, сынок, потанцуй-ка с нами…

Я разглагольствовала вслух…

С присущей мне скромностью я выступала ни много ни мало от имени Вселенной, обращаясь к парню, который не мог меня слышать.

Это было глупо, но мило…

Вот ведь как сильно я его любила…

Уф… и последнее… еще одну вещь мне хочется вам сказать, госпожа Вселенная… (произнося эти слова, я представляла себе Джеймса Брауна), хотя нет, на самом деле, две…

Во-первых, оставьте моего друга там, где он есть… И не зовите его больше, он не придет. Он, даже если и стыдится меня, все равно никогда меня не бросит. Это так, и даже вам не под силу это изменить, а во-вторых, извиняюсь за свою

постоянную брань.

Это правда, я перебарщиваю, но всякий раз, когда у вас вянут уши от моей ругани, знайте, что виной тому вовсе не отсутствие уважения — просто я бешусь, вовремя не находя верных слов. It's a man's world, you know…

— I feel good[8][9], — ответила мне Вселенная.

* * *

Я смотрела на все эти звезды и искала среди них нашу.

В том, что у нас была наша собственная звезда, я даже не сомневалась. Пусть не у каждого своя, но уж одна на двоих это точно. Наш общий маленький небесный светильник. Да, этот добрый маленький огонек, что обнаружил нас в день нашей встречи и год за годом опекал и в горе, и в радости, и, кстати, неплохо справлялся вплоть до сегодняшнего дня.

О'кей, несколько последних часов наша звезда, пожалуй, немного лажала, но вроде бы все уже

---

[8] Примечания: 8

Здесь: Это мужской мир, вы знаете… — Все хорошо (англ.).

[9] Примечания: 9

«It's a Man's World», «I Feel Good» — названия известнейших синглов Джеймса Брауна (1933–2006), американского певца, признанного одной из влиятельнейших фигур в поп-музыке XX в. *(Прим. переводчика)*

прояснилось…

Она прихорашивалась, красотка.

Щедро опрыскивала себя блестками от Sephorus[10].

Ха! Нормально — это ведь наша! Не будет же она держать свечку Всевышнему, пока ее подружки умчались на салют!

Я искала ее.

Придирчиво осматривала каждую, чтобы найти ее, потому что хотела многое ей сказать… Вернее, напомнить…

Я искала ее, чтобы убедить помочь нам еще разок.

Несмотря на все, что мы натворили.

Вернее — натворила я…

Да. Раз уж все это случилось по моей вине, то мне и дергать ее за лучик, активизируя службу поддержки.

Все прочие тоже были прекрасны, но мне на них было насра… прошу прощения, начхать, тогда как эта, уверена, стоит мне только поговорить с ней от чистого сердца, снова к нам снизойдет…

---

[10] Примечания: 10

Игра слов: Sephora — крупнейшая сеть магазинов парфюмерии и косметики во Франции, плюс «звездный» суффикс –us, как у Сириуса и пр. *(Прим. переводчика)*

* * *

Кажется, я ее нашла.

Кажется, это она, вон та… Я касаюсь ее кончиком пальца, а между нами миллиарды световых лет…

Крохотная, вся из себя такая мимими, блестючая что твой Swarovski, чуть поодаль ото всех.

Слегка в стороне…

Ну да, конечно, это была она. Размер XXS, недоверчивая одиночка, отдававшая всю себя. Блиставшая изо всех сил. Радовавшаяся тому, что она здесь. Обожавшая песни и знавшая все слова наизусть.

Призывно сверкающая в ночи…

Она наверняка последней уходила спать и первой вставала. Каждый вечер выходила в люди. Отжигала вот уже тысячу миллиардов лет, но по-прежнему не теряла блеска.

Эй, я не ошиблась?

Эй, это и вправду ты?

Прошу прощения, это и вправду вы?

Скажите… У вас найдется пара минут, могу я с

вами поговорить?

Могу ли я вам напомнить, кто мы такие, Франк и я, чтобы вы снова нас полюбили?

В ее молчании мне послышался тяжкий вздох, что-то вроде: «Ох, и как же вы все меня достали, спасайся кто может… хотя ладно, вам повезло, сейчас медленный танец, а у меня нет кавалера. Так что давайте, говорите, я слушаю. Гоните по-быстрому вашу историю, и я пойду подкрепляться своим Milky Way».

Я нашла руку Франка и сжала ее изо всех сил, а потом еще некоторое время приводила нас с ним в порядок.

Да, я навела красоту, чтобы представить нас в наилучшем свете: чистенькими-красивенькими, причесанными, приглаженными, и мы отправились покорять небеса.

Как Базз Лайтер[11].

Навстречу бесконечности и дальше…

---

[11] Примечания: 11

Базз Лайтер (*англ.* Buzz Lightyear) — персонаж студии «Pixar», космический рейнджер, один из главных героев серии мультфильмов «История игрушек». *(Прим. переводчика)*

* * *

Франка назвали Франком, потому что его мать и бабушка тащились от Франка Аламо («Biche, oh ma biche», «Da doo ron ron», «Allô Maillot 38–37»[12] и все такое прочее) (Да-да, и такое бывает…), а меня назвали Билли, потому что моя мать сходила с ума по Майклу Джексону («Billie Jean is not my lover / She's just a girl»[13][14] и т. д.).

Так что изначально мы с ним были не одним миром мазаны и никак не предполагалось, что однажды мы станем встречаться.

Что до Франки, то его матушка и бабушка так хорошо заботились о нем в детстве, что он подарил им си-ди «Возвращение йе-йе», билеты на концерт «Большое возвращение йе-йе», на музыкальный спектакль «Привет, друзья», блю-рей

---

[12] Примечания: 12

Названия популярных песен 60-х гг. французского певца, известного под псевдонимом Франк Аламо (настоящее имя — Жан-Франсуа Гранден, 1941–2012). *(Прим. переводчика)*

[13] Примечания: 13

Билли Джин — не моя любовница, / Она просто девушка (англ.).

[14] Примечания: 14

Слова из песни «Billie Jean» (альбом «Thriller», 1982 г.) легендарного американского артиста Майкла Джозефа Джексона (1958–2009). *(Прим. переводчика)*

плеер и даже круиз в придачу.

А когда преставился его драгоценный папик, Франк взял день отпуска, поехал на поезде к своим, привез их в первом классе и сопроводил до погоста уж и не знаю какой там церкви. И все это, чтобы поддержать их в тот момент, когда, напевая «Последний раз взмахнув рукой»[15], они загрузили гроб в катафалк…

Про свою мать я даже не знаю, были ли у нее еще дети после меня, какие-нибудь Бэд или Триллер, не знаю, плакала ли она, когда Бэмби прыгал в пропасть, потому что она свалила, когда мне еще и годика не исполнилось. (Надо сказать, я была на редкость доставучим ребенком… Мой папаша так мне однажды и заявил: «Твоя мать свалила, потому что ты была на редкость доставучим ребенком. Это правда, ты все время вопила»…) (Понятия не имею, сколько надо психоаналитиков, чтобы оправиться от подобного утверждения, но думаю, до хрена!)

Вот так вот однажды утром она ушла, и больше мы ничего о ней не слышали…

Моя мачеха на дух не переносила мое имя.

---

[15] Примечания: 15

«Sur un dernier signe de la main» — песня Франка Аламо. *(Прим. переводчика)*

Она говорила, что так называют только плохих мальчишек, и тут я никогда не могла ей ничего возразить… Как бы то ни было, я не стану поливать ее грязью… Хоть она и была настоящей дрянью, но в общем-то тоже не по своей вине… И вообще, я здесь сейчас не о ней говорить собиралась. Каждому свое.

Ну вот, звездочка моя, с детством покончили.

Франк о детстве говорить не любит, если и вспоминает когда, то лишь для того, чтобы от него откреститься. А у меня детства не было.

Одно то, что мне до сих пор нравится мое имя — учитывая мои обстоятельства, — это уже подвиг.

Только гению Джексона было такое под силу…

* * *

Мы с Франком ходили в один и тот же колледж, но лишь за два года до его окончания впервые заговорили друг с другом. На самом деле это был единственный год, когда мы с ним учились в одном классе. Позже выяснится, что впервые мы оба заметили друг друга еще в пятом классе, на общей линейке в первый учебный день. Да, мы узнали друг друга с первого взгляда, но бессознательно избегали общаться все эти годы, словно

чувствовали, что у каждого своих проблем выше крыши, и не решались взвалить на себя хоть что-то еще.

В школе я в основном искала дружбы с девочками в стиле Polly Pocket[16]. Такие длинноволосые милашки, у каждой — отдельная комната, целые коробки дорогих пирожных и мама, которая еженедельно подписывает дневник. Я делала все возможное, чтобы им понравиться, чтобы они почаще приглашали меня к себе.

Но, увы, всегда наступал такой момент, когда мои котировки резко падали… Обычно это случалось с приходом зимы… Значительно позже я поняла почему — всему виною был… была моя водогрейка… ну и… и в общем… соответственно, запах… грязной девки… уф, я даже заговариваюсь, настолько стыдно вспоминать. Ладно. Проехали.

Все эти годы я столько о себе врала, что вынуждена была писать своеобразные шпаргалки, чтобы не запутаться, переходя из класса в класс.

Дома я скалилась, как львица на голодном

---

[16] Примечания: 16

Polly Pocket (*англ., букв.* Карманная Полли) — линия игрушек, включающая в себя миниатюрных пластиковых кукол и множество аксессуаров. Первоначально наборы выпускались в футлярах карманного размера, с конца 90-х куклы Полли существенно «подросли» и в современном виде похожи на мини-Барби. *(Прим. переводчика)*

пайке — другого все равно не было, а вот в школе не высовывалась. В любом случае у меня бы сил не хватило обороняться двадцать четыре часа в сутки. Это надо на собственной шкуре испытать, чтобы понять, и те, кто испытал, прекрасно знают, о чем я говорю: круговая оборона… все время, всегда начеку… Особенно когда вокруг все спокойно… Моменты затишья — это самое худшее, это значит… Уф, да ну его на фиг… Наплевать.

Как-то раз на уроке географии наш учитель мсье Дюмон, сам того не ведая, открыл мне глаза на мою жизнь. «Четвертый мир… — сказал он, — это население, живущее за чертой бедности». Он говорил об этом запросто, как об экспорте полезных ископаемых или о песчаных наносах в бухте острова Мон-Сен-Мишель, но я, помнится, покраснела от стыда. Я и не знала, что в словаре есть специальный термин для обозначения той помойки, в которой я жила… Уж мне-то было прекрасно известно, что такого рода общество не особенно бросается в глаза. Никакие соцработники никогда к нам не приходили… Если на тебе нет следов побоев и ты каждый день ходишь в школу, то для всяких комиссий по защите прав ребенка ты просто не существуешь, а моя мачеха — не скажу, чтоб она выглядела уж очень при-

лично, но все же к ней относились с уважением, здоровались, когда она шла в супермаркет, спрашивали, как дети и все такое.

Я так никогда и не узнала, где она брала свое пойло…

Кому-то в детстве не давала спать Зубная фея, кому-то Санта-Клаус, а для меня самой большой загадкой было — откуда берутся все эти чертовы пустые бутылки. Откуда?

Большая, большая тайна…

* * *

И вовсе не государственная школа вытащила меня из этого дерьма. Не училки, не преподы, не милая мадемуазель Жизель, готовившая нас к первому причастию, не родители одноклассников, вечно негодующие по поводу веса портфелей своих детей, не более продвинутые родители моих чудесных подружек, слушавшие «Франс-Интер», читавшие книги и все остальное, нет, не они, а он… (в кромешной тьме я указала на него пальцем) он, Франк Мюллер…

Да, да, это именно он и есть… Этот дохляк Франк Мюмю, который был на полгода меня младше и на пятнадцать сантиметров ниже ростом, ко-

торый терял равновесие всякий раз, когда его хлопали по плечу, и которому вечно доставалось на автобусной остановке. Это он меня спас…

Он один.

Честно, я ни на кого не в обиде, сами видите, даже сейчас, я вот вам все это рассказываю и ведь ничего, справляюсь. Все это было давно. Все это так далеко от меня, что это как будто уже и не я в самом деле…

Хотя, признаюсь, меня всегда охватывает паника, когда приходится заполнять какие-нибудь бумаги. Фамилии родителей, место рождения, от одного этого у меня сразу подводит живот, но ничего, потом проходит. Это быстро проходит.

Единственное, что не проходит, — это то, что я больше никогда в жизни не хочу их видеть. Никогда, никогда, никогда… Никогда я не вернусь обратно, никогда. Ни на какую свадьбу, ни на какие похороны, ни за что. Да я даже если на машине замечаю номер с цифрами этого департамента, сразу перевожу взгляд на что-нибудь другое, чтобы приободриться.

Давным-давно — не думаю, что сегодня ночью успею вам это рассказать, поэтому вкратце, — так вот, давным-давно, когда меня постоянно перемыкало, мое детство еще слишком часто и больно

напоминало мне о себе, а сама я все чаще тянулась к бутылке, как говорится, для самозащиты, так вот, тогда я послушалась Франка: осуществила принудительную перезагрузку.

Я полностью вычистила свой жесткий диск, чтобы начать все сначала — в режиме «без неудач».

Это заняло кучу времени, и, думаю, у меня получилось, но все, чего я прошу взамен, это никогда больше их не видеть.

Никогда в жизни.

Даже мертвыми. Даже сожженными. Даже истлевшими на дне канавы.

И знаете, даже если… на этот раз буду с вами честна до конца… Даже если вы скажете мне сейчас: ладно, даю тебе двух санитаров, сэндвич с маслом и ветчиной, и ящик воды «Сан-Пеллегрино», а взамен ты помашешь ручкой своей мачехе или еще какой сволочи, так вот, тут я скажу вам «нет».

Нет.

Я отвечу «нет» и найду другой способ вытащить нас отсюда — без вашей помощи.

* * *

Ну так вот, значит, мы с ним ходили в один и тот же колледж в городке с населением меньше трех тысяч человек в так называемой сельской местности. «Сельская местность» — это красиво сказано. Так и видишь ручьи да холмы. Только поселок, откуда я родом и где прошло мое детство, вся эта местность ничем таким «сельским» не отличались. Это была, да и есть, та часть Франции, где уже давно ничего не течет, ничего не происходит, одно сплошное разложение.

Да, этот край гниет… Он умирает… Край, где хорошие парни слишком много пьют, слишком много курят, слишком сильно верят в лотерейное счастье, слишком сильно вымещают свою злость на близких и на животных.

Это мир самоубийц, сжигающих себя на медленном огне и тянущих за собой тех, кто слабее…

Их послушать, так проблемы только у молодежи с окраин, но жить в деревне, моя дорогая, это тоже, знаете ли, не так-то легко.

Вот только чтобы жечь машины, для начала нужно, чтоб они были, — а у нас хорошо, если одна за день проедет!

И деревня, если ты не такой, как все, убивает

быстрее, чем равнодушие.

Конечно, всегда найдутся разного рода туристы от политики, от всяких там ассоциаций, типа здорового питания биологически чистыми продуктами или еще чего-нибудь в том же сказочно милом духе, которые скажут вам, что я сильно преувеличиваю, но я-то их знаю, всех этих людишек… О да, я прекрасно их знаю… Они, как работники социальных служб: в конечном счете видят лишь то, что им показывают.

И я их понимаю.

Я понимаю их, потому что сама стала, как они.

Всякий раз, как я еду в Ранжис или возвращаюсь оттуда, а это минимум четыре раза в неделю, я точно знаю момент, когда мне лучше полностью сконцентрироваться на дороге. Да, дважды за время пути я не отрываю взгляд от разметки, жму на газ и изо всех сил соблюдаю безопасную дистанцию. Знаете почему? Потому что там, в этих местах, где-то между Парижем и Орли, на обочине, прямо вровень с шоссе, расположены две отвратительные помойки.

Проблема не в том, что они мерзко выглядят, проблема в том, что на самом деле это не помойки… Нет, это жилые дома. С комнатенками, в которых спят девочки, вынужденные постоянно

обороняться.

Ладно, проехали. Как я уже говорила, у каждого свои геморрои. Что до меня, то я столького натерпелась, что превратилась в законченного эгоиста, в настоящего монстра, и мой эгоизм — это лучшее, чем я могу поделиться с малышками Билли с автотрассы А6.

Смотрите, девульки, смотрите на меня, в моем старом битом фургоне, полном цветов, — я являюсь живым доказательством того, что из этой безысходности есть выход.

* * *

Да, мы заметили друг друга, но все эти годы избегали общаться, потому что оба были изгоями в нашем колледже имени Жака Превера[17].

Я — потому что жила в Сморчках (это не название какой-то дыры или грибной поляны, это… сама не знаю… никогда на самом деле не знала… типа рабочий квартал… или свалка, где мусор не сортируют… все думали, что там жили «цыгане», но они были никакие не цыгане, просто там жила семейка моей мачехи. Ее отец, дядьки, ее двоюродные сестры, мои сводные братья и все прочие — жители Сморчков, попросту говоря…), и каждый день утром и вечером я чуть ли не по два километра топала до следующей остановки, чтобы залезть в автобус как можно дальше от всего этого бардака и моего Home Sweet Mobile-home[18], так как боялась, что никто не захочет сидеть со мной рядом; ну а он потому что слишком сильно

---

[17] Примечания: 17

Превер, Жак (1900–1977) — французский писатель, поэт, сценарист. *(Прим. переводчика)*

[18] Примечания: 18

Дома, милого дома на колесах (англ.).

отличался от всех остальных…

Потому что он не любил девочек, но только они-то ему и нравились, потому что он прекрасно рисовал и был абсолютно неспособен к спорту, отличался хилостью и аллергиями на все и вся, вечно таскался один и, наглухо отгородившись от всех, витал в облаках, даже в столовую заходил последним, чтобы избежать шума и толкотни у турникетов.

Знаю, звездочка, знаю, моя дорогая… моя история сильно смахивает на дешевую штамповку… Маленький несчастный педик со своей помоечной Козеттой — довольно грубо, признаю, ну что ж… вы бы предпочли, чтоб я наплела вам что-то другое? Рассказала бы, что, мол, зимую я в настоящем доме, или добавила бы Франку мотороллер и пару браслетов на запястья, чтобы не выглядеть персонажами из идиотского телесериала?

Но нет… Мне бы очень хотелось, но не могу… Потому что это все про нас… Первый акт нашей

с ним жизни… Neverland[19] и Dadou Ronron[20]. Нежная ярость и упрямая башка. И не стану я ничего тут приукрашивать ради утешения сердобольных домохозяек…

So, Beat It.

Just Beat It[21][22].

Чего еще? Да хватит, пожалуй, разве нет? Я же не стала втирать вам про всякие приставания и прочие гнусности такого рода…

Мне повезло: в нашем доме это не практиковалось.

В нашем доме больно били, но в трусы не лезли.

Ох-ох-ох, звездочка моя, вы как?

К тому же, вы знаете, не думаю, что наша история такое уж прям клише. Думаю, во всех

---

[19] Примечания: 19

«Neverland» (*англ., букв.* Земля, которой нет) — калифорнийское ранчо Майкла Джексона, названное им в честь страны проживания его любимого персонажа — Питера Пэна. *(Прим. переводчика)*

[20] Примечания: 20

Отсылка к песне Франка Аламо «Da Dou Ron Ron» (1963 г.). *(Прим. переводчика)*

[21] Примечания: 21

Здесь: Так что проваливай. Просто вали отсюда (англ.).

[22] Примечания: 22

Слова из песни Майкла Джексона «Beat It» (альбом «Thriller», 1982 г.). *(Прим. переводчика)*

колледжах Франции, да и в прочих тоже, будь то в городе или деревне, в учебных классах полно «подпольщиков» типа нас…

Бойцов невидимого фронта, запутавшихся в самих себе, тех, кто с утра до вечера живет, затаив дыхание, и частенько от этого подыхает, если никто не подберет их однажды или они не справятся самостоятельно… К тому же, на мой взгляд, я в кои-то веки очень мягко об этом говорю. Не потому что хочу избавить вас от неловкости, а сама — избежать критики, просто однажды вечером в мой день рождения, тогда, мне кажется, исполнилось двадцать два, я сделала полную перезагрузку.

Я на глазах Франка Мюллера начала все сначала и поклялась ему, что с прошлым покончено. Что я больше никогда не позволю причинять себе боль.

Малышке Козетте, возможно, и не хватает воображения, зато она выполняет свои обещания.

* * *

Мы так старательно избегали друг друга, что запросто могли бы и вовсе разминуться.

Второй триместр подходил к концу, нам оставалось дотянуть всего несколько месяцев, а дальше

каждый пошел бы своей дорогой исходя из набранных баллов и собственных устремлений. Я мечтала как можно скорее пойти работать, а он… я не знала… Он, когда я смотрела на него издалека, напоминал мне Маленького принца… У него был такой же желтый шарф… И кем он станет — было никому неизвестно…

Да уж, каких-то несколько недель по-прежнему не замечать друг друга и навсегда друг друга потерять, стереть из памяти и внешние черты, и все, что за ними скрывалось.

Но не тут-то было: нам выпал второй акт…

Неужели Господь так устыдился того, что с Его попустительства здесь по сю пору творилось, что решил выправить ситуацию, сделав ее более удобоваримой, или же это вмешались вы? Вернее, ты? Да, мне надоело обращаться к тебе на «вы», словно я разговариваю с сотрудницей службы занятости. В общем, не знаю, кто это сделал и с какой целью, но по-любому все произошло в точности, как у Тима Бёртона, когда Чарли вытащил свой золотой билет из плитки шоколада

Wonka[23]. Это случилось… действительно в самый последний момент…

Ну вот, черт побери, стоило вспомнить, как опять накатило — пряча слезы, утыкаюсь обратно в свое разбитое изголовье.

* * *

Как говорится, привет, Альфред! Да, и когда я вам тут рассказывала, что ни школа, ни преподы ни при чем в истории моего спасения из Сморчков, я была неправа. Конечно, неправа… хотя с учетом того, как они ко мне относились, все эти преподы, возводить их теперь на пьедестал меня жаба душит, но все же… я должна им быть благодарна не только за то, что хоть иногда во время учебного года они оставляли меня в покое, я им обязана куда бóльшим…

Без мадам Гийе, которая вела у нас французский в восьмом классе и была повернута на театре — или на *живых картинах*, как она говорила, — без нее я сейчас уже точно была бы законченным зомби.

---

[23] Примечания: 23

«Чарли и шоколадная фабрика» (*англ.* Charlie and the Chocolate Factory, 2005 г.) — фильм режиссера Тима Бёртона по одноименной повести Роальда Даля. *(Прим. переводчика)*

С любовью не шутят
С любовью не шутят

С любовью
не
шутят

Ох… до чего же мне нравится повторять это название[24]…

[24] Примечания: 24

«С любовью не шутят» (*франц.* On ne badine pas avec l'amour, 1834 г.) — пьеса французского поэта, драматурга и прозаика Альфреда де Мюссе (1810–1857). *(Прим. переводчика)*

* * *

В то утро матушка Гийе явилась в класс с плетеными корзиночками для хлеба. В первой лежали бумажки с именами девочек, во второй — с именами мальчиков, а в последней — с названиями сцен, которые нам предстояло играть: девочкам в роли Камиллы, мальчикам в роли Пердикана.

Когда я услышала, что волею случая в партнеры мне достается Франк Мюмю, я не только не знала, что пьеса, о которой идет речь, вовсе не о животных (поскольку я-то услышала «Пеликана»), но еще и, помнится, с ходу расстроилась не на шутку…

Жеребьевку намеренно провели прямо перед пасхальными каникулами, чтобы нам хватило времени выучить наизусть текст, но для меня это было катастрофой. Разве могу я сосредоточиться и выучить хоть что-нибудь наизусть во время этих чертовых каникул? Заведомый провал. Я должна отказаться. И главное, пусть ему поменяют партнершу, а то ведь еще и он из-за меня схлопочет плохую оценку. В моем случае каникулы были синонимом… полного отсутствия самой

возможности выучить что бы то ни было. А тут вся эта болтовня в кружевных жабо, к тому же напечатанная мелким шрифтом, нет, об этом не стоило даже думать.

В общем, после уроков я уже настолько распереживалась, что и не заметила, как он ко мне подошел.

— Если хочешь, мы можем репетировать у моей бабушки…

Я тогда впервые в жизни услышала его голос и… Уф… О господи… Как же это было прекрасно… Мне сразу полегчало. Он помог мне выйти из стресса.

Каким образом? Освободив меня от необходимости о чем-либо *просить* взрослого…

Поскольку он решил, что я раздумываю (какой там — передо мной открывалась перспектива провести две недели в нормальном доме!), то скромно добавил:

— Она в прошлом портниха… Может быть, она и костюмы нам сделает…

* * *

Я отправлялась к этой даме ежедневно и с каждым разом проводила у нее все больше времени. Однажды я даже осталась там ночевать, потому что по телику показывали «Ожерелье»[25] и Франк предложил мне посмотреть фильм вместе с ними.

В кои-то веки мои Сморчки оставили меня в покое. Это ужасно, но в наших кругах — среди неимущих — начать половую жизнь в юном возрасте считается почетным.

Мне было пятнадцать, у меня был парень, я с ним гуляла, стала с ним жить — значит, не так уж и безнадежна.

Конечно, всевозможной грязи и унизительных домыслов я тогда наслушалась сполна, но, во-первых, к этому я давно привыкла, а во-вторых, до тех пор, пока родственнички не мешали мне сваливать, на все их оскорбления мне было глубоко плевать.

---

[25] Примечания: 25

«Ожерелье» (*франц.* La parure, 2007 г.) — фильм режиссера Клода Шаброля по одноименной новелле Ги де Мопассана. *(Прим. переводчика)*

Моя мачеха по такому случаю даже прикупила мне новых шмоток. Парень — это поважнее хороших оценок, считала она…

Если бы я знала это раньше, думала я, разглядывая свои первые более-менее приличные джинсы, если бы я знала, я бы давно уже напридумывала себе целую кучу пеликанов…

Даже не догадываясь об этом, по разнообразнейшим и на тот момент совершенно непонятным причинам, Франк одним своим присутствием — не «в моей жизни», нет, просто самим фактом своего существования — изменил весь расклад.

Во всяком случае — для меня.

Это были единственные за все детство и самые прекрасные в моей жизни каникулы.

Уф… Да когда ж это кончится…

Снова носом в подушку.

* * *

Поначалу меня там больше всего смутила тишина. Поскольку бабушка Франка оставляла нас заниматься одних, а Франк говорил очень тихо, то мне все время казалось, будто в соседней комнате покойник. Франк видел, что что-то не так, и то и дело спрашивал, все ли в порядке, и я всякий раз отвечала «да», хотя на самом деле чувствовала себя не в своей тарелке.

А потом привыкла…

Как в школе, переступая порог, я скидывала свои доспехи и попадала в другое измерение.

Первый раз мы с ним занимались в столовой, которая, наверно, никогда не использовалась по назначению, настолько там все было чисто. И странно пахло… Пахло старостью… Грустью… Мы сели друг напротив друга, и он предложил мне для начала вместе перечитать пьесу, а уж потом обсудить, как нам ее репетировать.

Мне было стыдно, я ничего не понимала.

Настолько ничего, что читала из рук вон плохо. Как будто расшифровывала китайскую грамоту…

В конце концов он спросил, читала ли я эту пьесу раньше или хотя бы тот отрывок, который нам с ним достался, и, поскольку я медлила с ответом, он закрыл книгу и молча уставился на меня.

Я уже готова была оскалиться. Не хватало еще, чтоб он тут меня доставал со всем этим бессмысленным словоблудием четырнадцатого века. Я не против была просто заучить заданные фразы наизусть, как пример старинного жаргона, то есть чисто фонетически, только пусть он тут со мной не корчит из себя учителя. Желающих одернуть меня и поставить на место, напомнив, какое я ничтожество, мне и без него хватало. Ладно еще в школе, там я старалась особенно рта не раскрывать, чтобы не нарваться на лишние неприятности, но здесь, в этой комнате, насквозь провонявшей средством для чистки зубных протезов, это было уже чересчур. И пусть он перестанет так на меня смотреть, иначе я уйду. Я не могу, когда меня так вот разглядывают. Это невыносимо.

— Мне очень нравится твое имя…

Мне было приятно это услышать, хотя я и подумала про себя: еще бы, это же мужское имя… но он с ходу утер мне нос:

— Так звали одну замечательную певицу… Знаешь Билли Холидей?

Я покачала головой.

Уф, нет… Ничего я не знала…

Он сказал, что как-нибудь даст мне ее послушать, а пока попросил меня пересесть:

— Слушай, иди сюда… Садись-ка ты на диван… Вон туда… На, держи подушку… Располагайся поудобней… Как будто ты пришла в кино…

Поскольку я никогда в жизни в кино не была, то предпочла сесть на пол.

Он встал напротив меня и заговорил.

Прежде всего он нормальным языком пересказал мне сюжет:

— Значит, так… Этот старик, которого зовут Барон… В начале пьесы он взволнован, потому что с минуты на минуту должны разом вернуться его сын Пердикан, которого он много лет не видел — Пердикан ездил учиться в Париж, — и Камилла, его племянница, с раннего детства бывшая у него на попечении, которую он не видел еще дольше, поскольку отправил ее на воспитание к монашкам… Не делай такие глаза, в то время это считалось нормальным… Монастырь заменял собой пансион для благородных девиц. Их там учили шить, вышивать, петь, в общем, делали из

них будущих идеальных жен, к тому же можно было не беспокоиться за их девственность… Камилла и Пердикан не виделись десять лет. Они выросли вместе и в детстве обожали друг друга. Как брат с сестрой, и очевидно, что даже немного больше, если хочешь знать мое мнение… На их воспитание Барон потратил уйму денег и теперь хотел бы их поженить. Именно потому, что они и так обожали друг друга, к тому же, их свадьба позволяла Барону поправить его собственный бюджет. Да уж… все-таки 6000 экю… Ты как? Ты меня слушаешь? Ладно, продолжаю. Так вот, у Пердикана и Камиллы, у каждого из них был свой наставник… Смотрела «Пиноккио»? Ну это что-то наподобие сверчка Джимини Крикета… В общем, тот, кто о них заботится, ну и заодно постоянно следит, чтобы они не сбивались с верного пути. У Пердикана наставником, то есть единственным его воспитателем, был Мэтр Блазиус, у Камиллы — мадам Плюш. Мэтр Блазиус — толстяк, бездонное брюхо, который только и думает, как бы выпить; мадам Плюш — старая грымза, которая только и делает, что перебирает четки и шипит, стоит какому-нибудь мужчине чересчур близко подойти к Камилле. Сама недотраханная, вернее, вообще отродясь не трахавшаяся, так что, понят-

ное дело, желающая той же участи и для своей подопечной…

Помню, к этому моменту я уже не знала, что и думать. Меня даже стали одолевать сомнения… Неужели это и вправду задала нам училка? Неужели это и вправду столь пикантно? А мне-то казалось… От самого имени этого парня — Альфред де Мюссе — за километр несло нафталином, и я… ладно, я улыбалась, а поскольку я улыбалась, Франк тоже выглядел совершенно счастливым. У него, казалось, выросли крылья за спиной, и он наговорил с три короба, удерживая мое внимание.

Сам того не ведая, он подарил мне первую в жизни встречу с театром. Первый в моей жизни спектакль…

Закончив с представлением персонажей, он принялся проверять, хорошо ли я всех запомнила, задавая мне всякие каверзные вопросы:

— Прости, но я вовсе не пытаюсь тебя подловить… Это просто чтоб ты не запуталась дальше, понимаешь?

Я соглашалась с ним, но на самом деле на пьесу мне было глубоко плевать. Я понимала только, что некий человек уделяет мне внимание, мило

со мной беседует, и для меня это было уже не задание по французскому, а настоящая научная фантастика.

А потом он прочитал мне «С любовью не шутят». Вернее, разыграл по ролям. Он менял голос, выступая за разных персонажей, и залезал на табурет, изображая хор.

В роли Барона он был настоящим бароном, в роли Блазиуса — старым добродушным толстяком в легком подпитии, в роли Бридена — мелким гнусным старикашкой, только и думающим что о еде, в роли мадам Плюш — старой девой, разговаривающей с поджатыми губками, в роли Розетты — милой крестьянской девушкой, попавшей в водоворот событий, в роли Пердикана — юным красавцем, не понимающим, чего же он хочет: гулять и трахаться или остепениться, в роли Камиллы — юной девицей, не шибко прикольной, но прямолинейной и рассудительной. По крайней мере, в начале…

Восемнадцатилетняя девушка, ничего не знающая о жизни, похожая на свечку, что зажигают в церкви: суперпростая, суперчистая, супербелая, сгорающая в собственном огне.

Да, у нее внутри настоящий пожар…

Я была… потрясена.

Прямо как давеча, когда, глотая слезы, увидела бескрайность неба, раскинувшегося надо мной…

Крепко сжимая в руках подушку, я так и застыла с улыбкой на губах.

Я улыбалась не переставая.

Как вдруг, изображая Пердикана, он с легким раздражением презрительно сказал Камилле: «Милая моя сестрица, монахини поделились с тобой своим опытом, но, поверь мне, это не твой опыт; ты не умрешь, не познав любви», и разом громко захлопнул книжку.

— Почему ты остановился? — забеспокоилась я.

— Потому что это конец нашей сцены и время полдничать. Ты идешь?

На кухне, подкрепляясь черствыми «мадленками», выданными его бабушкой, и запивая их уж и не помню чем, наверно «Оранжиной», я не сдержалась и высказала вслух то, что думала:

— Глупо вот так вот обрывать нашу сцену… Интересно ведь узнать, что она ответит…

Он улыбнулся.

— Согласен… Проблема в том, что дальше идет очень плотный текст… Длиннющие монологи…

Учить их наизусть — мало не покажется… Но все равно жаль, потому что лучшее в этой сцене, сама увидишь, происходит в финале, когда Пердикан выходит из себя и объясняет Камилле, что да, все мужики — придурки, все бабы — стервы, но в мире нет ничего прекрасней того, что происходит между придурком и стервой, когда они любят друг друга…

Я ему улыбнулась.

Мы больше тогда ничего друг другу не сказали, но в тот момент оба знали продолжение наперед.

Мы допили свою «Оранжину» так, словно бы ничего не случилось, но оба знали.

Знали и понимали, что это понятно нам обоим.

Мы понимали, что для нас это последний шанс реванша за все годы одиночества, проведенные среди придурков и стерв всего мира.

Да. Мы ничего не сказали друг другу, просто немного помолчали, глядя в окно, чтобы снять напряжение, но мы уже это знали.

Что на самом деле мы двое тоже прекрасны…

* * *

О том, что произошло потом, я могла бы рассказывать тебе всю ночь. О тех двух неделях, что мы провели вместе: как мы разговаривали, учили текст, разыгрывали его по ролям, ссорились, мирились, как я швыряла книгу, нервничала, отказывалась продолжать, истерила, бралась заново, как мы начинали все сначала, репетировали и репетировали, все снова и снова.

Я могла бы рассказывать тебе об этом всю ночь, потому что для меня моя жизнь началась именно тогда…

И это, звездочка моя, не образное выражение, а настоящее свидетельство о рождении, так что ты с этим, пожалуйста, не шути. А то я обижусь.

* * *

Мы решили встречаться каждый день после обеда и репетировать сцены, выученные с утра, и довольно быстро мне пришлось подыскивать себе тихий уголок вне дома, чтобы иметь возможность спокойно заниматься.

Я перепробовала разные места: заднее сиденье

разбитого автомобиля, крыльцо заброшенной лесопилки, старую прачечную, но мои попытки спрятаться превратились в своеобразную игру для детей моей сводной сестры (сводной в том смысле, в котором это было принято в нашей семье) — они таскались за мной повсюду и нигде не оставляли в покое, пока наконец я не нашла себе прибежище на кладбище, устроившись в одном из склепов.

Все эти кресты, черепа, обломки надгробий и ржавых оград — все это мгновенно настраивало на должный лад, а кроме того, как нельзя лучше подходило Камилле со всем ее занудством и истовой набожностью.

Я не специально выбрала это место, но оно и вправду оказалось более чем кстати…

Не знаю, было ли это связано с обстановкой, с тем, что покойники, убивая время, со скуки решили немножко мне подсобить, но я до сих пор в шоке от того, насколько легко и быстро я выучила тогда наизусть весь свой текст.

Поскольку я бережно сохранила старую книжку, мне иногда случалось, просто удовольствия ради, перечитывать нашу с Франком сцену, так вот, всякий раз мне хотелось саму себя ущипнуть, дабы убедиться, что это не сон. И как только мы

все это выучили? И как только мне это удалось? Я ведь даже с таблицей умножения до сих пор не справилась и всегда терялась, если нам задавали выучить больше пяти строк.

Я не знаю… Думаю, я сделала все это ради того, чтобы быть достойной Франка Мюллера… Чтобы он не разочаровался во мне… В качестве благодарности — ведь он так по-доброму говорил со мной в первый день…

Глупо, да?

И потом… не знаю, как бы все это объяснить умными словами, но мне казалось тогда, что суть не в том, чтобы взять реванш у мира и всех этих людей, которые в действительности уже давно мне были безразличны, а в чем-то значительно более важном…

Ведь мне не надо было ничего доказывать.

Никому.

Мне только хотелось сделать приятное Франку и вырваться из своего ада.

В ту пору я была слишком мала, чтобы все это осознать, а сейчас мне явно не хватает словарного запаса, чтобы выразить свою мысль, но, когда я, скрючившись в три погибели, зубрила в своем склепе слова этой девицы, которая все докапыва-

лась и докапывалась до истины, пытаясь найти ответ на безумные вопросы, терзавшие ее мозг, меня не покидало ощущение, что все это я делаю не просто так. Да, я влезаю в шкуру этой героини, жадно ищущей себя, чтобы по ходу позаимствовать у нее упертости и последовать ее примеру.

Должно быть, я думала про себя, хотя и не знала этого наверняка, что если я справлюсь со всеми своими репликами и тем самым позволю Франку Мюллеру исполнить его роль в наилучших условиях, то тогда, тогда я буду уже не одной из Сморчков.

Я стану… просто сама собой. Целиком и полностью. Родом отсюда, из этого заброшенного склепа. Из этой крохотной моей часовни…

Так вот, я сидела там, посреди осколков гипса, внимая бредням этой вздорной буржуйки, которая никогда в своей жизни ни в чем не нуждалась и хотела получить все сразу, весь прикуп, даже не начиная игры, которая предпочла бы и вовсе не играть, предпочла бы вовсе ничего не прожить, лишь бы не жить, как все, и всё, что мне оставалось делать, это как можно ближе к ней подобраться, чтобы понять ее потребность в большем, нежели она сама.

Потому что даже если я и не разделяла ее на-

вязчивых идей, я восхищалась ею…

Я знала, что она ошибается. Знала, что сестры-монашки хорошенько промыли ей мозг и что ее саму это тоже устраивало, потому что ей было страшно сделать шаг в пустоту. Знала, что она никогда не справится со своей гордыней и всю жизнь будет страдать из-за своей одержимости этой идиотской чистотой. Знала, что если бы она когда-нибудь хоть на пару минут заглянула в Сморчки, то сразу бы успокоилась и совсем иначе взглянула бы на свою жизнь — вела бы себя поскромнее, ну а пока именно это делало ее наилучшей пособницей моего побега.

Она настолько уперта и несгибаема, что никогда не отступится, так что если я, со своей стороны, не подведу, то у нас все получится.

Йес. С таким-то ослиным упрямством, как у нас двоих, мы сделаем это!

Конечно, тогда я всего этого не осознавала, но, звездочка моя, мне было пятнадцать… Мне было пятнадцать, и я готова была уцепиться за что угодно, лишь бы только выбраться оттуда…

Да, я могла бы говорить об этом всю ночь, но, поскольку времени у меня нет, перемотаю побыстрому и остановлюсь только на двух самых важных моментах в этой истории…

Во-первых, наш разговор после читки первого дня, а во-вторых — то, чем закончилось наше «выступление».

Эй, звездочка моя, ты еще здесь?

Ты ведь не бросишь меня, нет?

Когда тебе надоест слушать мою болтовню, пришли мне носилки с парой красивых парней в комплекте, чтобы воскресить моего Франки, и я тут же оставлю тебя в покое, обещаю.

(Эй, не напрягайся… Парней ты можешь стащить у Abercrombie[26], они там всегда во всеоружии.)

[26] Примечания: 26

Abercrombie & Fitch — американская компания, основанная в 1892 г. В наши дни специализируется на молодежной моде стиля Casual Luxury, известна своей провокационной политикой в области маркетинга и рекламы, а также принципами подбора и менеджмента персонала: в магазинах компании (более 1000 по всему миру) продавцами работают полуобнаженные юноши модельной внешности, с которыми можно фотографироваться. *(Прим. переводчика)*

* * *

Она умерла. Прощай, Пердикан!

Франк замолчал, и: Та-да-да-да… — типа объявил рекламную паузу… мол, продолжение следует!

С каким нетерпением я ждала продолжения.

Ломала голову, как именно эти двое снова выйдут сухими из воды, ведь смерть простолюдинки в таком великосветском антураже — явно сущая безделица, а хорошая история, особенно о любви, всегда заканчивается свадьбой с песнями, плясками и прочими прибабахами.

Но нет.

Это конец.

Он был взволнован, я рассердилась.

Он говорил, что это круто, я говорила «отстой».

Он видел в этом прекрасный урок, я — полный бред.

Он отстаивал Камиллу, твердил о ее честности, чистоте, о ее стремлении к абсолюту, тогда как с моей точки зрения, она была зажатой и унылой мазохисткой, легко поддающейся влиянию.

Он презирал Пердикана, а я… Я его понимала…

Он был убежден, что Камилла немедленно вернулась в монастырь. Печальная и разочарованная, она и так была о мужчинах не лучшего мнения, а тут лишь нашла подтверждение своей правоте. Я же была уверена, что в конечном счете она отдалась Пердикану прямо в кустах, предварительно обменявшись парой-тройкой примирительных писем.

Короче, сцепились мы с ним не на шутку, и сдаваться никто из нас не хотел.

Такой вот у нас с ним вышел словесный поединок.

Прости?

Ты что-то сказала, звездочка моя?

Ты совсем запуталась?

Ты подзабыла пьесу?

Сейчас, подожди. Не двигайся. Я расскажу тебе в двух словах, в чем там дело, сначала свою версию, потом — версию Франка, версию Мюссе ищи где-то посередине…

А) (моя версия) Камилла выходит из монастыря, где все свое отрочество выслушивала стенания монашек, которые кисли там от досады, горечи и отчаяния. Все они — либо обманутые жены,

либо уродины, либо и то и другое сразу, или же у их семей не хватало средств им на приданое. Ладно, о'кей, среди них наверняка попадались и более просветленные, и более мотивированные, но такие не забивают головы юных дев всякой дрянью. Такие молятся.

Камилла по-прежнему по уши влюблена в своего кузена Пердикана, столько лет просидев взаперти в этой консервной банке, она только о нем и грезит. Да, она вздыхает, сохнет по нему, страдает и все такое прочее, но поскольку она отъявленная гордячка и догадывается, что за это время в Париже он уже кучу девок сменил, и у нее от этой мысли аж зубы сводит, то она преследует его, всеми возможными способами пытаясь добиться, чтоб он типа встал на колени и, цепляясь за ее монашеское одеяние, изрек что-то вроде: «О да… это правда… я трахался с другими… но только гигиены ради, ты же знаешь… Мне всегда было на них глубоко плевать… Да и они все были шлюхи… Ты же знаешь, любовь моя, что я никогда не любил никого, кроме тебя… Да я больше никогда в жизни ни на одну другую женщину даже не взгляну… Клянусь тебе на твоем же кресте с распятием… Ну ладно, прости меня, чего уж там… Прости, что проваливался в коварные потайные

дыры, но было так темно, что я не видел ничего дальше кончика собственного члена…»

А так как ее план не срабатывает (увы, но нет…) (хотя он тоже ее любит…) (увы, но да…) (правда, не бряцая цепями, запирающимися на ключ) (увы, нет…) (в противном случае, это уже не любовь, а страховой полис) (увы, да…) (и все это — в сцене, которая нам досталась), то она решает вернуться обратно в свой бункер и пишет письмо подружке по дортуару, в котором, вместо того чтоб сказать: «Увы, он и я, мы не сошлись взглядами на жизнь, так что готовь мою плошку и волосяной матрац, я скоро припрусь назад», она сочиняет с три короба, типа: «О, сестра моя… О-ля-ля… Я ему отказала… Ох, бедный… Ох, как же он настрадался… Ох, помолитесь за него, потому что… кхе-кхе-кхе… не знаю, оправится ли он и все такое».

Ладно, в конце концов, почему бы и нет? Ей же надо было подготовить себе достойный прием по возвращении, с радостным щебетаньем и кудахтаньем, вот только ей не повезло: Пердикан перехватил письмо, прочел его (да, согласна, это низко), обнаружил, что она заливает без всякого удержу, и решил ее наказать, загуляв с бедняжкой Розеттой, что в замке пасла гусей и просто не вовремя проходила мимо.

Камилла видит их вместе, это задевает ее за живое, она осознает, что по-настоящему любит его, понимает, что должна взять себя в руки и прекратить идиотничать, но опять идиотничает, и Пердикан, сытый по горло этими ее блужданиями между ним и Иисусом, делает вид/принимает решение (по этому пункту мы с Франком спорим по сей день) и впрямь жениться на Розетте.

На этот раз Камилла не выдерживает и отбрасывает наконец свои четки, а вместе с ними и свое самолюбие.

О! Супер! Наконец-то они поцелуются после всех этих сцен, которые они закатывали друг другу на протяжении трех актов, вот только снова не повезло: Розетта, оказавшаяся неподалеку, все слышит и в отчаянии кончает с собой.

Остальное вы знаете.

Что ж…

Хлоп, хлоп, ага?

Уж лучше бы они шутили с любовью, эти придурки…

У них было все. Деньги, красота, здоровье, молодость, добрый папа, чувства друг к другу, все… И они все это порушили, да еще и по ходу человека убили… просто так, забавы ради… из эгоизма… чтобы порадовать себя пустой болтовней, покра-

соваться у фонтана, поглаживая себя веером по кончику носа.

Отвратительно.

Б) (версия Франка) Камилла любит Пердикана. Она любит его чистой любовью. Она любит его сильнее, чем когда-либо любил или будет любить ее он.

И она это знает, потому что, пусть даже она и выпендрежница, в любви ей известны такие области, какие ему с его «сорванцом» даже и не снились. А все почему? Потому что в монастыре ей открылась Истинная любовь, Большая и Чистая. Та, что никогда не разочарует, ибо не имеет ничего общего со всеми этими нашими сексуальными игрищами на поживу адвокатам и purepeople.com[27].

Да, ее коснулась милость Божья, и она готова пожертвовать своим счастьем на этой земле ради служения своему Божественному Возлюбленному.

А сюда она приехала, просто чтобы попрощаться с дядей и забрать уж и не знаю что. (Деньги, оставшиеся ей от матери? Не помню…) Но тут

---

[27] Примечания: 27

Информационно-новостной сайт о жизни разного рода знаменитостей. *(Прим. переводчика)*

она, увы, обнаруживает, что кузен Диди, какой бы он ни был ветреный, глупый и красивый, по-прежнему производит на нее впечатление…

Проклятие. Она разволновалась.

Да, это правда, она сглупила со своим письмом блаженной недотроги, строящей из себя роковую женщину, но, во-первых, он не должен был его читать, во-вторых, он мог бы прямо с ней объясниться, вместо того чтобы доставать ее, используя бедняжку Розетту. (Розетта, кстати, тоже живой человек, причем самый что ни на есть настоящий, и у нее есть сердце, душа, слезы… ну и… и утки с индюшками.)

Какая мелкая месть… И что ж? Камилла любит его. А в любви она честна. Будь то любовь к Богу или любовь к подонку. Когда она любит, она не считается: она отдает все. А когда она донимала его тут давеча, в нашей сцене, своими мрачными размышлениями о любви, смерти, тлене и верности, то делала это вовсе не с тем, чтобы его подгрузить, а чтобы он ее успокоил.

Не вышло.

А поскольку она куда более зрелая, чем он, к тому же за него в значительной мере думает его член (как, интересно, его называли в то время? копье с бубенцами?), то он ни хрена не понимает

из того, что она выливает на его голову, и принимает ее за бедную экзальтированную Мисс Ледышку, которой матушки-настоятельницы напрочь заморочили голову.

Короче, юному баронету явно многого не доставало…

Но ведь это Камилла Несравненная, и ради любви она готова проглотить любую обиду.

Да, из любви к Пердикану она уже даже согласна быть любимой без всяких гарантий, в свободном режиме. Высший класс, разве нет? Услышать такое, да еще и из ее уст… В этом она вся: честна до безумия. Она выглядит фригидной, но на самом деле все наоборот. Эта девочка как лава… Как извержение вулкана…

Она безумно любит саму любовь, поэтому-то она так уязвима. И вместе с тем так прекрасна…

Такие девчонки, как она, появляются раз в столетие, и, как правило, они плохо кончают.

Слишком большое напряжение, как говорится…

Они как лампочки, слишком мощные для имеющихся в продаже патронов, как бы они ни выкручивались, стараясь приспособиться, стоит зажечь — пф! — сразу вышибает пробки.

Да, потом, конечно, напряжение стабили-

зируется, все с облегчением переводят дух и возвращаются к повседневным делам, но для таких, как она, это конец: перегорают. Их слегка встряхивают — внутри у них что-то побряцывает: дзинг-дзинг — и выкидывают на помойку.

Так что же Камилла? Была ли она в действительности такой, как казалась, или и впрямь переела облаток?

Досталось ли ей от рождения слишком большое сердце, чтобы довольствоваться ширпотребным счастьем, или же кипящая лава застыла бы, наткнувшись на грязные носки старика Пердикана, забытые под стульчаком?

Все это было бы возможно узнать, лишь взглянув на выражение ее лица в день двадцатилетия их свадьбы, но игра окончена: этот кретин, этот папенькин сыночек до того доигрался, что бедняжке Розетте надоело ощущать себя главной проблемой в жизни двух богатеньких лоботрясов, которые день напролет пичкают тебя сладкими сказочками и тут же в грязных своих сапожищах и в душу залезут, и по головам пройдут, так что она за кулисой кончает с собой.

О, черт… Это уже не просто моветон, это портит весь праздник… Эй! Отменяйте банкет, тут гро-

бовщик снимает мерки!

Прощай, любимый, клятвы, свадьбы, флейты, барабаны, пьеса окончена, публика расходится с неприятным осадком в душе.

Итог состязаний, по версии Франка: искания Камиллы и поступок Розетты — это одно и то же. В любви либо все, либо ничего.

Поскольку с любовью НЕ ШУТЯТ.

И точка.

Конец.

* * *

Я сейчас все это рассказываю в режиме супербыстрой перемотки, а тогда у нас с ним не один час ушел на то, чтобы разобраться в этой мешанине.

Ко всему прочему, Франк мне в конце концов признался, что эту пьесу автор написал после собственного неудачного романа, типа чтобы показать той, что его бросила, масштаб потери, и это еще больше укрепило меня в том неприятном чувстве, которое вызывало у меня такое разбазаривание жизни.

Во всем этом меня тяготило скрытое желание отыграться, преподнести урок. Я не отстаивала свою точку зрения — слишком сложно для моей

маленькой головы, но про себя я сделала вывод: этот Мюссе, он был не особенно откровенен. Он использовал Камиллу в собственных интересах, а его интересы не имели ничего общего с любовью к Богу…

Я не настаивала, заметив, что еще немного, и Франк начнет меня презирать, потому что нельзя же все путать: искусство — не сплетни про то, кто с кем спит, но я… Ладно, у меня по французскому в среднем четыре балла из двадцати, так что уж лучше я помолчу, однако женщину, что кинула этого самого автора, я понимаю на все сто.

Да, да, да… Не шибко честный, этот поэт…

Так что вот… мы с ним спорили, и это бог знает сколько бы еще продолжалось, если бы Франк не взглянул на часы.

— Проклятье! — сказал он и резко встал: ему надо было спешить, чтобы поспеть домой к ужину. (У меня дома распорядок дня был… уф… более свободный…)

(Мальчик, который говорит «Проклятье!» и беспокоится о том, чтобы не дай бог не нарушить мамочкино расписание, — все это было очень непривычно… Все мне казалось странным, абсолютно все… На самом деле я там не столько роль учила, сколько открывала… новую для себя

цивилизацию…) (Не так, как это делали первооткрыватели, а наоборот.) (В роли дикарки с костью в носу и в набедренной повязке из банановых шкурок, втихаря подсматривающей за белыми людьми.)

Сразу после того, как Франк посмотрел на часы, и начинается тот важный момент, о котором я хотела тебе рассказать. Это наш с ним разговор по дороге от Клодин (она же — бабушка Франка) (но мне она сама разрешила называть ее Клодин) до его дома.

И так как разговор этот очень важен и мне надоело использовать косвенную речь со всеми этими бесконечными «что», через которые не продраться, то я и перескажу его диалогом.

В духе Альфреда…

Тук! Тук! Тук! (Три удара гонга.)

Вжи-и-и-ик (Подымается занавес.)

Кхе-кхе-кхе… Хр-р-рынь… Фр-р-рынь… (Это старичье в зале откашливается и сморкается.)

Ля-ля, та-ти… та-та… (Музычка.)

Дорога

Болтовня Франка и Билли

Билли. На самом деле, это тебе надо было бы играть Камиллу…

Франк *(аж споткнулся, будто подвернул лодыжку)*. Почему ты мне это говоришь?

Билли *(которой плевать на его лодыжку)*. Ну, потому что… Потому что ты такого высокого о ней мнения! Раз так, то и защищай ее до конца! Я, может быть, и хотела бы вжиться в ее образ, но я не чувствую эту девицу… Я считаю, она слишком заморачивается… Эй, выучить всю ее болтовню для меня не проблема, слышишь? Просто мне больше нравится Пердикан…

Молчание.

Франк *(голосом мадам Гийе)*. Тебе не надо *становиться* Камиллой, тебе надо просто ее сыграть…

Билли *(собственным голосом)*. Отлично, надо сыграть? Так давайте поиграем! Мне вот больше нравится играть Пердикана. Мне было бы забавно сказать тебе о том, что если однажды мы разлюбим друг друга, то каждый будет волен заводить себе любовников до тех пор, пока твои волосы не поседеют, а мои не побелеют.

Молчание.

Франк. Нет…

Билли. Чего нет?

Франк. Нет, это плохая идея…

Билли. Почему?

Франк. Училка не просто так распределила роли, и мы должны делать, как она сказала.

Билли. Но… Но ей ведь наплевать, разве нет? Главное — какую сцену учить, а уж кто кого играет — неважно…

Молчание.

Франк. Нет…

Билли. Почему?

Франк. Потому что я мальчик и буду играть роль мальчика, а ты девочка, поэтому тебе — роль девочки. Вот так, все очень логично и просто.

Билли *(которая плохо учится в школе, зато немножко разбирается во взрослой жизни, мгновенно чувствует, что задела его больное место, и, чтобы разрядить обстановку, меняет тон на игривый).* Уважаемый, вам же не надо *становиться* Камиллой, вам надо просто ее сыграть!

Франк *(ничего не говорит… улыбается… вот ведь забавная эта девица из Сморчков… замечает, что в кои-то веки у нее чистые волосы и на ней не эти жуткие тренировочные штаны, в которых она ходит круглый год).*

Молчание.

Билли. Ладно… Ты не хочешь?

Франк. Нет. Я не хочу.

Билли. Ты не хочешь сказать от всего сердца что-нибудь типа: «Да что ты знаешь о любви, ты, свои колени поистерший о ковры, выслуживаясь перед своими любовницами?»

Франк *(улыбаясь)*. Нет…

Билли. Тебе не хочется воскликнуть перед всеми: «Любить хочу, но не хочу страдать! Хочу любить любовью вечной!»

Франк *(смеясь)*. Нет.

Билли *(искренне взволнованная)*. Но вот уже два часа, как ты мне доказываешь прямо противоположное… Два часа ты убеждаешь меня в том, что она права… Что он ничтожество рядом с ней… Что любовь, это и впрямь так прекрасно, что с ней нельзя шутить, и все такое…

Франк *(искренне взволнованный от вида искренне взволнованной Билли, ускоряет шаг и поднимает руки к небу)*. Но… Но это всего лишь пьеса! Это игра! Мы ведь не перед судьей выступаем и не перед комиссией по профориентации! Это театр, Билли! Это… это развлечение!

Билли *(отвечает не сразу, тщательно подбирает слова, словно понимает, что ее истинная*

роль, единственная настоящая, которую она должна сыграть, это именно сейчас, а все остальное: Камилла, Розетта, Пердикан, Господь Бог, Мюссе, мадам Гийе, романтизм, романтическая жизнь, романтический театр, все олухи ее класса, вонючие граффити, до смерти обидные перешептывания за спиной, девочки, которые расходятся, стоит ей подойти, оскорбления, сплетни, плевки, разлетающиеся по ветру, мальчишки, не дающие ему прохода, истории о прошлогоднем учителе пластических искусств, все те грязные слова, которые навсегда останутся в памяти, сертификат об окончании колледжа, конец учебы, прямая дорога на завод, закрытые магазины, выставленные на продажу дома, будущее без перспектив и надежды, формуляр RSA[28] *уже в кармане, телевизор на полную катушку, ну и все прочее, так вот, все это чепуха по сравнению с тем, что она сейчас чувствует, поэтому она некоторое время молчит, перебирая в голове все то, чему ее дерьмовая жизнь уже успела научить, все, что ей довелось увидеть, услышать и пережить в Сморчках и окрестностях, все свои познания о человеческой природе, все, чему научили ее эти*

[28] Примечания: 28

RSA (Revenu de solidarité active, *франц.*) — социальное пособие малоимущим. *(Прим. переводчика)*

люди, живущие без веры и закона, без гордости и морали, без ничего; жестокие, глупые, пьяные и злые, без устали строгающие детей, на которых им глубоко наплевать, которых они учат пи́сать в пивные банки, едва успевая их опустошать, стрелять из карабина по новорожденным котятам и, не задумываясь, подтираться письмами из мэрии; они обкуривают их с самого детства табачным дымом, роняют пепел на их школьные тетрадки, бьют их по поводу и без и оставляют на ночь одних в холодном трейлере, когда хотят спокойно отдохнуть и потрахаться всем вместе, чтобы наделать новых детей, на которых им глубоко наплевать и т.д., и что…)

Франк *(обеспокоенно).* Молчишь… Ты на меня злишься?

Билли *(еще не до конца разобравшаяся в своей голове, но — была не была — как обычно, решившая импровизировать).* Нет, просто я… Я тебя не понимаю… И это на самом деле относится не только к тебе… Я говорю о тебе, но имею в виду не тебя, а… нечто большее… Это относится ко всем… Нечасто в жизни выдается случай высказать, что думаешь, да еще и хорошо все это сказать… Заранее подготовленными словами… Воспользоваться персонажем, которого кто-то выдумал,

чтобы с его помощью втихаря передать что-то такое, что тебе кажется очень важным… Сказать, кто ты есть… Или кем бы ты хотел быть… Причем сказать это так, как тебе никогда бы не удалось самому, не будь у тебя под рукой уже готовых и таких красивых фраз…

Франк *(?!?!).* …

Билли. Но… уф… не делай такое лицо! Ты прекрасно видишь, что я с трудом подбираю слова! Не строй из себя такого же идиота, как я! Все, что я пытаюсь тебе сказать, это то, что если есть в тебе что-то, что может помочь… помочь жить… полной жизнью… что-то, что заставляло бы тебя дышать, вдохновляло бы до самой смерти… что-то, что было здесь до тебя и останется после… Да, что-то, что будет говорить о тебе после того, как ты откинешь копыта, что-то, что никогда тебя не предаст, так если это есть… уф… то какая тебе на фиг разница, какие там у тебя половые признаки?

Франк. Что, прости?

Билли. Да, да, ты прекрасно меня понял… Что я должна сказать? Член? Киска? Сиськи?

Франк *(???).* ???

Билли. Эй, ты меня подкалываешь или что? Ты не понимаешь, что я хочу сказать, или ты не

хочешь понять? Девочка ты или мальчик — это имеет значение разве только для цвета спальни ребенка, для его одежды, игрушек, для парикмахерской — в смысле цены за прическу, при выборе фильмов, которые ты смотришь, или вида спорта, которым хотел бы заняться, или… ну я не знаю что! Есть вещи, в которых еще имеет значение мальчик ты или девочка… Но здесь… когда речь идет о чувствах… о том, что ты чувствуешь, что накрывает тебя изнутри прежде, чем ты успеваешь это осознать… то, от чего впоследствии будет зависеть вся твоя жизнь, типа того, как ты видишь свои отношения с людьми, кого ты любишь, до какой степени ты готов терпеть, прощать, биться, страдать и все такое, и что ж… нет, ну правда, ну какое отношение ко всему этому имеет твоя анатомия, спрашиваю я саму себя… Но и тебя, кстати, тоже… Если ты за Камиллу, ты на ее стороне, то почему тебе не наплевать, что ты мальчик, чтобы ее сыграть? К тому же ведь выступать нам не во Французской академии, а всего-навсего в гнилом классе гнилого колледжа одного маленького гнилого городка… Ну, что скажешь? Тебе не наплевать? Произнося вслух слова Камиллы, ты ничем не рискуешь, наоборот! Она крепкая девка! Она клевая! Она готова сломать

свою жизнь ради своих принципов. Ты таких много знаешь? Я — ни одной… Так что с любовью не шутят, о'кей, но взамен успокой меня, со всем остальным-то нам можно шутить, или как? Или же всем — прямиком в монастырь, и нет проблем! Нет, ну правда, как же меня это бесит! Меня бесит весь этот бред, постоянно! Бесит! Твои отговорки про мальчиков и девочек… Говорю тебе сразу: это дерьмо. Не выдерживает никакой критики. Придумай что-нибудь другое.

Молчание.

Продолжительное молчание.

Франк. Театр — это не в Академии, это в «Комеди Франсэз»…

Билли *(все еще взбешенная тем, что ей пришлось так глубоко забраться и так низко опуститься, чтобы в итоге так плохо выразить такие важные вещи)*. Плевать.

Молчание.

Франк. Послушай, Билли, знаешь, почему именно ты должна сыграть Камиллу?

Билли. Нет.

Франк *(в восхищении оборачивается к ней)*. Потому что там есть момент, когда Пердикан в восхищении оборачивается к ней и говорит: «Как ты прекрасна, Камилла, когда глаза твои горят!»

На этом наш разговор был закончен. Во-первых, потому что мы подошли к его калитке, а во-вторых, потому что если Камилла после этих слов резко ставит его на место, напомнив, что ей больше нет никакого дела до его комплиментов, то я, поскольку мне впервые в жизни делали комплимент, я… я не знала, как реагировать. Правда. Просто не знала. Поэтому прикинулась напрочь глухой, чтобы ничего не испортить.

Потом он кивнул в сторону своего дома и сказал:

— Я бы, конечно, мог пригласить тебя зайти…

Я уже забормотала было: «О, нет, нет», но он меня перебил:

— …но я тебя не приглашаю, потому что они тебя недостойны.

И это уже, конечно, было совсем другое дело, куда важнее, чем вся эта болтовня Пердикана…

Это было как кровь, которой индейцы, вскрывая вены, скрепляют дружбу.

Это означало: «Ты знаешь, малышка Билли, несмотря на всю твою грубость и необразованность, я прекрасно тебя услышал — все, что ты тут сейчас объясняла, и, знаешь, я на твоей стороне».

Вот.

Стоило Франку переступить через порог, как его обступили с расспросами – не скрывая любопытства и перемигиваясь с понимающим видом – о той девушке, с которой он шел по улице.

Ни уклончивый ответ Франка, ни его явное раздражение не испортили настроения его отцу, который в тот исключительный вечер за все время выпуска вечерних новостей ругался куда меньше, чем обычно.

Так хрупкий силуэт какой-то робкой замухрышки, которая питалась кое-как тем, на что хватало пособия, и которой предстояло сейчас протопать пешком три километра в сгущавшейся темноте, в то время как он брал себе добавку картошки, запеченной в сливках и посыпанной сыром, по крайней мере, на один вечер заслонил собою Великий Заговор, организацией которого с самого конца холодной войны – уж кто-кто, а Жан-Бернар Мюллер прекрасно это знал, будучи в курсе всех последних событий, – занимались

франк-масоны, евреи и гомосексуалисты всего мира.

Явись Билли, и Запад был бы спасен. (*Прим. автора*).

* * *

Знаешь, звездочка моя, а Франк оказался прав, и все должно было быть именно так, и знаешь почему?

Прежде всего потому, что он был хорошим актером, в отличие от меня. А я, сколько бы ни слушала его советы, была абсолютно неспособна им следовать, делать, как он, размахивать руками, говорить с интонацией, с чувством, и в конце концов как раз то, что я вела себя словно кол проглотила, и позволило мне почти идеально сыграть Камиллу, потому что именно такой она и была.

Такой же напряженной, недоверчивой и зажатой, какой ощущала себя я в том странном одеянии из мешковины, что сварганила мне Клодин.

И не только потому, что Франк в роли Пердикана был великолепен — а когда я говорю «великолепен», уж мне-то ты можешь поверить, потому что за весь мой рассказ я всего второй раз произношу это слово, а в первый я употребила его, когда говорила о тебе и твоих сестрах, — да,

Франк был великолепен… нежный, любезный, жестокий, печальный, забавный, злой, задавака, уверенный в себе, ранимый, взволнованный Пердикан, облаченный в сюртук своего прадедушки, сельского полицейского, который Клодин подогнала ему по фигуре, начистив до золотого блеска пуговицы с лисьими мордами, но еще и из-за моей жвачки «Малабар» с двойным вкусом.

Поясню: в последней тираде, самой важной, о которой Франк говорил мне в первый день, — из той сцены, где речь о придурках и стервах, — в какой-то момент Пердикан говорит Камилле, сжав зубы и сдерживаясь изо всех сил, чтобы не прикончить ее в порыве гнева, что «…мир — бездонная клоака, где безобразнейшие гады[29] карабкаются, извиваясь, на горы грязи» и т. д.

Когда, репетируя, мы с ним дошли до этого места, понятное дело, что, встречаясь ежедневно на протяжении почти что двух недель и постоянно общаясь то как Камилла с Пердиканом, то как Франк и Билли, мы уже все друг про друга знали и были друзьями навек.

Так что ему не пришлось долго мучиться — я

---

[29] Примечания: 29

В оригинале: phoque (*франц.*) — тюлень; на современном франц. жаргоне — гомосексуалист. *(Прим. переводчика)*

уже и сама догадалась, что его что-то тревожит.

Ну да… Я очень проницательна… И я подозревала, что его сильно удручает моя манера игры…

Поэтому я решила добиться от него полной откровенности — пусть уж он выдаст мне все разом, чтоб больше к этому не возвращаться.

— Ну давай, чего уж. Выкладывай. Я тебя слушаю.

Он покрутил в руке книжку, словно полицейскую дубинку, вздохнул, посмотрел на меня, нахмурив брови, и наконец шепотом произнес:

— Это одна из лучших сцен в пьесе… возможно, даже лучшая… а из-за того, что Пердикана играю я, у нас ничего не получится.

— Эй… с чего это ты взял?

— Просто… — добавил он, глядя в сторону, — когда я произнесу слово «гад», то вместо Пердикана все сразу увидят Франка Мюмю и начнут потешаться…

Я настолько не ожидала подобного откровения (Франк никогда не показывает своих слабостей, и даже сейчас, звездочка моя, он потерял сознание лишь для того, чтобы скрыть от нас свои страдания), что ответила не сразу.

(Да, и это тоже я узнала от него… Как исподтишка закравшиеся сомнения обнаруживаются в

самых неожиданных и нелепых местах, особенно у людей, которые значительно сильнее вас.)

Я молчала.

Ждала, пока тихий ангел пролетит… За ним — еще один… Третий наконец мне подмигнул и подбодрил, подняв вверх большой палец, — я встала поудобнее, чтобы попасть в его поле зрения.

— Спорим на что угодно, что ты ошибаешься?

И так как он не реагировал, пустила в ход последнее средство:

— Эй, Франк… Ты слышишь меня? Вернись, пожалуйста, посмотри мне в глаза. Спорю на «Малабар» с двойным вкусом, что *никто* не засмеется…

И, черт побери, я с легкостью выиграла это пари! Без проблем! А теперь вот реву из-за него… Все реву и реву…

Прости… Прости… Это все холод, голод и усталость… Прости, звездочка моя…

А реву я потому, что он должен был бы мне отдать не один «Малабар», а целое кило! Контейнер! Грузовик!

Да, да, он должен был бы засыпать меня этими жвачками с головой, если набрался смелости довериться мне…

* * *

По хронологии пьесы (да, тут я тебе постараюсь все рассказать красиво, в эпическом, так сказать, ключе) выступление наше ожидалось последним. С милостивейшего дозволения дамы Гийе мы на краткий миг удалились сменить одежды, а когда возвратились в нашу обитель знаний, я — в уборе из джутового полотна и с крестом на шее, он — в ладно скроенном благородном своем рединготе с золочеными пуговицами, то уже казалось, фортуна поворачивается к нам лицом.

О да, эти нескончаемые перешептывания — сколь часто и он, и я становились для них мишенью — отчетливо изменили тональность: в них ощущалось значительно меньше грязи…

Наша публика выглядела покоренной, мы окинули взором зал и принялись деклари… деклами… тьфу, подожди, я перейду в нормальный режим, иначе замучаюсь подбирать слова, так вот, мы с ним просто рассказали все то, что крепко-накрепко выучили наизусть, изо дня в день твердя этот текст в маленькой похоронного вида столовой Клодин.

Только мы его рассказали значительно лучше.

Я — потому что была в таком же стрессе, что и

моя героиня, он — потому что в кои-то веки мог быть не самим собой…

Не согласившись с выпавшим нам по жребию, мы сыграли всю пятую сцену второго акта, то есть намного-много больше того, что нам было задано.

Сколько раз может любить порядочный человек?

Если бы священник вашего прихода дунул на вас и сказал мне, что вы будете любить меня всю жизнь, должно ль мне было бы верить ему?

Выше голову, Пердикан! Что это за человек, который ни во что не верит?

Вы делаете свое дело, как и положено молодому человеку, и улыбаетесь, когда вам говорят об опечаленных женщинах…

Значит, ваша любовь — разменная монета, если она может вот так вот переходить из рук в руки до самой смерти?

Нет, это даже не монета; ведь самый маленький золотой имеет бóльшую ценность: через какие бы руки он ни прошел, он сохраняет свою чеканку.

Вот. Это были мои слова. То, что запомнилось.

Эти обрывки мучительных сомнений, все то

немногое, что осталось во мне от Камиллы, я расскажу этой ночью тебе, звездочка моя, для тебя…

Сколько раз может любить порядочный человек?

Выше голову, Пердикан!

Значит, ваша любовь — разменная монета?

Красиво, не правда ли?

И сегодня — потому что я повзрослела, потому что всю жизнь влюблялась навсегда, и бросала навсегда, и столько слез пролила, и столько настрадалась, и столько страданий доставила, и начинала все сначала, и столько раз еще начну, — так вот, сегодня я лучше ее понимаю, эту малышку…

В ту пору я была настолько настроена против всех, что она показалась мне страшной занудой, но теперь-то я точно знаю, кто она такая: она сирота.

Такая же, как и я, сирота, которая так же, как я, умирала от любви…

Да, сегодня я сыграла бы ее с большей нежностью…

Что же до Франка, то в тот апрельский четверг уж и не помню какого года на втором часу занятий в аудитории 204 корпуса С колледжа имени

Жака Превера его выступление буквально «взорвало» зал.

Старший пожарный, мсье Гудок, взрыв подтверждает.

Франк крутился, подпрыгивал, подтрунивал надо мной, расхаживал вокруг да около, уселся на учительский стол, словно на край колодца, приподнял стул и резко поставил его на место, прислонился к доске, поиграл с мелком, обратился к моей тени, что пряталась между шкафом со словарями и запасным выходом, кинулся к подхалимам на первых партах, заговорил с ними, словно бы призывая в свидетели, он…

Он был и бабником, и мальчишкой, и мелким провинциальным дворянчиком, от которого все еще веяло парфюмом парижских кокоток, и простофилей, и придурком, и взрослым юношей, высокомерным и деликатным.

Влюбленный… Гордый… Лживый… Самоуверенный… И, возможно, раненный в самое сердце…

Да… Раненный смертельно…

Сегодня, когда я сильно повзрослела и все прочее, я стала об этом задумываться…

Наверно, как и Франк, Пердикан сильно страдал, просто не показывал вида…

Короче говоря, в тот момент, когда я должна была бы беспокоиться о своем «Малабаре» больше, нежели о своей девственности, то есть в тот момент, когда слова, столь пугавшие Франка накануне, бурным потоком выплеснулись из его сердца, с которого он наконец снял все ограничители (у нас так говорили про мопеды… типа если хочешь ехать на 4 км/ч быстрее, да еще и с грохотом, от которого лопаются барабанные перепонки, то снимаешь ограничители), я слушала его с куда большим вниманием, чем в свое время слушала бы его Камилла, потому что мне было известно, чего ему стоило их произнести; да, так вот, когда он бросил мне (прошу прощения за неточный пересказ, долгое время я помнила его слова наизусть, но пару-тройку мелочей наверняка дорогой растеряла), глядя мне прямо в глаза и уже взявшись за ручку двери:

— Прощай, Камилла. Возвращайся в свой монастырь. И когда тебе снова станут рассказывать эти гнусности, которые отравили тебя, отвечай то, что я тебе скажу: все мужчины — обманщики, непостоянны, лживы, болтливы, лицемерны, заносчивы или трусливы, достойны презрения и сладострастны; все женщины — коварны, тщеславны, лукавы, любопытны и порочны; весь

мир — бездонная клоака, где безобразнейшие гады карабкаются, извиваясь, на горы грязи; но есть в этом мире нечто священное и высокое, это союз двух таких существ, столь несовершенных и ужасных… В любви часто бываешь обманут, часто бываешь уязвлен и несчастен, но ты любишь. И, стоя на краю могилы, ты сможешь обернуться, чтобы взглянуть назад и сказать: я часто страдал, я не раз ошибался, но я любил. И это жил я, а не искусственное существо, созданное моей гордыней и моей скукой.

Эй…

Ведь даже ты заслушалась, да?

Так что, сама понимаешь… слово «гады», он настолько ловко его ввернул…

Никто не засмеялся, ни один человек.

И ни один человек не захлопал. Никто.

И знаешь почему?

Нет? Конечно, знаешь. Догадываешься, ведь так?

Ну же, давай…

Да они ничего не сказали, потому что он все же надрал им задницы, этим маленьким пидорам!

Ха-ха-ха!

Прости, звездочка моя, прости… Мне стыдно…

Просто хотелось услышать собственный смех в ночи… чтобы приободриться и поприветствовать сов…

Прости.

Продолжаю.

Никто не хлопал, потому что все эти кретины были настолько в шоке, что их мозг не справлялся и тщетно искал кнопку «руки» на пульте управления.

Хуже всех выглядела училка. Она была в полном ауте…

Нет, честно, это все длилось долго-долго… один… два… три… мы могли бы даже отсчитывать секунды, как арбитр в боксе. Мы с Франком замерли в замешательстве, не решаясь ни выйти из класса, чтобы переодеться, ни сесть на место в костюмах, когда где-то в глубине раздался первый хлопок, за которым последовал взрыв аплодисментов.

Хлопали все как один. Неистово. Как с цепи сорвались.

Казалось, у нас перед носом разорвалась огромная бомба.

И… Ох…

До чего ж это было прекрасно…

Но для меня лучший момент наступил чуть позже: когда прозвенел звонок и все свалили на перемену, училка подошла к нам, пока мы складывали свои костюмы, и спросила, не хотим ли мы повторить свое выступление перед другими классами. И даже перед учителями с директором и всеми прочими.

Я молчала.

В школе я всегда молчала — я расслаблялась.

Я молчала, хотя была против. Не потому, что боялась, а потому, что знала по опыту — не надо от жизни требовать слишком многого. Все произошедшее и так стало для нас подарком. Ну и все. Мы его получили, развернули, и баста. И оставьте нас в покое. Таким подарком мне не хотелось рисковать — не дай бог, испортят или украдут. В моей жизни так редко случалось что-либо прекрасное, и мне настолько нравилось то, что произошло, что мне ни с кем не хотелось этим делиться.

Мадам Гийе смотрела на нас заискивающе, как кот из «Шрека»[30], но мне это не льстило, наоборот, стало как-то вдруг грустно. Получается,

---

[30] Примечания: 30

«Шрек» (*англ.* Shrek,2001 г.) — полнометражный анимационный фильм режиссеров Эндрю Адамсона и Вики Дженсон по мотивам детской книги Уильяма Стейга «Шрек!». *(Прим. переводчика)*

она такая же, как и все остальные… Она ничего не знала. Ничего не видела. Ничего не понимала. И даже не представляла себе… какой путь нам с ним пришлось пройти, чтобы заткнуть им всем рты и победить вчистую…

А теперь? Что это она там себе возомнила? Решила, что мы дрессированные собачки? Вот уж нет, моя дорогая… Вот уж нет… Чтоб оказаться сейчас на этом месте, я столько времени провела в своем склепе, а он — в полной изоляции. И сегодня мы вам доказали: мы абсолютно свободны, несмотря ни на что, ну и прекрасно, дело сделано, привет вам на вашей же территории, но не рассчитывайте на нас, мы не нуждаемся в ваших подачках. Потому что для нас все это было не простым выступлением, знаете ли…

Для нас речь шла не о спектакле и не о театральных персонажах. Для нас это были Камилла и Пердикан, детки богатеньких родителей, пусть слишком болтливые и суперэгоистичные, но именно они подали нам руку, когда мы были в дерьме, и вывели нас сюда под ваши аплодисменты, так что шли бы вы со всей вашей жаждой зрелищ куда подальше. Мы не играем и никогда больше не станем играть по той простой причине, что для нас все это было вовсе не игрой.

А если вы до сих пор этого не поняли, значит, вам этого никогда не понять, так что… без обид…

— Вы не хотите? — повторила она расстроенно.

Франк посмотрел на меня, я едва заметно мотнула головой. Только он мог увидеть мой жест. Скорее даже знак. Легкое содрогание. Понятное только настоящим индейцам.

Он тут же обернулся к ней и сказал абсолютно непринужденно, типа это наш с ним окончательный ответ:

— Нет, спасибо. Билли не хочет, я уважаю ее мнение.

Меня будто током ударило от его слов.

На всю жизнь след остался, и я никогда не стану его скрывать.

Я слишком этим горжусь…

Потому что вся его любезность, все его терпение, вся любезность Клодин, ее просроченный гренадин 1984 года, ее печенье с шоколадной крошкой, ее апельсиновый лимонад и теплые прикосновения ее рук, когда она подгоняла мне платье, тишина после нашего выступления, неистовые аплодисменты, училка, замечавшая меня раньше только с тем, чтобы унизить или

влепить кол, а теперь заискивающая передо мной, желая покрасоваться перед директором, все это было, конечно, приятно, чего уж там говорить, но в сравнении с тем, что он только что произнес, — это была полная чушь…

Полная чушь.

«Я уважаю ее мнение».

Мое мнение имело значение.

Причем не просто так, а в противовес учительскому!

Но я… Мне-то по вечерам нередко приходилось с боем добывать себе пропитание! А утром я даже не знала, найду ли… нет, ничего… В моем мире слово «уважение» настолько ничего не значило, что я даже не понимала, зачем его вообще придумали! Я считала, что это такая хрень, которую ставят в конце письма. Типа «с уважением, господин президент», ниже — подпись и все прочее, а тут… тут… этот мальчишка… этот Франк Мюмю, пятьдесят кило в одежде, и что же он тут вытворяет? Доводит училку, заставляя ее с умоляющим видом заглядывать мне в глаза?

О боже правый. Это было поистине грандиозно.

Это было что-то…

Простите? Чего вам, недотепы? Желаете нас помучить *еще*? О нет, спасибо. Дело в том, что Билли не хочется, а кое-кто ее мнение уважает.

Да уж…

Я словно заново родилась…

Кстати, как только матушка Гийе покинула нас, я завопила — это я-то, которая отродясь в классе рта не открывала. Я вопила как резаная, как животное. Так сказать, чтобы разрядиться, снять напряжение, но, на самом деле, и я только сейчас это осознала, это было вовсе не снятием стресса, это был крик новорожденной.

Я кричала, я смеялась, я жила.

Так что знаешь, звездочка моя, я действительно готова на все, чтобы убедить тебя помочь нам еще разок, но, если ты не захочешь, не беспокойся, своего Франки я все равно вытащу.

Если понадобится, я взвалю его на спину и, сжав зубы, пойду до самого края света. Да, если понадобится, я его и до Луны дотащу, и до приемного отделения марсианской больницы, а пока не волнуйся, ты и все остальные, вы можете на меня рассчитывать, чтоб все было по-моему.

* * *

Ладно, признаюсь, я тут немного растягивала удовольствие, но не переживай — дальше пойдет быстрее. Заметь, у меня просто нет выбора, поскольку нонче ночи коротки, мне надо поторопиться, если я хочу успеть прокрутить этот фильм целиком, прежде чем ты исчезнешь.

Однако, сама понимаешь, это было важно, это был наш первый сезон. Так сказать, завязка действия, все такое. За этим последует цепочка более или менее удачных эпизодов, которые в конце концов приведут нас к тебе.

Да в общем-то, все это ты уже видела…

Ты ведь была рядом…

Да…

Ты была рядом…

Правда, порой ты бывала весьма рассеянна, витала себе где-то там, в облаках, но я знаю, ты всегда была с нами. Знаю точно.

Первый эпизод я расписала тебе во всех деталях, не пожалев ни времени, ни сил, потому что речь шла о нашей встрече, а с этим не шутят.

В этой сцене заключена вся суть нашей друж-

бы. Абсолютно вся… То, чем мы были и не были, и чего нам это стоило, и как мы общались, и как помогали друг другу, и как любили. Как я однажды сказала Франки, мы с ним — как сообщающиеся сосуды, разве что внутри у нас не вода, а всякое дерьмо, так что да, для меня было важно рассказать тебе, как все начиналось…

Да и вообще, чего ты? Некоторые, вон, тебе одно детство свое в шести томах выдают, а потом еще в четырех рассказывают о первом презервативе, а я все сжала в одну сцену, так что согласись, это вполне пристойно.

* * *

Не стану говорить, что дальше у нас все пошло проще, но мы были вдвоем, так что да, пожалуй, скажу: дальше все было проще. На переменах нас с ним теперь называли Камиллой и Пердиканом. Каково? Неслабо, да?

И именно потому, что мы отказались повторить свое выступление, наш подвиг превратился в легенду, и тем, кто отсутствовал в тот день по причине болезни или по какой другой, говорили, что это как если бы они пропустили какое-нибудь олимпийское состязание, в котором Франция взяла золото.

Километры суперзаковыристых фраз, которые эта соплячка из кибитки шпарила как свои, бешенство Франка Мюмю, замогильным голосом объяснявшего, как убиваются женщины из-за любви, и наши клевые костюмы на заказ — все это сделало нас знаменитыми. Правда, у меня от этого не прибавилось хороших отметок, а у Франка — друзей, зато над нами перестали измываться, нас стали просто игнорировать. Так что спасибо, Альфред де Мюссе, большое спасибо.

(Хотя, я настаиваю, тебе не стоило убивать малышку Розетту, чтоб доказать собственную правоту.) (Если бы все рогоносцы последовали твоему примеру, на этой планете совсем не осталось бы интересных людей…)

* * *

Мы с Франком тогда не стали неразлучны, поскольку многое еще нас разделяло: его абсолютно сбрендивший отец, на почве затянувшейся безработицы впавший в острую паранойю и днями напролет торчавший в Интернете, обмениваясь суперсекретной информацией со своими друганами, легионерами христианства; его мать, поглощавшая тонны таблеток, чтоб только забыть о том, с каким психом ей приходится жить…

мой собственный отец, которому не требовалось компьютера, чтобы воображать себя тоже кем-то типа легионера на дежурстве; моя алкоголичка-мачеха со всем своим крысиным выводком родственничков, которые целыми днями орали друг на друга. В общем, сколько бы мы ни задирали нос, но все это дерьмо крепко нас держало…

Извини, что я так выражаюсь. Но вся эта безысходность сильно подрубала крылышки маленьким птенчикам, что ни говори, попавшим в нехорошие гнезда…

Я к тому же была слабее, чем он, и всегда пыталась прибиться к какой-нибудь компании, добивалась расположения, тогда как он всегда был одиночкой. Он был героем песни Жан-Жака Гольдмана: шел в одиночку, ни свидетелей, ни души, только звучат его шаги, и ночь, которая прощает все, и т. д. и т. п.

Он черпал силы в своем одиночестве, как я в своих идиотских подружках.

Пару раз, в самом начале, я попробовала было заговорить с ним на переменке и даже однажды села рядом в столовой, и хотя он по-прежнему был со мной мил, я чувствовала, что смущаю его, поэтому настаивать не стала.

Мы с ним болтали только по средам днем, когда

он шел обедать к Клодин, и я, вместо того чтобы сразу сесть на автобус, часть пути с ним за компанию проходила пешком.

Поначалу Клодин приглашала меня зайти, но так как я постоянно отказывалась, она тоже настаивать не стала.

Не знаю, почему я отказывалась. Думаю, причина крылась все в той же истории о чересчур прекрасном подарке… Я не хотела возвращаться в этот дом, боялась все испортить. Эти пасхальные каникулы были моим единственным чудесным воспоминанием, которое я берегла как зеницу ока и которое мне не хотелось тревожить.

Сейчас-то по мне этого не скажешь, потому что я тут одна распинаюсь, пока Франк в коматозе, да и сама я уже поспокойнее отношусь к своим воспоминаниям, но в ту пору я очень всего боялась.

Я была очень, очень труслива…

Меня не то чтобы били в детстве, во всяком случае не так, чтоб обо мне написали на первой полосе журнала «Расследование» или какого-нибудь еще, но меня постоянно *немножко* лупили.

Постоянно, все время лупили…

Одна оплеуха здесь, другая оплеуха там, затрещина вдобавок, пинок под зад, если вдруг окажусь на пути и если не окажусь — тоже, вечно

поднятая на меня рука, типа, погоди, щас я тебе врежу, и все это… все это… как бы сказать?

Помню, однажды я втихаря прочитала в какой-то брошюре в библиотеке заметку об алкоголе, в которой говорилось, что да, конечно, пить нехорошо, но если ты, скажем, вечером сильно нажрался, ты все равно что вылил на пол ведро воды: это не супер, но ладно, потом ты быстренько все протрешь, пол высохнет, и забыли об этом, тогда как алкоголизм, даже скрытый и типа контролируемый, это работает как капельница и постепенно, капля за каплей, в итоге обязательно пробивает дыру. Даже в самом крепком организме.

Ну вот, со мной все именно так и было, все эти легкие затрещины и оплеухи, которые я огребала нон-стоп с самого раннего детства… Они не давали мне права на хронику происшествий или на специальное досье в социальной службе, но изрешетили весь мой мозг. Именно поэтому я всего боялась: от любого сквозняка чуть не в обморок грохалась. А Франк в ту пору тоже был не особо силен, чтобы приводить меня в чувство. Так что общались мы с ним очень осторожно, берегли друг друга. Ценили наши отношения и друг к другу не липли, чтоб не доставлять лишних хлопот.

Короче, все было в порядке, и мы это знали.

Знали, что именно осторожность, а вовсе не презрение и не безразличие тому виной, и пусть даже нам нельзя подавать виду, но мы по-прежнему оставались друзьями.

Он это знал, ведь стоило мне почувствовать, что он скорее печален, нежели одинок, или же подавлен более, чем мечтателен, я подходила к нему и говорила: «Выше голову, Пердикан!» — а я, я это знала потому, что даже если порой ему и хотелось полюбопытствовать, он все же ни разу не предложил проводить меня до дома. К тому же он никогда не задавал мне слишком прямых вопросов. Он был вежлив, сдержан, почтителен. Как сказал бы его отец, он наверняка подозревал, что Сморчки — не колыбель христианства…

Полчаса совместного пути по средам позволяли нам продержаться неделю. Мы ни о чем особенно не говорили, просто были вместе и шагали к дому наших прекрасных воспоминаний.

И это было здорово.

Это нам помогало.

* * *

К середине июня я запаниковала: меня не перевели в девятый класс, даже в профессионально-технический, а он уезжал учиться в один из лучших лицеев страны.

В общем-то, эти тучи уже давно с угрожающим видом сгущались над моей головой, но до сих пор мне удавалось от них отворачиваться, тогда как теперь — дождалась, приехали: черным по белому. На моем табеле: «Не допущена», а у него в письме, которое он радостно мне показал: «Зарезервировано место в пансионе».

Вот ведь как. Словно удар в живот.

Помню, в тот день я попросила у Клодин разрешения остаться обедать с ними, и это было полным идиотством с моей стороны, потому что за весь обед я так и не смогла ничего проглотить.

Честно призналась, что у меня болит живот, и Клодин отнеслась с пониманием, потому что ведь это нормально, когда у девушки моего возраста болит живот, но она, естественно, заблуждалась… У меня живот болел совсем в другом месте…

* * *

К счастью, с концом того учебного года связано еще одно приятное воспоминание: наша поездка с классом в Париж…

Это была последняя неделя перед годовыми контрольными на аттестат, и нас вместе с параллельным классом, то есть всех придурков разом, потащили в Лувр. Все эти дебилы только и делали, что фоткались да разглядывали свои дебильные фотки, в то время как можно было запастись куда более прекрасными впечатлениями…

Мы с Франком сели в автобусе рядом, потому что только мы с ним остались в гордом одиночестве.

Когда мы тронулись в путь, Франк протянул мне один из своих наушников. Специально для поездки он записал подборку, и я наконец смогла послушать пресловутую Билли Холидей… У нее оказался такой чистый голос, что мне впервые удалось разобрать некоторые слова в песнях на английском… *Don't Explain*…[31] Красивая песня, правда? Очень грустная, но очень красивая… Мы

---

[31] Примечания: 31
«Не объясняй» (англ.).

послушали несколько ее песен подряд, потом была «гигиеническая» остановка, он забрал свой наушник, и мы пошли размяться, каждый в свою сторону.

Когда мы вернулись в автобус, он мне столько всего понаболтал про певицу, которую мы с ним только что слушали. Рассказывал небрежно, типа, всякие сплетни из какого-нибудь журнала Oops той эпохи, ну и я, конечно, так же небрежно ему внимала. Да что ты? Да ладно? Да неужели? Но, конечно же, и я, и он в который уж раз прекрасно осознавали, что́ между нами в тот момент происходило на самом деле. Вернее, что происходило с нами.

Все это напоминало мое дебильное объяснение по поводу того, кто из нас должен играть Камиллу, — мы использовали не те слова, и все-таки, в общем, они неплохо справлялись с отведенной им функцией слов…

И что же такого он мне рассказал об этом прекрасном голосе одной из известнейших вокалисток мира, которая покорила сердца миллионов с тех пор, как появился джаз, и которую даже пятьдесят лет спустя после ее смерти все еще слушали двое деревенских подростков, плотно

прижавшись друг к дружке на заднем сиденье автобуса?

Уф…

Ничего особенного…

Что ее мать выгнали из дома в тринадцать лет, потому что она была беременна, что у нее самой было жуткое детство, что она онемела и долго молчала после того, как у нее на руках умерла ее любимая бабушка, что в десять лет ее изнасиловал однажды ночью какой-то милый сосед, что потом она попала типа в какую-то приемную семью, где над ней издевались и били ее, что в итоге она вместе с матерью-алкоголичкой оказалась в борделе и что там ей тоже неслабо досталось, но в конце концов… поди пойми… все-таки это было круто…

Что всей своей жизнью она не только обессмертила свое имя, но и в конечном счете показала «фак» небесам.

Don’t explain, ага?

Здорово было и то, что следом в его подборке

шли *I Will Survive*[32], *Brothers in Arms*[33] и *Billie Jean* — специально для бойца Биби, и на этом мы мягко с ней распрощались.

Слышишь, звездочка моя? Понимаешь, что это за человек — мой друг? Хорошо ли тебе оттуда видно моего маленького принца, или тебе нужен бинокль?

И если ты видишь все не хуже, чем я рассказываю, то есть он для тебя как на ладони, и ты позволяешь ему бессмысленно страдать, то тебе придется уделить мне время и объясниться, потому что, знаешь ли, мне за мою жизнь столько всего пришлось вынести — мало не покажется, но я уже и сейчас чувствую, что такого удара не выдержу, просто перестану отражать солнечный свет…

---

[32] Примечания: 32

«I Will Survive» (*англ.*, «Я буду жить», 1978 г.) — знаменитая песня Глории Гейнор, написанная Фредди Перреном и Дино Фекарисом, часто используется как гимн феминистского движения, гей-сообщества и ВИЧ-инфицированных. *(Прим. переводчика)*

[33] Примечания: 33

«Brothers in Arms» (*англ.*, «Братья по оружию») — песня британской рок-группы Dire Straits с одноименного альбома (1985 г.), принесшего музыкантам всемирную известность. *(Прим. переводчика)*

* * *

Я в ту пору была еще сильно отсталой, а вот для Франка эта поездка в Париж стала настоящим шоком.

Не просто шоком. Главным потрясением в его жизни.

Он уже несколько раз ездил в Париж на разные представления, по бесплатным профкомовским билетам с работы его матери, но это всегда происходило на Рождество, то есть ночью, в спешке, к тому же в сопровождении его папаши, который показывал детям здания и разъяснял, при помощи каких махинаций тот или иной еврей на этом нажился (он у него чокнутый на всю голову), поэтому с городом у Франка были связаны не самые приятные воспоминания…

А тут, прекрасным июньским днем, да еще и вместе со своей малышкой Билли, которая считала, что франкмасоны — это честные португальцы[34], и показывала пальцем на все подряд, привлекая его внимание к массе прекрасных

[34] Примечания: 34

Игра слов: franc-maçon (*франц.*) — букв.: честный каменщик; в современной Франции именно португальцы «специализируются» на каменно-строительных работах. *(Прим. переводчика)*

деталей, которые ей хотелось запомнить, — от всего этого у него окончательно сорвало крышу.

На обратном пути Франка как будто подменили. Когда мы повернули в сторону дома, назад к нашей унылой жизни провинциальных подростков, он больше не разговаривал, отдал мне оба наушника и все оставшиеся у него конфеты и всю дорогу с мечтательным видом вглядывался в ночь за окном…

Он влюбился.

Луврский дворец, Пирамида, площадь Согласия, Елисейские Поля — я смотрела, как он восхищается, и думала, что он чем-то похож на Венди, когда она со своими братьями летала над Лондоном за компанию с Питером Пэном. У него аж глаза разбегались, настолько все это его впечатляло.

Мне кажется, в самое сердце его поразили даже не памятники архитектуры, а просто люди… Все эти люди, то, как они одевались, как безалаберно переходили через дорогу, танцующей походкой пробираясь между машин, как громко они разговаривали и смеялись между собой, как быстро двигались…

Улыбающиеся люди на террасах кафе, шикарно одетые или в деловых костюмах, что перекусывали на скамейках в саду Тюильри или загорали

на берегу Сены, подложив под головы свои портфели, читали газеты, стоя в автобусе и ни за что не держась, шагали мимо клеток по этой — как ее там? — набережной, даже не замечая попугайчиков внутри, потому что их собственная жизнь казалась им куда интереснее всех этих попугайчиков, они куда-то катили по самому солнцепеку, крутили педали, болтая по телефону, смеясь и раздражаясь, иные входили в крутые бутики, иные выходили оттуда с пустыми руками, как будто так и положено. Как будто продавщицам платят за то, чтобы они, сжав зубы, им улыбались.

О-ля-ля, да уж… Все это тогда страшно растрогало моего Франки: именно парижане весной[35] стали для него настоящим потрясением, его личной «Джокондой»…

В какой-то момент, когда мы стояли на мосту, на ажурном железном мостике над Сеной[36], а во-

---

[35] Примечания: 35

Во Франции, как и в большинстве стран Северного полушария, времена года принято отсчитывать не от первых чисел календарных месяцев, а от дней зимнего и летнего солнцестояний и весеннего — осеннего равноденствий, таким образом, весна во Франции заканчивается 21 июня. *(Прим. переводчика)*

[36] Примечания: 36

Первый железный мост в Париже — мост Искусств (*франц.* Pont des Arts) — виадук, построенный в 1801–1804 г. по приказу императора Наполеона. Ныне является пешеходным. *(Прим. переводчика)*

круг нас, со всех сторон, куда ни посмотри, виды были такие, что закачаешься: Нотр-Дам, та самая, когда-то не к месту мною помянутая Французская академия, Эйфелева башня, прекрасные здания на набережных, музей уж и не помню чего, и все прочее, да, ну так вот, пока мы крутили с ним головами, глазея по сторонам, а прочие дикари фоткали крупные планы замкóв, которыми влюбленные туристы увешали балюстрады, мне тогда захотелось ему поклясться…

Мне захотелось взять его за руку или за локоть, пока он смотрел на все эти красоты, пуская слюни, как тощий несчастный пес перед огромной и сочной костью, до которой ему не добраться, и тихонько сказать ему:

— Мы вернемся… Обещаю тебе, что вернемся… Выше голову, Франк! Обещаю тебе, что однажды вернемся… И уже навсегда… И мы тоже будем здесь жить… Обещаю, однажды утром ты будешь шагать по этому вот мосту, как ходишь сейчас к Фожере (так звали нашего булочника), и тоже будешь настолько занят своим супертонким телефоном, что даже перестанешь все это замечать… Нет, ну конечно, не совсем перестанешь, но уже не будешь, как сегодня, слюни пускать, потому что наешься досыта… Давай, Франк! Что это за

человек, который ни во что не верит? И раз уж это я тебе говорю… а я… я стольким тебе обязана… Ты смело можешь мне поверить, ведь так?

Милый мой брат, твоя семья и всякие там Преверы поделились с тобой своим опытом, но, поверь мне, это не твой опыт; ты не умрешь, не переехав.

Да, мне ужасно захотелось с уверенностью нарисовать перед ним такое будущее, как на почтовой открытке, но я, конечно же, промолчала.

Мне до этой кости было не то что не добраться, для меня она вообще лежала на другой планете. Слишком уж мало было шансов, что я когда-нибудь сюда вернусь. Вернее, шансов не было никаких.

Поэтому я поступила так же, как он: полюбовалась видом и мысленно прицепила к нему воображаемый замочек с выгравированными на нем нашими инициалами.

* * *

Это был наш последний приятный момент в первом сезоне.

Перед началом второго кратко напомню содержание предыдущих серий: герои — это мы,

декорации — говно, действия было не так уж много и еще долго не будет, на второстепенных персонажей нам наплевать, перспектив никаких, во всяком случае у девчонки, и никаких причин надеяться на продолжение.

И что? Ты молчишь?

Эй… Ты там заснула, или как?

Выше голову, звездочка моя!

Все-таки одна причина есть! И тебе она прекрасно известна, ведь именно по этой причине я уже столько часов держусь за твой лучик!

Причина до того дурацкая, что я едва решаюсь ее назвать.

Это любовь.

* * *

Дальше все стало хуже, поэтому буду краткой.
Ты в это время явно витала в облаках…

Сначала мы стали видеться реже, потому что наступили каникулы (мы встретились трижды за два месяца, при этом один раз случайно и в жутко неудобной ситуации: его мать неотвязно крутилась рядом), затем перестали видеться вовсе, потому что он уехал в свой пансион.

Он был далеко, а я… я тем временем осталась на второй год, у меня выросли сиськи, и я начала курить.

На сигареты нужны были деньги, я стала заниматься всякими глупостями и, чтобы сиськи мои не пропадали даром, сошлась с одним парнем.

Да… стала жить с парнем… он ездил мимо, у него был мотоцикл, и время от времени он забирал меня из Сморчков. Он работал в автосервисе, был не особенно милый, но и не злой, и не слишком красивый, в общем, такая, как я, чтобы по-тихому перепихнуться, была пределом его мечтаний. Он жил у предков, но отдельно

— в жилом прицепе, стоявшем в глубине их сада, меня все это очень даже устраивало, дом на колесах — моя родная стихия, так что я быстренько собрала в сумку свое шмотье и переехала к нему.

Я вычистила свое новое жилище, уселась внутри и стала жить, как он, — прятаться в глубине сада.

В саду его родителей…

Которые не желали со мной знаться, потому что для их сынка я была недостаточно хороша…

Он имел право кушать с ними в доме, но меня они видеть не желали. Поэтому мне он приносил еду в миске.

Его это немного смущало, но как он любил говорить: это же все временно, ведь так?

Где же ты была, звездочка моя?

Ох… Надо бы побыстрее заканчивать с этим эпизодом моего прошлого — все это слишком сильно напоминает мне мое нынешнее состояние…

Потому что, знаешь… я вот тебе тут все это говорю, говорю, а сама тем временем мерзну как суслик…

Я правда страшно замерзла, хочу пить, есть, и мне очень больно.

У меня болит рука, и мне больно за моего друга.

Мне больно за моего изломанного Франки…

И по-прежнему хочется плакать.

Вот я и реву.

Эй, но это же все временно, ведь так?

Кстати, звездочка моя, я вдруг вспомнила, ведь этот мсье Дюмон, он не только открыл мне глаза на то, что во Франции я являлась представителем «четвертого мира», но еще именно он заставил меня однажды переписывать откуда-то текст о том, что ты давно мертва…

Что ты мертва вот уже миллиарды лет, и когда я смотрю на тебя вот как сейчас, то вижу вовсе не тебя, а лишь твой свет, твои останки. Останки твоего фантома. Ну что-то типа голограммы. В общем, галлюцинация.

Это правда?

Но тогда мы и впрямь совершенно одни?

Но тогда мы вдвоем и впрямь потерялись?

Реву.

Вот я, когда я умру, ничего не оставлю после себя — никаких следов. Моего света, кроме Франка, отродясь никто не видывал, поэтому если Франк умрет раньше меня, то это будет конец. Я тоже

погасну.

Нащупываю его руку и крепко ее сжимаю. Крепко-крепко, изо всех сил.

Если уж он уходит, то и я уйду вместе с ним. Я никогда его не брошу, никогда. Так что ему придется снова меня спасти… Он уже столько раз это делал, что одна лишняя погрузка на вертолет ничего не изменит… Я не останусь здесь без него. Не хочу, да и в любом случае никогда бы не смогла.

Потому что, сколько бы я ни прикидывалась, мне так никогда и не удалось по-настоящему выбраться из своего «четвертого мира», хоть я и пыталась, и стремилась всем сердцем. Всей своей жизнью. Но это как с неудачной татуировкой — руку ведь не отрежешь, потому и носишь это дерьмо на себе, пока тебя черви не слопают.

Нравилось мне это или нет, но как я родилась в Сморчках, так в Сморчках и помру. И если Франк меня бросит, я сделаю то же, что делали моя мачеха и все прочие: я стану пить. Проделаю дырку в своем мозгу, и день ото дня она будет расти, до тех пор пока не уничтожит во мне все человеческое. Все то, что позволяет мне плакать, смеяться, страдать. Все то, что могло бы заставить меня снова рискнуть — поднять голову и схлопотать еще одну развесистую оплеуху.

Я убедила Франка в том, что начала новую жизнь, осуществила полную перезагрузку, но все это бред. Ничего я не осуществила. Я просто поверила ему. Я поверила, потому что это был он, потому что он был рядом, и без него подобная белиберда мне бы и в голову не пришла. Я не могу все начать с нуля. Просто не могу. Мое детство, оно как яд у меня в крови, и только когда я сдохну, оно перестанет причинять мне боль. Мое детство — это ведь я и есть, а поскольку оно у меня никудышное, то, сколько бы я ни билась, ни лезла из кожи вон, я тоже ему под стать.

Мне холодно, я хочу есть, пить, я устала плакать. И плевать мне на тебя с высокой колокольни, звезда ты моя хреновая, не существующая даже во сне. Видеть тебя больше не хочу. Никогда.

Поворачиваюсь к Франку и, как верный пес, как Белый Клык, нашедший своего хозяина, утыкаюсь носом ему в подмышку и замираю.

Я больше никогда не хочу жить в доме на колесах. Я больше никогда не хочу доедать объедки с чужого стола. Я больше никогда не хочу убеждать себя быть не тем, кто я есть на самом деле. Слишком утомительно постоянно врать. Слишком утомительно… Моя мать свалила, когда мне и года не было, потому что я постоянно плакала.

Она больше видеть не могла своего собственного ребенка. Что ж, видимо, она была права, столько лет прошло, а у меня никакого прогресса: я как была, так и осталась маленькой невыносимой плаксой, которая хнычет ночь напролет…

Матери я простила то, что она меня бросила. Если я правильно поняла, она была еще несовершеннолетней, и перспектива провести остаток жизни в Сморчках с моим отцом наверняка ее убивала, но… есть вопрос, который мешает мне окончательно вычеркнуть ее из головы: думает ли она обо мне порой?..

Только один вопрос.

Я отпустила руку Франка, чтобы сменить позу, потому что, даже если мне и хотелось сейчас сдохнуть, терпеть боль в руке больше не было сил, как вдруг, в тот момент, когда я переворачивалась на спину, он как будто пожал мою руку в ответ…

— Франк? Ты очнулся? Ты здесь? Ты спишь? Ты в отключке или как? Ты меня слышишь?

Я прижалась ухом к его губам — вдруг, мол, он слишком слаб, чтобы ответить разборчиво, к тому же так всегда делали в кино, типа умирающий старикан на последнем издыхании слабым шепотом признается, где спрятал сокровища и все такое.

Но нет… Его губы были неподвижны… Зато его рука по-прежнему прижималась к моей… Несильно. Едва ощутимо. Легонько, словно мышонок обнимал, хотя ему это наверное стоило титанических усилий…

Его обессилевшая кисть была неспособна что-либо сжать, но коматозные пальцы еле заметно сдавливали мою руку. Словно слабеньким нервным импульсом из последних сил передавали мне: разве не видишь, дурья твоя башка, вот же оно, твое сокровище! Кончай реветь! Ты понимаешь, что этим своим несчастным детством уже начинаешь действовать нам на нервы? Хочешь, я расскажу тебе о своем? Рассказать тебе, каково это — вырасти с матерью, которая крепко сидит на антидепрессантах, и отцом, который не менее крепко ненавидит всех и вся? Рассказать тебе, каково это — жить в постоянной ненависти? Рассказать тебе, каково это — быть сыном Жан-Бернара Мюллера и в восемь лет осознать, что никогда не сможешь любить девочек? Ты хочешь это знать?

Хочешь, чтоб я тебе рассказал весь этот кошмар? Свою битву не на жизнь, а на смерть? Жизнь в условиях домашнего террора? Тогда заткнись, пожалуйста, хотя бы на пару минут. Успокой-

ся. И оставь нас в покое со своей беспонтовой звездой, послушай… Нет никакой счастливой звезды. Нет никаких небесных сил. Бога нет. На этой чертовой планете нет никого, кроме нас, и я тебе уже тысячу раз говорил: мы, мы, и только мы. И нечего всякий раз прятаться в своих дерьмовых воспоминаниях и доморощенной космогонии, слишком удобно. Ненавижу тебя такой. Ненавижу, когда ты погружаешься в эдакое самолюбование. Знаешь, это ведь каждый может — предать анафеме чужие недостатки, не свои. Ненавижу видеть тебя такой же, как все… Только не ты… Только не Билли… Только не моя единственная и неповторимая Билли… Мир — бездонная клоака, где безобразнейшие семьи карабкаются, извиваясь, на горы грязи; но у нас есть нечто священное и высокое, чего нет у них и чего им никогда у нас не отобрать: это мужество. Мужество, Билли… Иметь мужество не быть как они… Мужество, чтобы их одолеть и забыть навсегда. Так что *немедленно* прекрати рыдать, или я брошу тебя прямо здесь, а сам смоюсь со своей парочкой санитаров во всеоружии.

О-ля-ля… Кажется, он действительно разозлился, да? О-ля-ля, как же ты раздражителен, Пердикан, когда пальцы твои оживают… О-

ля-ля… и… уф… а космогония, это что такое? А анафема? Типа забвения? О-ля-ля… Пожалуй, мне лучше заткнуться…

* * *

Ладно, звездочка моя… Приблизься поближе, я не хочу, чтобы Франки слышал… Итак… уф… подведем итоги: что ж… тише… что ж, значит, ты здесь, но это уже не ты, а ты и вовсе не существуешь, но ты же есть, мы ведь договорились? Если Франк не верит в тебя, это его проблемы, а я, я к тебе уже привязалась, так что дорасскажу тебе мой сериал втихаря, о'кей?

О'кей, подмигнула она.

* * *

Так, где я остановилась? Ах, ну да… В грязном прицепе Ясона Жибо… О господи… Как же там гнусно воняло! Грязными носками, окурками, плесневелыми диванными подушками и всем прочим. Ох! Признаюсь, в то время я с удовольствием бы поднатырила освежителей воздуха!

Я торчала там. Прогуливала уроки. Сидела обычно на приступочке возле сарая, чтоб его предки меня не видели, и курила сигареты.

Когда настроение было отстойным, я говорила себе, что жизнь кончена и что уж лучше бы я включила телик и пустила газ, и надышалась бы им уже раз и навсегда, воткнувшись взглядом в «Молодых и дерзких»[37], а иногда до меня добирался лучик солнца, и я представляла себя Камиллой… мол, я тут тухну в этаком монастыре в ожидании своего совершеннолетия, но так или иначе однажды все переменится… Я не особенно понимала, как именно, но на то он и солнечный луч, чтобы просто закрыть глаза и немножечко помечтать…

Так вот, значит, был у меня Ясон, были, конечно, и другие. Когда его предки чересчур занервничали, я собрала свою сумку и отправилась кошмарить других стариков.

Однажды, значительно позже, но в тот же примерно период, я встретила на улице Франка. Он увидел меня, я точно знаю, но сделал вид, что чем-то занят, и я была ему за это очень признательна.

Потому что вульгарнейшая девица, слонявшаяся в тот день по рынку, это была не я. Одетая,

---

[37] Примечания: 37

«Les Feux de l'Amour» — французское название американского телесериала *The Young and the Restless* (*англ.*, «Молодые и дерзкие», 1973 г.), выпуск которого продолжается по сей день. *(Прим. переводчика)*

как дешевая шлюха, на высоченных каблах и в боевой раскраске. Нет, это была не та Билли, чье мнение имело смысл уважать, это была… какая-то потаскушка…

Да, звездочка моя, надо называть вещи своими именами… Все эти годы, проведенные мною в наигнуснейшем зале ожидания, я чаще вспоминала не Камиллу с Пердиканом, а Билли Холидей и ее мамашу…

Само собой, я занималась проституцией, само собой… Я делала это сознательно… А что? Я обнаружила, что при помощи своего тела могу получить определенную стабильность, немного денег на еду и даже… даже… если сильно поискать, немного нежности. Ну и… Было бы слишком глупо от этого отказываться, разве нет? Я любила немногих из всех этих парней, благодаря которым жила не дома, но и с совсем уж конченными не спала… А потом… ведь между проституткой для богатых и проституткой для бедных не такая уж и большая разница, или как? В конце концов, это просто вопрос шмоток, вернее даже их количества… Мои умещались в пакет из «Ашана», у других были роскошные гардеробы, ну да ладно… у каждой свой уровень и свои доходы, ведь так? Я зарабатывала как могла, и пока по-другому не

получалось, зарабатывала телом.

Я как манны небесной ждала своего совершеннолетия. Не потому, что мечтала сдать на права, чтоб разъезжать на новенькой «мини» (ха-ха), и даже не потому, что мне не терпелось пойти поиграть в казино (ха-ха-ха), а потому, что я знала, что тогда наконец я смогу увереннее воровать в магазинах. Пока я была малолеткой, если бы меня сцапали, то обязательно вызвали бы моего отца, а на это я пойти не могла, нет. Это означало незамедлительное возвращение в ад, на исходную позицию. Так что я тырила только всякую мелочевку, и мне дольше, чем другим, пришлось завоевывать себе уважение.

Вот так. Вот такая была у меня жизнь и планы на будущее…

Так что да, когда Франк Мюмю сделал вид, что якобы меня не заметил, это было на самом деле круто с его стороны…

С тех пор я не раз говорила с ним об этом дне, о том странном мгновении, когда я одновременно ощутила стыд и облегчение, но он продолжает меня уверять, что действительно меня не видел. Но я-то знаю, что это не так, я это знаю из-за Клодин…

Какое-то время спустя, однажды утром, я встретила ее в кафе. Я зашла туда купить сигарет, а она — за гербовыми марками. Она, конечно, улыбнулась мне и все такое, но в ее взгляде я прочла, какой печальный путь проделала с тех пор, как мы с Франком репетировали у нее дома.

Да. Я это увидела. Нечто, едва промелькнувшее в ее взгляде и мгновенно замаскированное, но я-то с раннего детства вынуждена была постоянно обороняться, так что прекрасно умею читать по глазам любые потаенные мысли разглядывающих меня людей. В чем, в чем, а в этом я правда профи… Она обняла меня как ни в чем не бывало и, смеясь, сказала, что за мой наркотик платить отказывается, но хотела бы что-нибудь мне подарить: «чупа-чупс», к примеру, или лотерейный билетик, если я пожелаю, и мне надо только выбрать, и тут… тут она, должно быть, увидела под моими ресницами, густо намазанными краденой тушью, что я вот-вот разревусь, потому что уже сто лет мне никто не дарил никаких подарков… Да. Она это заметила, но вместо того чтобы запричитать типа: «О, моя дорогая малышка… Как же тяжело тебе живется… Ох, тебя и не узнать в этом наряде, который совершенно тебе не подходит, к тому же ужасно старит…» — просто добавила

один сущий пустяк, в общем-то, означавший все то же самое, только сказанное красиво…

Да, когда мы с ней уже распрощались на улице, она, будто только что вспомнив, выдала мне эдак между прочим:

— Послушай, Билли, девочка моя… Зайди ко мне обязательно на днях, у меня ведь есть для тебя письмо… Даже, мне кажется, два…

— Письмо? — переспросила я. — Но от кого?

Уже издалека она выкрикнула:

— От твоего Пердика-а-ана!

Опять слезы.

Ну, уж сейчас-то я имею право, а?

Да.

Сейчас можно.

Потому что, мадам, это светлые слезы…

* * *

Я зашла к ней много дней спустя.

Уже и не помню, чего я там навыдумывала себе в оправдание, на самом деле я просто трусила. Я боялась возвращаться одна в этот дом, просто боялась туда возвращаться, но особенно я боялась того, что написал мне Франк. Что он хотел мне сказать? Может быть, спрашивает насчет той шлюхи, что видел днями у лавки птичника, уж не я ли это? Или интересуется, у скольких я отсосала, чтоб заработать на столь прекрасную кожаную куртку? Или же сообщает, что разочарован и предпочитает больше меня никогда в своей жизни не видеть, настолько позорно я выгляжу?

Да, мне было страшно, и я выждала дней пять, не меньше, прежде чем решилась постучаться к ней в дверь…

Я пришла к ней в образе Билли прошлых лет, то есть пешком, в джинсах и ненакрашенная. Конечно, для нее это была всего лишь деталь, но для меня имело огромное значение. Для меня это было словно счастливое возвращение в счастливое детство.

Я уже и не помнила, как выглядит мое лицо без всей той штукатурки, которой я его покрывала, прячась за ней, как за маской. Да, мне было страшно идти к Клодин, но в тот день, убирая волосы в хвост, я улыбнулась своему отражению в зеркале. Потому что сама себе показалась красавицей, потому что выглядела девчонкой, и… ох… как же она меня порадовала, моя собственная внезапная улыбка.

Очень порадовала…

* * *

На конвертах действительно стояло мое имя… Мадам Клодин такой-то и все прочее для мадемуазель Билли.

Мадемуазель Билли…

Нифигасе, какое странное ощущение… Впервые в жизни я получала письмо… И даже не письмо, а письма! Впервые в жизни… С настоящей маркой, в настоящем конверте, написанные от руки настоящим человеком.

Конечно, я у нее не осталась. Я не хотела открывать свои письма при ней, и даже, по-моему, вообще не хотела их открывать. Их мне тоже хотелось спрятать поглубже и так и оставить нераспечатанными навсегда.

Я сунула их в карман и пошла.

Я шла, сама не зная куда. То есть не осознавая головой, шла, куда ноги несли. А поскольку ноги мои куда умнее меня, то, от одного поворота к другому, в конце концов они меня привели к моему склепу Камиллы…

Я толкнула старенькую дверцу, протиснулась внутрь и уселась, как встарь, под маленьким алтарем.

Забвение, покой, тишина, узоры лишайников, пение птиц, ветер, раскачивающий ржавые цепи, и все прочее — меня тогда тоже очень порадовало… Это напомнило мне ту малышку Билли, которая еще не спала со всеми подряд и хотела быть похожей на куда более благородную девицу, чем она сама… Это напомнило мне о той поре в моей жизни, когда я с такой легкостью заучивала наизусть слова о возвышенных чувствах, что даже поверила в свой потенциал, мол, смогу продолжать в том же духе.

Окажись тогда поблизости какой-нибудь психолог, он бы наверняка задвинул целую речугу о том, что я, мол, там сидела, свернувшись в клубок, словно в животе у матери, или уж и не знаю какую еще пургу в том же духе, но никакого пси-

холога поблизости не было. Были только письма от Франка Мюмю, и это оказалось чертовски более эффективно…

Мне было хорошо. Я забылась и даже немножко вздремнула.

Некоторое время спустя я все же открыла письма, одно за другим, в той последовательности, в которой они приходили. Первое было написано на тетрадном листочке в клеточку, в нем говорилось:

«Привет, Билли. У меня все хорошо, надеюсь, что у тебя тоже. Знаешь, у меня теперь не хватает времени навещать по выходным бабушку, а я думаю, ей этого не хватает, вот я и решил раз в неделю писать тебе письма на ее адрес, чтоб ты могла заходить к ней вместо меня. Спасибо, если окажешь мне такую услугу. Надеюсь, это не сильно тебя напряжет. Целую, Ф.»

Во втором конверте лежала уродливая почтовая открытка с видом его городка, с церковью, замком и все такое:

«Привет, Билли. Надеюсь, у тебя все

хорошо, я в порядке. Скажи Клодин, что я получил ее пакет. Целую, Ф.»

Я убрала письмо и открытку обратно в конверты и почувствовала, что готова разреветься от благодарности. Потому что, пусть я и дура, в чем меня все убеждали с самого моего рождения, но тут я прекрасно видела, что за этим всем кроется. Франк узнал меня в той шлюхе и пожалел, и придумал всю эту комбинацию со своей бабушкой, чтобы не позволить мне окончательно потерять себя.

Да, все это лишь для того, чтобы заставить меня хоть раз в неделю смывать макияж и заходить на стаканчик гренадина или «Оранжины» в домик, где меня любили…

Порой я не заходила туда по нескольку недель подряд, но он, он ни разу не нарушил своего обещания. Каждую среду, за исключением каникул и на протяжении трех лет, мне доставалась моя невзрачная почтовая открытка с написанным на обороте: «Надеюсь, у тебя все хорошо, я тоже в порядке», и каждый раз, приходя за ней, я встречала взгляд человека, который меня не судил. Я никогда не задерживалась надолго, поскольку в ту пору пребывала в слишком воинственных

настроениях и ни на какую мягкость не шла, но даже то, что я вот так просто могла туда зайти, не пряча свое истинное лицо, помогло мне продержаться до начала следующего эпизода.

* * *

Помню, однажды я позвонила к ней в дверь и услышала, как она сказала кому-то по телефону (у нее в кухне было открыто окно): «Послушай, я с тобой прощаюсь, ко мне тут Билли пришла. Да нет же, конечно, ты ее знаешь, это бедная малышка, о которой я говорила тебе на днях…», ее слова полоснули меня как ножом по сердцу, и я чуть не бегом от нее сбежала.

Какого черта она так обо мне говорит? Мне шестнадцать лет, я сплю с мужчинами, выкручиваюсь сама и ни у кого никогда ничего не просила. Я считала это несправедливым. Я считала это отвратительным. Я считала это унизительным, в конце концов. А потом я услышала, как она кричит вдалеке: «Би-и-и-илли!» — «Да пошла ты, — подумала я, притворившись глухой, — да пошла ты». Сделала еще пару шагов, но тут у меня внутри что-то оборвалось, и я повернула назад.

Да, нравилось мне это или нет, но я действительно была бедной малышкой, и верить, что

это не так, для меня было непозволительной роскошью…

Я вернулась, она меня расцеловала, мы выпили с ней по чашке кофе с молоком, я забрала свое письмо и расцеловала ее на прощание.

Уходя от нее, я оставалась все тем же заморышем, но мне казалось, будто я выросла.

Со всеми вытекающими отсюда смягчающими для меня обстоятельствами.

* * *

В ту пору я не только смотрела телик, прогуливала школу и обслуживала парней, не гнушавшихся моего происхождения, но и соглашалась на любую подработку. Присматривала за детьми, присматривала за стариками, делала уборки, выкапывала камни и картошку.

Проблемой по-прежнему оставался мой возраст. Люди были не прочь меня поэксплуатировать, но не могли нанять меня официально. Как они говорили, не имели права. Ну как же, конечно… Я подтираю задницы их старикам и чищу сортиры, и это нормально, а вот платить мне по полной цене им, бедненьким, закон не разрешает…

Я потеряла Франка из виду. Я знала, что он иногда приезжает на выходные и во время каникул, но он никуда из дома не выходил. Значительно позже я узнала, как сильно он тоже во мне нуждался в те годы, и я до сих пор не могу себе простить, что мне тогда не хватило духу, вернее, я просто не додумалась прийти постучаться к нему в дверь, чтоб прогнать мрачные мысли из

его головы. Просто сама я была настолько потерянна, что и подумать не могла, будто я… как бы это сказать… будто я вправе прийти к кому-либо на помощь.

Это были времена борьбы за выживание, как говорят некоторые: «Это были времена моей юности…» Прости меня, Франки. Мне очень жаль. Я и представить не могла, что тебе было так же хреново, как мне…

Я думала, ты сидишь себе в своей маленькой уютной комнатке, читаешь книжки, слушаешь музыку, делаешь уроки. Я тогда еще не знала, что у нормальных людей тоже бывают проблемы…

* * *

А потом однажды все изменилось.

В один прекрасный день мой отец, конечно, совершенно непреднамеренно, наконец сделал для меня доброе дело: он умер.

Его убило током на линии скоростного поезда, когда он там тырил то ли кабель, то ли что-то еще.

Он умер, и вскоре поутру, когда я вместе с оравой настоящих на этот раз цыган сортировала картошку, ко мне пожаловал мэр.

Когда он, невзирая на то, что у меня были

супергрязные руки, протянул мне свою для рукопожатия… я поняла, что ветер, кажется, переменился… Да, а когда он со мной попрощался, к своим сортировочным бакам я возвращалась уже почти улыбаясь.

Эх, звездочка моя, не ты ли тогда соскучилась по нам?

Выше голову, Франк и Билли! Выше голову!

Мэр пожал мне руку и попросил зайти к нему на следующей неделе. У него в кабинете я узнала, что, во-первых, мой папик не был расписан с моей мачехой, и во вторых, я унаследовала кусок земли в Сморчках, который стоил хороших денег. Почему? Потому что это была самая высокая точка в округе, и куча заинтересованных лиц хотели установить там какие-то то ли ретрансляторы для мобильников, то ли еще какие антенны.

Да ладно… Так вот о чем были все эти письма, которые мы получали не первый год, но отродясь не удосуживались прочесть?

Да ладно, получается, я единственная наследница нашего гадюшника, и мэрия хочет у меня его выкупить?

Да ладно…

Пока тянулось оформление бумаг, мне наконец стукнуло восемнадцать, мачехе со всем ее

отродьем предоставили социальное жилье, а я получила чек на сумму 11 452 евро, выслушала трепотню нотариуса, объяснявшего мне, сколько денег из этой суммы я должна отложить на налоги, и открыла на свое имя счет в Почтовом банке.

Само собой разумеется, мачеха в ту пору и глазки мне строила, и шантажировала всеми доступными ей способами, чтоб я отстегнула ей хоть какую-то часть… Причем, по крайней мере, половину, иначе я окажусь действительно неблагодарной тварью, учитывая все, что она для меня сделала, и что она воспитывала меня как родную дочь, хоть я и была дочерью грязной девки.

А я-то думала, что от нее я уже все дерьмо получила сполна, но тут, даже в тех непростых обстоятельствах, эта ее «грязная девка» очень больно меня задела… Вот ведь как, да? Даже немного разбогатев, все равно остаешься беззащитен… Она выдала мне весь свой яд, я выслушала ее, прикинувшись, что, может быть, я и сжалюсь, может быть, но все свое детство я выслушивала ее стенания по поводу самого факта моего существования и неустанные напоминания о том, что я ей всю жизнь испортила, в общем, поскольку она мечтала о массажном кресле, то я и оплатила

ей это чертово кресло с доставкой в ее новый клоповник и сделала ручкой.

В ту пору все смотрели на меня такими добрыми глазами, абсолютно все. Потому что в маленьком городе всем все известно… Ходили слухи, что на меня свалилось целое состояние, какие-то там миллионы и все такое, ну а я не мешала людям говорить.

Да уж, со мной теперь здоровались на улице, но я не перестала работать, напротив, с наступлением возраста великих и славных легальных заработков устроилась кассиршей в супермаркет.

Я тогда жила с парнем, которого звали Маню и который, естественно, тоже стал относиться ко мне значительно лучше. Настолько, что малышка Биби оплатила ремонт его автомобиля, купила охотничье ружье, о котором он мечтал, и даже поверила, что он ее любит. В общем, все шло путем. И мы уже чуть ли не о свадьбе поговаривали.

Я вспоминала подружек Камиллы, которые рыдали в монастыре, не имея приданого, и думала, насколько же здесь все измеряется деньгами…

Да, мне нравилось выглядеть счастливой, однако самой несильно в это верилось, мешала одна

маленькая деталь…

Каких-то 11 452 евро.

Да и ладно, брала, что дают: у меня была работа, деньги, отложенные про запас, парень, который меня не бил, и электрические батареи отопления в маленьком домике, отделкой которого мы занимались с ним вместе, так что в плане счастья, я знала, что большего и пожелать не могла.

В общем, все понемножку складывалось, вот только ты, звездочка моя, видимо почувствовала себя бесполезной, и как-то раз зимним субботним вечером тот самый Маню явился домой после охоты и бара (вернее, главным образом после бара) сильно подвыпившим, он ржал как идиот, и ему не терпелось рассказать мне какую-то крутую историю: «Эй, знаешь того мелкого пидора?.. Да знаешь ты его, мелкий пидор из соседнего района… Ну который никогда не здоровается и одет как гомик, ну тот… Ну да, так вот, они его подловили, ты прикинь… Ага, схватили, когда он прогуливался в гордом одиночестве по Шармет, ну поиздевались над ним немножко, над этим пидором, ну а поскольку он ничего им не отвечал, строил из себя гордого, так вот, они забрали его с собой, прикинь… Черт, засунули его к Мимишу в «ситроен», и знаешь, что они там с ним сдела-

ли? Облили мочой течной самки кабана… Да ты знаешь… ну конечно… спрей… приманка… им сбрызгивают стволы деревьев, во время гона привлекая самцов… Ну да, так вот… они на него всю бутылку вылили… Уа-ха-ха! прикинь… насквозь промок… А потом они выкинули его посреди леса… Вот уж ему надерут задницу, этому пидору! Сколько он об этом мечтал! Уа-ха-ха! Черт, как же они с ним позабавились… Во дебил… Во пидор… Ну и ночка ему предстоит, этому козлу, завтра благодарить придет… Хе-хе, если, конечно, сможет ходить, ага? Уа-ха-ха! Уа-ха-ха!»

Помню, я в тот момент что-то гладила, а на дворе уже стояла глубокая ночь. Черт, меня словно током ударило. И тут я в мгновение ока, словно Халк[38], явила миру свое истинное лицо.

С меня разом смыло весь мой глянец довольной жизнью тетки, и я в мгновение ока превратилась обратно в маленькую разъяренную пацанку из Сморчков.

Вот тут-то я помянула добрым словом отца и всех тех придурков, которые научили меня за-

[38] Примечания: 38

Халк — фантастический супергерой комикса «Невероятный Халк» (*англ.* The Incredible Hulk), созданный Стэном Ли и Джеком Кирби в 1962 г., впоследствии ставший героем множества кино-, теле– и мультфильмов, снятых по мотивам комикса. *(Прим. переводчика)*

ряжать любое ружье и заставляли стрелять по всяким зверушкам, копошащимся в гниющих салонах брошенных тачек, потому что их забавляло видеть, как я рыдаю.

В тот момент — да.

В тот момент я им сказала спасибо.

В тот момент, все, что я действительно унаследовала, я держала в руках.

И в тот момент — Маню, он не сразу понял.

Я ничего не сказала. Выключила утюг, сложила гладильную доску и убрала ее в подвал, зашла в спальню, бросила вещи в его спортивную сумку, забрала свои документы, надела куртку, взяла свою сумку и, направив его прекрасное охотничье ружье на дверь, терпеливо дождалась, пока он доссыт свое пиво и выйдет наконец из сортира.

Поскольку этот кретин, казалось, не слишком мне верит, я разнесла в щепки дверь, отчего у него наверняка лопнула барабанная перепонка. После этого он почему-то сразу же мне поверил.

Зажимая ухо рукой, Маню отвез меня туда, где они его бросили. «Если ты его не найдешь, я тебя прикончу, — предупредила я его не своим голосом, — если с ним хоть что-нибудь случилось, ты

у меня будешь плакать кровавыми слезами».

Мы сигналили, включили дальний свет и в конце концов заметили его бредущим по дорожке для верховой езды.

Ружье, мой взгляд, этот придурок за рулем, наполовину оглохший и до смерти перепуганный, — Франк, он сразу воткнул что к чему. Он сел со мной рядом на заднее сиденье, и наш любезный и такой услужливый водитель подвез нас к дому родителей Франка.

— Делай, как я, — сказала я ему, — возьми сумку с вещами. И поторапливайся.

Его не было минут десять, и все это время этот придурок за рулем твердил мне одно и то же: «Так ты его знаешь? Так ты его знаешь? Так ты его знаешь?»

Да, дебил, я его знаю.

И заткнись же ты наконец. И да будет тебе известно, что я им дорожу, а здесь мое мнение уважают.

Затем наш милый водитель, сама любезность, отвез нас в город, где Франк учился в лицее (я опускаю названия, тебе ведь, звездочка моя, и так прекрасно известно, где все это произошло), и припарковался у комиссариата полиции. Я попросила Франка сходить позвать какого-нибудь

вооруженного полицейского, и когда он вернулся в сопровождении стража порядка, я возвратила подарок своему бывшему жениху.

О да, мсье полицейский… Ведь забрать подаренное — все равно что украсть…

Полицейский так ничего и не понял. В любом случае, пока он смотрел вслед уезжающему Маню, мы смылись в противоположном направлении. Он покричал немного для проформы и ушел обратно в контору.

Надо сказать, в ту ночь на улице сильно подмораживало…

Мы зашли в какой-то говеный отель у вокзала, и я попросила номер с ванной. Франк был весь синий от холода, в шоке от того, что я вытворяла, да и вообще от всего произошедшего. Да, думаю, в тот момент я внушала ему страх. Еще бы! Когда почти двадцатилетний опыт жизни в Сморчках внезапно дает о себе знать, это зрелище не из приятных…

Я налила ему горячую ванну, раздела, как маленького мальчика, и да, я видела его пипиську, хотя нет, я на нее не смотрела, она канула в воду.

Когда он вышел из ванной, я смотрела по телику какой-то фильм. Он надел чистые трусы,

майку и лег на кровать рядом со мной.

Мы молча досмотрели фильм, погасили свет и в темноте ждали друг от друга каких-то слов.

Я ничего не могла сказать, потому что тихо плакала, так что он первым нарушил молчание. Он нежно погладил меня по голове и некоторое время спустя прошептал:

— С этим покончено, моя дорогая… С этим покончено… Мы больше никогда туда не вернемся… Тише, тише… моя Билли… С этим покончено, говорю тебе…

Но я продолжала плакать.

Тогда он обнял меня.

Я заревела еще сильнее.

Тогда он засмеялся.

И я засмеялась вслед за ним.

И мои сопли и слезы разлетелись во все стороны.

* * *

Я проплакала несколько часов подряд.

Словно у меня внутри открылся шлюз. Словно происходило полное очищение организма. Слив отработанной жидкости. Впервые в жизни я перестала обороняться.

Впервые в жизни…

Впервые в жизни я почувствовала, что это наконец случилось. Я наконец почувствовала себя в безопасности. И разом все выплеснулось наружу. Все… Заброшенность, голод, холод, грязь, вши, мой запах, окурки, нищета, пустые бутылки, крики, оплеухи, синяки, тотальное убожество, плохие оценки, вранье, насилие, страх, кражи, предки Ясона Жибо, запрещавшие мне пользоваться их туалетом, остатки еды с их стола, моя киска, сиськи, рот, последнее время служившие мне разменной монетой, все эти парни, которые попользовались мною всласть, и так бездарно, все эти поганые подработки, и этот Маню, убедивший меня в том, что я действительно ему нравлюсь и что у меня может быть собственный дом и…

Все это выплеснулось из меня вместе со слезами.

По мере того, как я изливала душу, Франк, казалось, набирался сил. Не знаю, как это нормально объяснить, но у меня сложилось такое впечатление. Чем дольше я рыдала, тем больше он расслаблялся. Выражение его лица становилось все более простодушным, он щекотал мое ухо прядью моих же волос, по-доброму посмеивался надо мной, называл то Бедовой Джейн[39], то Камиллой Безбашенной, то Малышом Билли[40] и улыбался.

Он рассказывал мне, как мое лицо изменилось до неузнаваемости, рассказывал, как я долбила дулом затылок этого бедолаги, пока тот вел машину, описывал его порванную мочку уха и как

---

[39] Примечания: 39

Бедовая Джейн (настоящее имя: Марта Джейн Каннари Бёрк, 1852 или 1856–1903) — одна из самых знаменитых и вместе с тем печально известных героинь в истории Дикого Запада: жительница фронтира и профессиональный скаут, участвовала в Индейских войнах с коренными жителями континента, отличалась при этом большой добротой и состраданием, особенно к больным и нуждающимся, считала себя супругой не менее легендарного Дикого Билла Хикока, рядом с которым и была похоронена. *(Прим. переводчика)*

[40] Примечания: 40

Билли Кид (настоящее имя: Уильям Генри Маккарти, 1859–1881) — американский преступник, ставший одним из символов Дикого Запада через год после своей смерти, когда убивший его шериф Пэт Гарретт опубликовал его сенсационную биографию. *(Прим. переводчика)*

она болталась на поворотах, изображал, каким голосом я приказала ему притащить полицейского и как швырнула Маню ружье со словами: «Держи свой подарок», и порой он уже чуть ли не смеялся. Да, он практически смеялся.

Только значительно позже, после многих откровенных разговоров, когда он тоже начал понемногу рассказывать мне о своей войне, о своей каждодневной битве в одиночку — до меня, до нас, я поняла, почему той ночью он был так счастлив видеть меня несчастной: потому что, пока я рыдала нон-стоп в его объятьях, чуть ли не билась в судорогах, у него появилась первая веская причина не умирать.

Мои горючие слезы стали тем топливом, что дало ему силы двигаться дальше, а своими подшучиваниями он просто хотел меня приободрить. Доказать, что мы можем смеяться надо всем чем угодно, и, кстати, с тех пор мы именно так и будем с ним поступать, поскольку, да ты посмотри, Билли… Смотри… В этой узкой дрянной постели мы наконец-то вернулись к жизни, какой бы дрянной она у нас ни была… Эй… Прекрати плакать, малыш… Прекрати плакать… Благодаря тебе самое страшное уже позади. Благодаря тебе мы спасены. Ох, хотя нет, плачь, не стесняйся…

Поплачь… И заснешь… Плачь, но не забывай никогда: конечно, мы оба сейчас в самом начале пути и главные трудности еще впереди, пускай, но, стоя на краю могилы, мы сможем обернуться, чтобы взглянуть назад и сказать: это жил я, а не искусственное существо, созданное тем страхом и ужасом, что мне внушили всякие придурочные жлобы…

На самом деле он только успокаивал меня: «Тише! Тише!» — но именно это скрывалось за всеми его «ш-ш-ш!».

Не будь это Франк, который настолько по-доброму отнесся ко мне, когда мы разучивали с ним пьесу, который, глядя куда-то вдаль, поверх моей головы, рассказывал мне про детство Билли Холидей, который отправлял мне свои немногословные открытки на адрес Клодин все те годы, что я провела в ожидании, словно в монастыре, — не будь всего этого, у меня никогда не сорвало бы крышу. А если бы у меня не сорвало крышу, он бы тоже не выжил.

Вот так, звездочка моя… И теперь я спрашиваю тебя: стоит ли рассказывать дальше? Уж больно хороша последняя фраза, может, она послужит нам пропуском в будущее?

Нет?

Почему нет?

Хочешь, чтоб я рассказала, как *из-за меня* мы влипли в это дерьмо, хочешь все хорошенечко взвесить, прежде чем вынести свой вердикт?

О'кей, о'кей. Продолжаю…

Когда у меня не осталось больше сил плакать, меня сморило, и, уже засыпая, я потребовала, чтобы он мне пообещал никогда меня не бросать. Потому что без него я делаю слишком много глупостей… Слишком много…

Он снова рассмеялся, но как-то неловко, словно прячась за этой своей веселостью, и сквозь дурацкий свой смех ответил:

— Эй! Да все, что ты пожелаешь! Я дорожу своей шкурой!

И уже совсем тихо, уткнувшись лбом в сгиб своего локтя, добавил:

— Ох… Билли… А я ведь уже и забыл об этом…

* * *

Эй, звездулька… Второй сезон неплохо удался, согласна?

Здесь было все: и секс, и экшн, и любовь!

Сама увидишь: дальше все не так занятно.

Дальше — двое молодых людей, которые выкручиваются, как могут. Ничего особо оригинального. Тем более я не смогу рассказывать тебе все это бесконечно, учитывая что вон там уже бледнеет небо. Наверное, там восток…

Да уж, мне надо поспешить, чтоб до рассвета рассказать тебе финал.

* * *

На следующий день мы сели на поезд и поехали в Париж.

В поезде Франк рассказал мне о своей жизни на данный момент: чтоб доставить удовольствие папе, он записался на юридический факультет, а жил вместе с одним из своих кузенов в крохотной съемной квартире в пригороде — там жилье дешевле.

Ему не нравились ни юриспруденция, ни его кузен, ни тем более пригород.

Я спросила его, чем он хочет заниматься.

Он ответил, что мечтал бы пройти стажировку, которая позволила бы ему участвовать в конкурсе для поступления в одну суперкрутую школу ювелиров.

— Ты хочешь стать ювелиром? — переспросила я. — Хочешь продавать всякие колье, часы и прочее?

Нет. Не продавать, а создавать.

Он включил ноутбук и показал мне свои рисунки.

Суперклассные. Словно распахнул передо мной

крышку древнего сундука, поднятого со дна морского.

Как будто настоящие сокровища…

Я спросила его, почему он не делает то, что ему нравится, вместо того чтобы слушаться папу.

Он ответил, что никогда в жизни не делал того, что ему нравится, и всегда слушался папу.

Я спросила почему.

Он уткнулся в монитор, типа сосредоточился на свертывании окон в компе.

Некоторое время спустя он ответил мне, что боится.

Боится чего?

Неизвестно.

Боится снова разочаровать отца.

Боится, что все это ударит по матери.

Боится, что это ее доконает, отдалит еще больше от мира живых.

Я промолчала.

Если дело касается предков, я сразу теряюсь.

Тогда он завязал с мечтами, убрал на место ноутбук, и всю дорогу мы больше не разговаривали.

По приезду в Париж он предложил мне оставить наши вещи в камере хранения и немножко

побыть туристами, прежде чем ехать к нему. Ну то есть… к его кузену.

Мы проделали почти тот же путь, что и четыре года назад во время нашей поездки с классом.

Четыре года…

Чем я занималась эти четыре года?

Ничем.

Сосала члены и сортировала картошку…

Меня охватила глубокая тоска.

Все было не как в тот раз. Стояла зима, на улице холод, вода не танцует в реке, на мостике ни души и замки́ все давно посрезали и выкинули в помойку. Никто не перекусывает в саду, повернувшись лицом к солнышку, никто не болтает, расположившись на террасе кафе со стаканом «Перье» в руке, прохожие двигались все так же быстро, но больше не улыбались. У всех были каменные лица.

Мы выпили по чашке кофе (простой эспрессо), который стоил 3,20 евро.

3,20 евро за чашку кофе…

Как такое возможно?

Я тоже трусила.

Я думала о том, пришлось ли Маню ехать в

больницу и сообразит ли он вытащить белье из стиралки, прежде чем оно завоняет. Чуть ли не искала взглядом телефонную будку, чтоб оставить ему сообщение на автоответчик.

Это было чудовищно.

* * *

Хотя кузен Франка, родом из какого-то благородного семейства, и был обладателем витиеватой фамилии из множества частей, длинного носа, неких манер и рубашки «Лакост», принял он меня в точности, как предки Ясона Жибо.

Вернее нет, как раз совсем по-другому. Его так хорошо научили путать вежливость с лицемерием, что он выступил куда хуже, чем они: он действовал за моей спиной.

При встрече он выдал, ах-ах, ты подружка Франка, ах, как же мне приятно, ах, добро пожаловать, чувствуй себя как дома, но вечером, когда я была в ванной, я слышала, как он нудел, словно речь шла о ядерных ракетах, направленных на НАСА: «Послушай, Франк… Мы так не договаривались, это не предусмотрено нашим с тобой контрактом».

Я хотела было тут же уехать. Потому что,

правда… все это становилось уже чересчур, да, слишком много для бедной малышки Билли, которая и на поезде-то раньше никогда не ездила, да и теперь все еще думает об оставленном своем тряпье…

С самого рождения, где бы я ни появлялась, я везде мешала. Куда бы я ни шла, чего бы ни делала, я всегда оказывалась у кого-то на пути и за неудобство получала по башке.

Я не расслышала, что ответил Франк, но когда он вошел в комнату, которую отныне нам предстояло делить с ним вдвоем (свою узенькую кровать он отдал мне, а сам расположился на куске ковролина, заявив мне, что так спят все японцы, и живут они куда дольше, чем мы), так вот, когда он вошел и увидел мое лицо, он сел рядом, двумя руками развернул к себе мою голову и, глядя мне прямо в глаза, сказал:

– *Hey, Billie Jean?* Вы мне доверяете?

Я утвердительно кивнула головой, и он добавил, что я должна и дальше ему доверять и все будет хорошо. Он не сказал, что все это временно, не сказал, да и ладно, хотя мог бы…

Ну и поскольку я ему доверяла, а работы у меня никакой не было, то я снова заделалась домохозяйкой. Мальчики утром уходили, я убиралась,

стирала, готовила ужин.

Я обожала готовить и уже давно обнаружила, что готовка — это самый простой способ добиться любви без лишних заморочек. Я экспериментировала с разными рецептами и набрала три кило, без устали пробуя свою стряпню, чтоб быть уверенной в результате.

Нашего Аймерика все это утешило. Он стал относиться ко мне более благодушно. Не доброжелательно, а именно благодушно. Как у людей такого рода наверняка принято вести себя с прислугой. Мне было наплевать. Я старалась оставаться незаметной и как можно меньше напрягать Франка. А вообще, я думаю, меня это устраивало… Из-за преследовавшей меня необходимости все время обороняться… Впервые в жизни я больше не пугалась собственной тени, слишком быстро оборачиваясь назад, не вздрагивала, услышав шаги за спиной.

Я наслаждалась.

Во второй половине дня я обычно таскалась в большой торговый центр, находившийся за автострадой, ходила туда пешком, придерживаясь автобусного маршрута, чтобы не сбиться с пути. Я шлялась по магазинчикам, строила из себя эдакую капризную буржуазную телочку, которая

с радостью расплатится кредиткой своего парня, вот только никак не может решить, чего бы такого ей прикупить, и от нечего делать донимала скучающих, как и я, продавщиц. Некоторые из них меня возненавидели, другие отыгрывались, делясь всеми подробностями собственной жизни.

Я никогда ничего не покупала, но однажды сходила там в парикмахерскую.

Девочка, мывшая мне голову, спросила, нанести ли мне дополнительно бальзам. Я хотела было отказаться, но в итоге согласно кивнула. В конце концов, пусть даже об этом никто и не догадывался, но это все-таки был мой день рождения…

Потом было Рождество, за ним — Новый год, и их я тоже провела одна. Я поклялась Франку, что подружилась с одной из кассирш в супермаркете — да знаешь ты ее, точно, ну такая блондинка, которая все время ругается, — ну а поскольку она в разводе, то она якобы и пригласила меня праздновать к себе, чтоб ее детям было не скучно. Я так убедительно все это рассказывала и даже купила игрушек, что Франк поверил мне и спокойно уехал.

Вот такой я сделала ему подарок.

Мне в любом случае было все равно.

Рождественская сказка?

Ну да… Уф… Как бы это сказать?

* * *

Единственное, что начинало меня напрягать, это спиртное.

Проводя в одиночестве дни напролет, я понемногу пристрастилась к алкоголю.

Скука, изоляция, чужой город, короче говоря, под предлогом того, что от работы по дому у меня пересыхает во рту, да и труд мой заслуживает вознаграждения, я подсела на пиво.

Я спускалась в турецкую лавку, находившуюся внизу нашего дома, и покупала себе маленькую банку пива.

Потом большую.

Потом стала брать упаковками.

Как алкаши.

Как бомжи.

Как моя мачеха.

Печальное зрелище.

Очень-очень печальное…

Потому что я все прекрасно осознавала… Я видела себя со стороны…

Да. Я видела, что я делаю.

И каждый раз, когда я вскрывала новую банку — пш-ш-ш-ик! — я видела, как исчезает какая-то частица меня…

И сколько бы я себе ни говорила, как все мы любим: это всего лишь пиво, это всего лишь жажда, завтра я точно не буду столько пить, с завтрашнего дня я вообще завяжу, да и вообще могу завязать в любой момент, и все прочее — я прекрасно знала, что происходит.

Точно знала.

Ведь именно такое образование я получила…

С каждым лишним глотком ощущая надвигающуюся катастрофу… Чертова наследственность… Моя голова, мои руки, ноги, сердце, нервы, все это тело, доставшееся мне, словно губка, пропитанным насквозь…

Ну и как же действует алкоголь на маленькую провинциалку, которой нечем заняться, которая чувствует себя потерянной среди всех этих машин?

Он возвращает ее к корням…

Она начинает подворовывать в магазинах торгового центра, чтоб оплачивать свою выпивку не из тех денег, что получает на хозяйство.

Ее вычисляют охранники и парни из службы

безопасности.

Это вынуждает ее отдаваться им за гроши, чтобы они к ней не цеплялись.

Это вынуждает ее отдаваться им за гроши не только, чтоб они к ней не цеплялись, но и чтобы им понравиться…

Все это создает ей определенную репутацию.

Она тусуется с этими магазинными ковбоями в униформе, которые, чувствуя за собою власть, силу в своих руках, уверены и в своих преимуществах ниже пояса.

У нее появляются приятели.

Понятно, какого рода…

Просто парни, относящиеся к ней чуть теплее, чем те двое, которых она кормит по вечерам ужином и которые все остальное время проводят, уткнувшись носом в свои учебники…

Просто парни, помогающие ей забыть непроницаемую маску на лице Франка Мюллера, который снова закрылся наглухо, настолько ему не нравилось то, что он изучал, не смея ослушаться отца, который нравился ему еще меньше.

Парни, с которыми она развлекается, не чувствуя себя самой глупой за столом…

Ее платья и юбки становятся короче.

Значительно короче.

И ярче.

В общем, она у нас опять становится шлюхой…

Однажды после обеда, когда я направлялась на встречу с моими новыми друзьями, уже на лестнице я столкнулась с Франком.

Черт, должно быть, я плохо разобралась в его новом расписании…

На мне была мини-юбка, едва прикрывавшая лобок, стыренные сапоги разных размеров (продавцы напутали с противокражными метками), в руках я держала сумку, фальшивый «Виттон», которую тут же и выставила между нами, как щит.

Не знаю, почему я это сделала. А он, он ведь даже ничего плохого мне не сказал… Наоборот.

— Ну и дела, малышка Билл! Слушай, на улице холод собачий! Тебе не стоит так выходить — промерзнешь до смерти!

Я тогда брякнула ему в ответ какую-то глупость, лишь бы отвязаться от его доброжелательности, которая была мне сейчас совсем некстати, но пару часов спустя, когда я стоя трахалась с ушедшим на перерыв охранником, закрывшись с ним в подсобке для мусорных бачков, прижатая к рулонам бумажных полотенец, мне вспомнился голос Франка, и его мягкость, так резонировавшая здесь, добила меня окончательно.

Охранник тот был хороший, мы с ним развлекались, проблема была не в нем, просто я не могла больше продолжать в том же духе.

Я не могла. Я слишком хорошо знала, куда ведет этот путь… И чем он заканчивается.

В таких случаях хорошо, когда рядом мама… Злобная мать с вытаращенными глазами, или добрая, которая поможет тебе поставить на место швабры и рулоны полотенец, а потом подтолкнет к выходу.

Я думала об этом по дороге домой. Что я сама должна стать для себя матерью. Хотя бы на один день. Что я должна сделать для себя то, что сделала бы для своей дочери. Пусть и невыносимой плаксы. Пусть даже Майкл тем временем от нее отказался.

Ладно, что бы там ни было, но попробовать стоило…

Ведь справлялась же я и с куда более сложными задачами…

Я шла, наклонив голову, шкрябала тротуар своими острыми каблуками и представляла себя в роли мамы и дочери поочередно, накручивая сама себя.

Я была пьяной. Дурной. И грубиянкой до мозга

костей.

Я не привыкла слушаться. Да и вообще, черт побери, с чего это она тут заявилась читать мне теперь нотации? После всех тех страданий, на которые меня обрекла? После всех растерзанных в клочья котят, которых я хоронила тайком, после всех подарков к праздникам мам, которые я нарочно делала хуже всех, потому что для меня было лучше сдохнуть, чем подарить что-либо красивое моей мачехе, а все училки долгие годы считали меня косорукой и смотрели как на дебилку. Все эти дуры, путавшие мои нежные чувства с бедностью…

После всех этих бед… Мелких бед, бесконечной вереницей тянувшихся одна за другой.

Черт, но явиться теперь, чтоб учить меня жизни, слишком уж просто…

Так что вали отсюда, грязная девка.

Проваливай.

Уж это-то ты умеешь.

Я хмурилась и обменивалась злобными взглядами со своими отражениями в витринах.

Я спорила сама с собой: нет, нет, нет — да, да, да.

Нет.

Да.

Нет.

Я так отчаянно сопротивлялась самой себе не потому, что строила из себя эдакого непокорного подростка, а потому, что не могла я сделать того, о чем сама же себя просила. Это было выше моих сил… Все, что угодно, но только не это.

Только не это.

Я уже доказала, что ради Франка способна на многое, даже рискуя угодить за решетку, но то, что требовала от меня сейчас моя дама Плюш, было куда опаснее тюрьмы.

Это было самое худшее.

Потому что у меня никогда не было и, возможно, уже и не будет ничего другого, что отделяло бы меня от «четвертого мира».

Это была моя единственная защита. Единственная гарантия безопасности. Я не хотела к ней прикасаться. Никогда. Я хотела хранить ее в целости и сохранности до самой своей смерти, просто чтобы быть уверенной в том, что никогда в жизни мне больше не придется испытывать унижения из-за того, что у меня чешется голова и от меня воняет дохлым хомячком.

Тебе, звездочка моя, этого не понять. Тебе, должно быть, кажется, что я сочиняю все эти

фразы с наворотами, чтоб все представить типа как в книге.

Что я тут разыгрываю из себя Камиллу. Сама себя разбираю по косточкам, одна-одинешенька перед лицом целого мира.

Никому этого не понять. Никому. Только я — малышка Билли с котячьего кладбища — знаю, что это такое.

Так что плевать мне на тебя.

Плевать на всех.

Я говорю «нет».

Никогда я не притронусь к страховке моей жизни.

* * *

Вернувшись домой, я переоделась, стараясь не попадаться на глаза Франку, который сидел за учебниками в нашей комнате.

Когда этот кретин Аймерик фон-барон де Гаражная Дверь на Тот Свет явился из своей коммерческой школы с теннисной ракеткой за спиной, я смотрела какую-то дебильную передачу по телику.

Типа желая показаться приветливым, он поинтересовался:

— Ну так как? И что у нас сегодня вкусненького на ужин?

— Ничего, — ответила я, в более крутой цвет перекрашивая ногти, — сегодня вечером я приглашаю своего друга Франка в ресторан.

— Ах во-о-от как? — протянул он так, словно раскаленный шар застрял у него комом в горле, — и чем же это он заслужил эдакую честь?

— Нам с ним есть что отметить.

— Даже та-а-ак? И можно ли узнать, что же именно, или это слишком нескромный вопрос?

— Перспективу никогда больше не видеть твою

мерзкую лицемерную рожу, придурок.

— О-о-о-о! Какая уда-а-ача!

(Ну да, потому что на самом деле я сдулась и сказала: «Это сюрприз».)

Черт… небо становится все светлее… Мне действительно надо спешить, вместо того чтоб смешить тебя и того кретина.

Давай, пристегнись, моя старушка with diamonds in the sky[41], потому что я включаю турборежим…

У меня больше нет времени выпендриваться, так что финал третьего сезона пойдет на уско-*вжи-и-и-к*-ренной пере-*вжи-и-ик*-мотке.

---

[41] Примечания: 41

Здесь: в алмазах на небесах (англ.).

* * *

Я пригласила Франка в пиццерию, которую держали китайцы, и, пока он взрезал свою кальцоне, взяла инициативу в свои руки, второй раз в жизни.

Я рассказала ему о том, чтó втайне пообещала самой себе, когда мы с ним были еще детьми, там, на железном мосту Искусств.

И о том, что не решилась тогда сказать это вслух, но поскольку обещание было дано, пусть даже оно и существовало только в моей голове, для меня пришло время его исполнить…

Я сказала ему, что мы отсюда съезжаем. Здесь слишком убого, его кузен — полный придурок, и мы не за тем проделали весь этот путь, чтобы опять окунуться в уродство, да еще и терпеть очередного кретина. Одет он получше, не спорю, но в остальном — такой же дебил, как парни из нашего колледжа.

Я сказала ему, что он должен найти нам какое-нибудь жилье, но только в самом Париже. Пусть это будет крохотная студия. Неважно, мы

справимся. Ведь здесь мы с ним тоже уживаемся в маленькой комнате и уже доказали друг другу полное взаимное уважение. А что до меня, так я вообще всю жизнь прожила в автофургонах, так что необходимость еще больше ограничить пространство лично меня совсем не пугает. Мне это по силам. В вопросах жилья я готова на все.

Я сказала ему, что больше всего люблю смотреть на него по вечерам, когда он рисует, вместо того чтобы зубрить эти идиотские законы, которых все равно никто не соблюдает. И для меня это лучший момент дня.

Да, единственное прекрасное, что я видела с тех пор, как мы здесь живем, — это его рисунки. А еще его лицо, которое наконец становилось таким безмятежным, когда он над ними склонялся. Это лицо Маленького принца, которое так нравилось мне еще в детстве, когда я издали замечала Франка на школьном дворе. Его растрепанные волосы и светлый шарф, питавшие мои грезы в ту пору, когда я так сильно в этом нуждалась…

Я сказала ему, что настал его черед доказать мне свое мужество, и так больше не пойдет: талдычить мне про свет, убеждая в том, что я должна перестать себя связывать со своей семьей, а самому все делать ровно наоборот.

Я сказала ему, что он любит мужчин и он прав, и это нормально — любить того, кого любишь, но он должен раз и навсегда записать в своей маленькой упрямой башке, что на взаимоотношениях с отцом ему надо поставить крест.

Не имеет смысла надрываться и становиться адвокатом, чтобы тебе простили твою сексуальную ориентацию, поскольку это все равно ничего не изменит. Отец никогда его не поймет, не примет, не простит и самому себе больше никогда не позволит его любить.

И что уж в этом-то он может мне поверить, поскольку я сама служу живым доказательством того, что родители тоже способны перестать быть родителями.

И что я также служу живым доказательством того, что от этого не умирают. Просто выкручиваются иначе. Находят по ходу другие варианты. И, к примеру, он для меня теперь и отец, и мать, и брат, и сестра, и меня это очень даже устраивает. Что я очень даже довольна моей новой приемной семьей.

Тут уже я наверняка распустила нюни, его кальцоне остыла, но я продолжала, потому что такой у меня характер: пусть я и шлюха, но пру как танк.

Я сказала ему, что он должен бросить свою

бессмысленную учебу и записаться на подготовительную стажировку для поступления в эту его ювелирную школу. А если он даже не попытается, то будет жалеть об этом до самой смерти, да и к тому же у него точно все получится, потому что он очень способный.

И да, в этом тоже, как и во всем прочем, никакой справедливости и равенства в жизни не было, и тем, у кого от рождения больше талантов, дается больше шансов, чем остальным. Пусть это и отвратительно, но это так: дается только богатым.

И да, он точно добьется успеха, если только ему хватит духа и он будет упорно работать.

Вот сейчас ему явно не хватает духа, но поскольку я тоже теперь для него и мать, и отец, и брат, и сестра, то именно мне предстоит вышвырнуть все эти его правовые книжки на помойку и настаивать до тех пор, пока он не сдастся.

А пока он будет учиться, я поищу себе нормальную работу, и найду ее запросто. Не потому, что я умнее других, а всего лишь потому, что я белая и с документами у меня все в порядке, так что об этом я даже не парюсь. И единственное, чего бы мне больше никогда не хотелось делать, так это сортировать картошку, но учитывая, что мы с ним будем жить в Париже, мне это априори

не грозит.

(Это, конечно, был юмористический пассаж, но он не сработал. Франк даже не улыбнулся, и я на него не сердилась за это, поскольку у него просто челюсть отвисла чуть ли не до пиццы.)

Я сказала ему, что нам нечего бояться. Что все будет работать на нас. Что не надо бояться Парижа, ни уж тем более парижан — таких сереньких и худосочненьких, что их одним щелчком можно уложить на лопатки. Эти люди, которые платят за маленькую чашечку черного кофе 3,20 евро, не представляют для нас никакой опасности. Да, ему нечего беспокоиться. То, что мы с ним приехали из села, пусть это гнилой и дерьмовый край, но это дает нам, по крайней мере, одно преимущество: мы крепче. Значительно крепче. И храбрее. И мы всех их поимеем.

Так что вот, я подвела итоги: его задачей было найти нам жилье, моей — вести дела, пока он будет осваивать то единственное ремесло, которым он вправе заниматься.

И тут у нас наступила столь продолжительная и ненормальная тишина, что официант подошел к нам спросить, все ли в порядке с едой.

Франки даже не услышал вопроса.

К счастью, услышала я. Спросила, нельзя ли поставить наши пиццы в печку на пару минут, чтобы разогреть.

— Канесна, — кланяясь, ответил он.

Все это время Франк смотрел на меня так, словно я напоминала ему кого-то, чье имя вылетело у него из головы, и это начинало его всерьез беспокоить.

Некоторое время спустя он все-таки выпендрился и с великодушным пафосом изрек:

— Прекрасная речь, моя дорогая малышка Билли… Знаешь, это тебе надо бы стать адвокатом… Ты произвела бы фурор в зале суда… Хочешь, я тебя запишу?

Какой уничижительный тон… Глупо так со мной разговаривать… Со мной, которая бросила школу, как только он уехал…

Глупо, бездарно и недостойно его.

К нам вернулись наши пиццы, и мы молча принялись за еду, а поскольку атмосфера явно испортилась и он уже сожалел о том, что обидел меня, то он пнул меня под столом по ноге, чтобы я улыбнулась.

А потом и сам улыбнулся и сказал мне:

— Я знаю, что ты права… Я знаю это… Но что

я, по-твоему, должен сделать? Позвонить отцу и сказать: «Привет, папуля! Слушай, я, кажется, никогда тебе не говорил, но я голубой, и засунь себе в зад свою юриспруденцию, на самом деле я хочу рисовать сережки и жемчужные колье. Алло? Ты еще здесь? Так вот… уф… не будешь ли ты столь любезен, не вышлешь ли ты мне денег, желательно прямо завтра, пожалуйста, чтоб я больше не выглядел олухом в глазах мамочки Билли?»

— …

Оп-ля. Полный провал.

Ну да. Я тоже даже не улыбнулась.

Вместо этого я приняла пресыщенный вид а-ля Аймерик фон-барон Его Задницы Дверь и выдала так вот запросто — *тьфу* — сплюнув в тарелку оливковую косточку:

— Эй, но деньги — не проблема. Деньги у меня есть…

* * *

Ладно, естественно, этот веселенький разговорчик о том, как организовать наше возвращение к будущему, продолжался не один час, но для тебя, звездочка моя, я сделала один снимок, прямо с экрана, потому что это мой самый любимый кадр: лицо Франка Мюмю в тот момент, когда он осознал, что эта паршивая кукушка, вот уже несколько месяцев как обосновавшаяся в его гнезде, на самом деле вовсе и не кукушка, а величественный золотой орел, который в своем золотом клюве держит золотой ключик от золотых ворот в золотое будущее.

Не знаю, как это смотрелось бы в виде броши, но в пустынной китайской пиццерии парижского пригорода во вторник вечером, в районе десяти, все это выглядело ослепительно.

Ну а в остальном, и это было понятно с самого начала, потому что мужики все-таки очень предсказуемы, он долго сопротивлялся.

Я ему говорила, что он мне все возместит, когда откроет собственный магазинчик на площади уж и не помню чего, с такой типа колонной по

центру, к тому же я накручу ему чудовищные проценты и все такое прочее, но поскольку он оказался куда более мачо, чем я могла себе это представить, то под конец я сломалась.

Под конец я призналась: когда он давеча встретил меня на лестнице в прикиде Билли-провинциалки, я выглядела так потому, что направлялась трахаться стоя с вышедшим на перерыв охранником в подсобке для мусорных бачков, прижатая к рулонам бумажных полотенец, и если он не сделает этого ради собственной шкуры, пусть хотя бы проявит великодушие и сделает это ради меня…

Что его талант — это его оружие, и он должен им воспользоваться, как я когда-то охотничьим ружьем, он просто должен мне это.

И тут уже он, конечно, сдался.

— Держи свой подарок, — сказал он, сымитировав мой голос налетчицы на жлобов.

* * *

Время поджимает… Так что еще один этап тоже вкратце, по-быстрому…

Хотя, знаешь, все остальное не так уж важно… Что касается нас, большую часть маршрута мы с

ним уже прошли.

Дальше, мне кажется, наша жизнь уже не заслуживает такого внимания. Мы просидели над нашей собственной маленькой Вселенной Варкрафт[42] до тех пор, пока Франки не соизволил-таки доесть свою кальцоне, которая сначала остыла, затем подгорела и снова остыла, и в конце концов мы сложили оружие: дубины, топоры, доспехи, остроконечные шлемы и всю прочую ерунду.

Мы уступили друг другу. Мы устали сражаться.

Дальше мы с ним стали скромными бобо[43], как все, и, черт побери, мне не стоило бы так выражаться, но все-таки, я повторюсь: черт побери… как же это прекрасно!

О да, как же это прекрасно — быть такими же идиотами, как парижане! Злиться из-за дрянного прокатного велика, из-за того, что кто-то припарковался там, где разрешена только остановка,

---

[42] Примечания: 42

Вселенная Варкрафт (*англ.* World of Warcraft) — многопользовательская ролевая онлайн-игра, четвертая в серии игр, выпущенных компанией Blizzard Entertainment начиная с 1994 г. *(Прим. переводчика)*

[43] Примечания: 43

Бобо — аббревиатура от bourgeois-bohème (*франц.*) — букв.: буржуазная богема — социологический термин, введенный в употребление Дэвидом Бруксом, автором книги «Бобо в раю» (2000 г.). *(Прим. переводчика)*

из-за несправедливого штрафа, переполненного ресторана, разрядившегося мобильника или невнятно указанного графика работы какой-нибудь барахолки.

Это так хорошо, так хорошо, так хорошо…

Лично мне это никогда не надоест!

* * *

Краткое содержание:

«В течение следующих эпизодов наши герои, Франк и Билли, переехали в Париж и жили там ровно так, как пообещали друг другу.

Пять раз за два года они поменяли жилье, за каждым новым порогом квадратных метров становилось чуть больше, тараканов — чуть меньше.

Франк поступил в свою школу, Билли кем только не работала, в разных, более или менее достойных амплуа, чего уж тут скрывать, но, к счастью, никогда с корнеплодами.

Звездочка моя, вы слишком добры…

И он, и она влюблялись, влюблялись по-настоящему, всерьез, всем сердцем. Верили в это, делились друг с другом, подбадривали друг друга, разочаровывались, прошли огонь и воду и мед-

ные трубы, смеялись, плакали, утешались, ну и в конце концов освоили Париж. Правила жизни, привилегии, ограничения. Крупных хищников, среду обитания и водопои.

Они вкалывали как проклятые, кормили друг друга, перевязывали друг другу раны, вместе пили и похмелялись, ругались, расставались, баловали друг друга, холили и лелеяли, ненавидели, теряли, начинали сначала, разочаровывались, обожали, встречались и поддерживали всю дорогу, но главное — они научились вместе поднимать голову.

Это они жили.

Они.

В течение последующих лет они не раз разлучались, но всегда сохраняли за собой — то один, то другой, по обстоятельствам своих любовных увлечений, — свою малюсенькую двушку на улице Фиделите[44], которая и сегодня остается их единственным портом приписки на этой земле.

Разве что вот сейчас в отпуск выбралась, а так, Билли больше не покидала Париж, ставший ее любимым городом и единственной семьей, не считая Франка, который — он ведь хороший сын

---

[44] Примечания: 44
Fidélité (*франц.*) — верность. *(Прим. переводчика)*

— продолжал мотаться на поезде к своим на всякие праздники.

Его отец с ним больше не разговаривал, но это уже не имело значения, поскольку он вообще больше ни с кем не разговаривал за пределами своей группки единомышленников по борьбе с Саботажниками. Его мать пребывала в отключке, а вот у Клодин все было в порядке. И Клодин никогда не забывала передать привет Билли. Никогда. И даже иногда посылала ей свои рыхловатые песочные печенья.

И вот, почти три года назад, когда Франк еще учился и работал в шлифовальной мастерской в Марэ, а Билли заходила за ним вечерами отвлечь его от работы, поскольку снова была одна, к тому же сама работала по ночам (конечно, она была белая и с документами, но о нормальной работе мечтать не приходилось), так что, пока она завтракала, он пил свое вечернее пти-шабли в надежде на лучшее, в ее жизни снова произошли серьезные перемены.

Поскольку Франк частенько задерживался, а хозяйке цветочной лавки, расположенной напротив его мастерской, было сто лет в обед и в одиночку ей требовался не один час на то,

чтобы втащить с улицы все свои ведра, кустики, цветы в горшках и прочую дребедень, то Билли — не любившая ждать парня больше, чем следует, — начала ей помогать убирать товар, чтобы не стоять без дела. (Ну и во избежание соблазна бахнуть пол-литра пива перед своим «утренним» кофе, чего уж тут скрывать, когда это всем известно.)

И так подсобила разок-другой, поболтали о том о сем, поговорили основательно, и понеслось: простенькие букетики — траурные венки, мелкие подсказки — серьезное обучение, подработки по субботам — работа неделями напролет, скромные инициативы — заметные преобразования, большие инновации — маленькие успехи, одноразовые чеки — постоянная зарплата, некоторое благополучие — настоящее призвание, — и вот уже она стала супермодным флористом.

Это было очевидно, звездочка моя, совершенно очевидно…

Билли была рождена, чтобы творить красоту, сколько бы все вокруг ни надрывались, пытаясь ей доказать, что это ей не по статусу.

Совершенно очевидно.

Чтоб рассказать, как наша маленькая трусиха стала любимицей на своей улице, в целом квар-

тале, на оптовом цветочном рынке, у редактрис модных журналов, у дизайнеров-декораторов и всех прочих, как из уст в уста пошла о ней молва среди flower power[45][46] столицы — для этого ночи не хватит, тут целую книгу пришлось бы писать.

Если у нее и были проблемы с тем, чтобы изобразить генеалогическое древо своей семейки — не хватало ни mamma mia, ни всяких там богатеньких ответвлений, то в вопросах коммерции она сама могла читать лекции всем этим папенькиным дочкам с дипломами…

У нее обнаружилась не просто предпринимательская жилка, а настоящий дар!

Чего хотела Билли, то и создавал для нее Бог.

Ее немыслимая одежда — вся с головы (в платке) до ног (в носках) в цветочных мотивах (собранная по разнообразным секонд-хендам), ее волосы, которые она красила во все оттенки пантона под цвет шерсти своей собачонки (что-то вроде помеси пуделя с таксой, только постраш-

---

[45] Примечания: 45

Здесь: цветочного бомонда (англ.).

[46] Примечания: 46

Flower power (*англ.*) — *букв.*: власть цветов, слоган хиппи, отражавший идеологию ненасилия, популярный в 60—70-х гг. XX в. *(Прим. переводчика)*

нее) в зависимости от их общего настроения, ее старенький фургончик «рено», так ослепительно разрисованный лютиками по бледно-зеленому фону, что даже девушки из парковочной полиции не решались выписывать ей штрафы, опасаясь мешать столь важному делу.

Вопрос не денег, нет, просто ведь цветы могут и увять, ага? И, пожалуйста, друзья, платите наличными, здесь слишком сыро для оплаты банковской картой. Вот посмотрите, я вам не вру: экран терминала весь запотел… Ох, черт, не повезло… Дамы и господа, платите наличными, за причиненное неудобство вам в подарок достанется целое облако незабудок в бутоньерке.

Букеты Билли были самыми красивыми, самыми нежными, самыми простыми и самыми дешевыми в Париже, ее не надо было учить прогибать этот мир.

С рассвета до заката на ногах, весь день прыгая между своими лютиками и анютиными глазками, в своих цветастых ботинках «Доктор Мартенс», подпоясавшись рафией, подшучивая над всеми и вся в духе Арлетти[47], с секатором,

[47] Примечания: 47

Арлетти (*франц.* Arletty) — сценический псевдоним французской актрисы Леонии Мари-Жюли Батья (1898–1992). *(Прим. переводчика)*

щелкающим в ее руках с вечера до утра — издалека ее можно было принять за эдакую дочь Элизы Дулиттл[48] и Эварда Руки-ножницы[49] в городском исполнении.

My Fair, Fair, Fair Billie…[50]

Другими словами, издалека ничего от Сморчков в ней уже не угадывалось.

М-м… разве что некоторая деловая хватка…

Старуха на покой не ушла, но передала Билли все дела. Сама она сидела на кассе и по вечерам, пока молодая убирала с улицы товар, подсчитывала выручку в пересчете на франки. О боже, да это огромные деньги, с такими деньжищами она проживет еще тыщу лет!»

* * *

Ладно, звездочка моя, я тут на пару минут усту-

---

[48] Примечания: 48

Элиза Дулиттл — героиня «романа в пяти действиях» Б. Шоу «Пигмалион» (1913 г.), лондонская цветочница, за шесть месяцев превращенная профессором фонетики Генри Хиггинсом в «герцогиню». *(Прим. переводчика)*

[49] Примечания: 49

«Эдвард Руки-ножницы» (*англ.* Edward Scissorhands, 1990 г.) — фантастический фильм Тима Бёртона с участием Джонни Деппа. *(Прим. переводчика)*

[50] Примечания: 50

Моя прекрасная, прекрасная, прекрасная Билли (англ.).

пала свое место, потому что неловко саму себя забрасывать цветами, но я уже вернулась, и, знаешь… я должна тебе это сказать *именно сейчас*, потому что следующий сезон отчасти касается и тебя, ибо, кажется, он под угрозой: спасибо.

Спасибо за все.

Спасибо тебе за меня и за моего спутника жизни, который, вернувшись из Индии полгода назад, сегодня уже наконец работает в одной из знаменитых мастерских на этой площади с колонной посередине (на Вандомской, как тут настаивают).

Я знала, что так и будет.

Я это ему предсказала однажды вечером в пиццерии сети «Императорский лотос»…

Надо было поспорить. Какая же я дура.

Спасибо тебе за мою жизнь, спасибо за его жизнь, за моих любовников, за мою собаку цвета фуксии, я ее обожаю, и, слава богу, никто никогда не будет по ней стрелять, спасибо тебе за Париж, за мою бабульку, которая меня изводит, но исправно платит все обязательные платежи, спасибо за мой фургончик, который еще ни разу меня не подвел, спасибо за пионы, за душистый горошек и за «разбитое сердце», за то, что я больше не бухаю, но выпить могу, спасибо, что больше

не плачу по ночам, спасибо, что у меня теперь всегда есть горячая вода, спасибо, что я работаю в столь приятно пахнущем месте.

Спасибо за мадам Гийе. Спасибо за «живые картины». Спасибо за Альфреда де Мюссе, спасибо за Камиллу и Пердикана.

И спасибо за Билли Холидей, и за ее *No Regrets*[51].

А главное, спасибо тебе за него.

И от него.

Спасибо за Франка Мюмю из колледжа Превера.

Спасибо за Франка Мюллера в критических ситуациях.

Спасибо за моего Франки в повседневной жизни.

Спасибо…

Ну а теперь, когда я тебе все это сказала, пришли же ты наконец этих чертовых санитаров, твою мать! Я тут себе задницу отмораживаю, а ты тем временем уже почти пропала!

Нет, честно! Что ты там мутишь, черт тебя подери?

Тебе кажется, мы недостаточно нахлебались?

---

[51] Примечания: 51
«Никаких сожалений» (англ.).

Фак! Хоть бы блеснула, что ли.

Сияй! Сверкай! Зажигай!

Знаю, знаю…

Знаю, чего ты хочешь…

Хочешь, чтоб я рассказала небесам о том, как сильно накосячила и насколько я заслуживаю того, чтобы вкусить этой ночи еще чуток.

Ну что ж, давай, моя старушка… Вперед…

Переворачивай страницу.

* * *

Смотри, моя звездочка, я надела свое выходное платье и в лакированных туфельках пришла к тебе, как на исповедь.

Не обращай внимания на мои волосы, в последнее время они немного полиловели, ты должна видеть только мое чистое сердце.

Оно словно лилия Мадонны[52].

(*Lilium Candidum.*)

Если я сейчас здесь сохну, дохну, отмораживаю себе башку, умоляя тебя помочь нам еще разок, так это потому, что я сделала одну маленькую глупость…

Ну да… Со мной до сих пор такое случается, представляешь…

Обычно это бывает, когда я чересчур увлекаюсь ромовыми коктейлями в «Хижине Сэми», но на этот раз я была абсолютно трезва, трезва до такой степени, какой можно достичь только в пешем семейном походе с ослами и тупицами в Нацио-

---

[52] Примечания: 52

Лилия Мадонны — простонародное название белой лилии, считающейся символом чистоты и девственности. *(Прим. переводчика)*

нальном парке Севенны.

(Тоже, согласись, неплохая идея?)

(Очень даже неплохая…)

Сожалею ли я о том, что натворила?

Нет.

Даже, думаю, надо было бить сильнее.

Видишь, я ничего от тебя не скрываю…

И если уж ты не оправдываешь моих порывов, по крайней мере, оцени мою прямоту.

Поскольку я, как и Билли Холидей, и по тем же причинам, что и она, — ни о чем не жалею.

Я ни о чем не жалею и никогда в жизни не стану ни о чем жалеть, потому что у меня и так уже сперли слишком большую ее часть. К тому же именно ту, что считается безусловно прекрасной… Так что лизать твой плазменный зад я не буду, даже и не рассчитывай.

Да я бы и все равно не смогла этого сделать.

Никогда не делала.

Если меня припирают к стенке, предпочитаю пользоваться ружьем или бить покрепче.

Не то чтобы я этим гордилась, но… такая уж я есть, и я уже знаю, что не стану другой.

С самого рождения я держусь только благодаря собственной воле, поэтому, как бы ни были слабы

те, на кого я в этой жизни опираюсь, я уничтожу любого, кто хоть пальцем к ним прикоснется.

В настоящий момент моя самая главная опора несколько сдал. Вот он лежит со мной рядом, мучается и уже не отвечает мне, когда я к нему обращаюсь. Если ты не поможешь мне его починить, я тебя уничтожу тоже. Да, я договорюсь сама с собой, чтобы больше тебя никогда не видеть.

Тебе-то, конечно, на это плевать, ты уже умерла, а вот у меня еще есть в запасе некоторое поле для маневров, так что я просто тебя предупреждаю…

Я умею стрелять из любого оружия и смогу подстрелить любую мелкую и трусливую тварь. Так что если речь обо мне, то я абсолютно не парюсь о моем будущем без него.

Совершенно не парюсь.

Ну вот. Я это сказала.

Теперь можно и развлечься еще чуток и рассказать тебе про наш суперотпуск…

* * *

Все началось в баре одного дорогого отеля.

В последние годы почти всё и всегда между мной и Франком начинается в баре какого-нибудь дорогого отеля…

Поскольку мы оба с ним вкалываем как проклятые, то стали встречаться в тихих местах, где все дышит красотой и порядком, богатством, покоем и наслаждением.

Я уже не падаю в обморок от цен в меню — по той простой причине, что больше на них не смотрю.

Мне редко удается за ночь поспать больше шести часов, и я уже не могу позволить себе роскошь быть скупердяйкой.

Я позволяю людям доставлять (получать) удовольствие, покупая в подарок (себе) очень красивые цветы шесть дней в неделю с одиннадцати утра до девяти вечера, и в качестве вознаграждения самой себе, раз уж я превратилась в бесценное сокровище, делая столько добрых дел, в день седьмой я разваливаюсь в мягком кресле и угощаю моего бедного дружка,

который починяет рассыпавшиеся на банкетах тиары и диадемы королев стоимостью в целое состояние.

Обожаю.

Свожу счеты со своим прошлым, рассчитываюсь сполна и делаю это в пятизвездочных отелях. Это служит мне хорошей компенсацией.

Уже и не помню, в каком отеле мы с ним в тот раз оказались и что мы пили, но это было наверняка что-то волшебное, раз я в конце концов согласилась исполнить его каприз.

Франк имел виды на одного очаровательного юношу, а тот собирался отправиться в пеший поход с «товарищами» (уже одно это слово мне не понравилось) и их детьми в Севенны и пригласил его присоединиться.

Потрясающие пейзажи, биопитание, экологичнее не бывает, бесподобное небо и милейшие ослики.

К тому же им не помешает пройтись, немножко спорта, подышать свежим воздухом и все такое.

Ладно.

Франку захотелось потрахаться на природе, под звездным небом, в здоровой семейной обстановке, в гармонии и любви, в том числе к животным, почему бы и нет?

Да нет же, раздражался он, ты все неправильно поняла. Все вовсе не так, как ты думаешь. Мне, правда, кажется, что он — мужчина моей жизни, и я еду туда не затем, чтобы оттянуться по полной, а потому что настроен романтически.

Ладно.

Мужчин его жизни я на своем веку уже повидала, одним осликом больше меня уже не впечатлит. Я перестала ржать.

Он хотел, чтобы я поехала с ним, и этим задел меня за больное место. Нашел себе компаньоншу. Подружку невесты. Типа чтобы засвидетельствовать свою благонадежность и наилучшие намерения. Изобразить эдакую семью, чего уж там…

— О-ля-ля, — сказала я.

Ты зовешь меня?

Топать пешком?

В огромных уродливых башмаках, весом по тонне каждый?

В бейсболке?

С фляжкой?

В ядовитого цвета дождевике?

С поясной сумкой-бананом?

С комарами?

С людьми, которых я даже не знаю?

И с ослами, которых я не умею водить даже в поводу?

— О-ля-ля, — подытожила я, — никаких шансов, что это когда-либо произойдет!

И все же в конце концов я согласилась.

Франки умеет меня обрабатывать, ну а коктейли лишь довершили полный распад моей оборонительной системы. К тому же это было частью нашего соглашения-в-гостиничном-номере-после-охоты: мы редко осмеливались просить друг друга о каких-либо услугах, но если это было действительно важно, то можно было даже и не просить.

И потом, скажу как есть: в это время в моей лавке все равно будет мертвый сезон, и оставить на несколько дней мою старушонку поскучать в одиночестве было мне только на руку. Ну и вот: в следующий понедельник мы отправились в магазин походного снаряжения, и не успела я опомниться, как на моих ногах уже красовались какие-то невероятные луноходы из яловой кожи грубой выделки.

Безумно красивые…

Я решила относиться ко всей этой авантюре с юмором и начала веселиться прямо в магазине. Я

исполняла по полной программе, как настоящая девочка, перемерила все и целую вечность раздумывала, что же купить.

Франк жаждал знакомства с ослами, он его получит.

На самом деле я была страшно рада поехать с ним вместе в отпуск. Уже долгие годы мы виделись разве что мельком, всегда на ходу, и мне его не хватало. Мне не хватало нас.

Ну и ко всему прочему, в те дни, когда должна была состояться наша поездка, исполнялось ровно десять лет с тех пор, как мы с ним репетировали Альфреда де Мюссе, и это, это очень мне нравилось. Перспектива надоедать ему целую неделю в окружении баранов и ослов — достойный подарок к знаменательной дате.

Десять лет. Вот уже десять лет мы не разглагольствовали о любви, а он — ибо я не строила иллюзий на свой счет, — он уже был героем самой важной истории в моей жизни…

* * *

Оглядываясь назад, могу сказать, что с самой нашей встречи на Лионском вокзале вся эта скаутская авантюра пошла наперекосяк.

Да-да, потому что тот самый Артур, избранник моего Франки, может, конечно, и был мужчиной его жизни, но еще на перроне у меня возникло четкое ощущение, что обхаживает он скорее меня.

«Ха-ха, — подсмеивалась я втихаря, спрятавшись под козырьком своей бейсболки, — плохой выбор, дорогой мой дальнозоркий друг, плохой выбор…»

Ладно.

Я прикинулась синим чулком и ничего не сказала.

Во-первых, этот пассажир железной дороги вполне мог ходить и под парусом, и под мотором — как говорят у нас о тех, кто и нашим, и вашим, а во-вторых, в данный момент моей жизни я и правда жила старой девой.

Сведение дебета с кредитом отнимало у меня слишком много времени и сил, чтобы я могла себе

позволить кружить голову первому встречному. Так что пусть уж они с Франком сами разбираются со своими либидо. Мое сейчас отдыхает.

Ведь это, черт побери, отпуск, или что?

В общем, как настоящий друг, я быстренько остудила пыл нашего Артурчика, щеголявшего в темных очках «Рей-Бан Авиатор», и заняла в поезде его место, уступив свое — рядом с Франком, да еще и по ходу движения.

А сама проспала всю дорогу.

Честное слово, от одной мысли о том, что мне предстоит карабкаться по горам с этими гирями на ногах, я уже заранее чувствовала себя уставшей…

Потом нас препроводили на суперсемейную супертурбазу, где нас ждала куча прочих суперучастников, пребывавших в суперприподнятом настроении в связи с предстоящим суперпоходом с такими супермилыми осликами, с таким суперским хлебом — краюхами, с таким суперским сыром, что я тут же опустила забрало и ушла в глухую оборону.

Эй, но не так, как в детстве, ага? Нет, нет! Ничего общего! Просто я сопровождала Франка, и баста. И нечего от меня требовать еще и какой-то общительности.

Я занималась торговлей, и на протяжении всего года общение было моей работой, поэтому в свой собственный отпуск я прежде всего нуждалась в отдыхе от контактов с людьми. Особенно с симпатичными.

Я не дулась, я просто отдыхала.

Для меня все это сразу оказалось чересчур, и я уже понимала, что мне физически не по силам внести свой вклад во всеобщую ажитацию.

Ты Франк, я Билли. Моя поехать с тобой, твоя ни о чем меня больше не просить.

Ну а поскольку он меня любит и прекрасно меня знает, он оставил меня в покое.

Мы с ним спали в одной палатке, и вечером следующего дня он мне признался, что сказал им, чтобы они на меня не обижались, что я ни с кем не разговариваю… потому что переживаю тяжелую любовную драму…

Я ответила, что он правильно сделал, поскольку я всегда в той или иной степени переживаю тяжелую любовную драму, поулыбалась немножко и, не сдержавшись, добавила, что это вообще история всей моей жизни, разве не так? И тут мы с ним оба так и покатились со смеху в своих спальниках, чтобы ни на секунду не усомниться,

что я и впрямь очень-очень юморная девчонка.

Я обожала спать вместе с ним в нашем крохотном домике (я грамотно распределила обязанности: мне надлежало палатку устанавливать (подбрасывание в воздух — две секунды), а ему собирать (два часа)), я доставала свою фляжку водки, и мы болтали обо всем на свете. Перемывали косточки членам группы, ржали, хихикали, глумились, рассказывали друг другу пропущенные эпизоды из своей жизни, истории о наших букетах, о наших заказах, о работе, о кольцах, о клиентах и браслетах.

А еще Франк, дурачась, перепевал мне разные скаутские частушки, одна похабнее другой, а я умирала со смеху.

Я так гоготала, что порой казалось, наша палатка вот-вот взлетит. Наши соседи наверняка удивлялись, насколько быстро я оправляюсь от своей тяжелой любовной драмы…

Ну и наплевать…

Мне вообще наплевать на других… Я люблю только близких.

И мою собаку.

В какой-то момент нас разделили на три группы, по причине слишком ненадежных троп, и в

«новом» составе мы оказались вместе с одним семейством — таких чистеньких, опрятненьких, с прилизанными волосами.

Хотя и мальчик, и обе девочки вели себя безупречно, их родители, со всеми своими принципами Воспитателей Великих и Непреклонных, явно были на взводе.

На рюкзаках у них все еще красовались наклейки «Manif Pour Tous»[53], и первым делом они поинтересовались у нас с Франком, обручены ли мы и собираемся ли пожениться.

Бедняги…

Франк, занимавшийся сумкой с провиантом, вопроса не расслышал, и я с ходу ответила им, что мы брат и сестра.

Ну да… Мне хотелось и дальше иметь возможность спокойненько ржать по ночам в моем маленьком домике с моим маленьким гомиком, не опасаясь того, что они заявятся окатить нас холодной водой…

Мы шли следом за ними, и я указала Франку подбородком на ту самую наклейку, чтобы он

---

[53] Примечания: 53

«Manif Pour Tous» (*франц.*) — «Манифестация для всех», французское движение, направленное против принятого во Франции в 2013 г. закона о разрешении однополых браков. *(Прим. переводчика)*

улыбнулся, но он был настроен лирически и никак не отреагировал.

Его Артурчик смылся, примкнув к другой группе минипутов[54], и шел теперь вместе с малышкой Селенией, двадцатилетней набитой дурой, чей силуэт зато классно смотрелся в его зеркальных очках, и Франк был, конечно, слегка разочарован жизнью… «Слушай, — сказала я, ткнув его под ребро, — но у тебя же есть я…» А поскольку и это его не развеселило, я и выдала ему из нашей с ним аптечки первой помощи:

— Что посоветовали бы вы мне в тот день, когда бы я увидала, что вы меня больше не любите? — спросила я его как ни в чем не бывало.

— Взять любовника, — ответил он мне без запинки.

— Что делать мне потом, в тот день, когда любовник мой меня разлюбит? — не унималась я.

— Взять другого.

— До каких пор это будет продолжаться?

— До тех пор, пока твои волосы не поседеют, а мои не побелеют, — улыбнулся он.

И оп, все по новой, как в старые добрые време-

---

[54] Примечания: 54

«Артур и Минипуты» (*франц.* Arthur et les Minimoys, 2006 г.) — полнометражный анимационный фильм режиссера Люка Бессона. *(Прим. переводчика)*

на. После этого он снова выглядел как огурчик. (Так, стоп! Никаких овощных сравнений — так и до картошки можно договориться, а это — табу!)

После этого он снова был в отличной форме.

Да здравствует Альфред.

Осел нам не полагался, потому что мы были без детей.

А поскольку семейство Прилизанных было с детьми, то им выдали маленького серенького ослика, суперсимпатичного, по кличке Ослик. (Супероригинально.) Он очень мне нравился, хотя я и побаивалась его слегка…

(Поскольку Франк с этими людьми явно не собирался иметь ничего общего, ни с отцом, ни с детьми, ни со всем семейством, ни разделять их взгляды на достоинство, уважение, прощение или рай, то об ослике можно было забыть.)

Ослик…

Я звала его Ося и время от времени потихоньку подкармливала.

Мсье Прилизанный смотрел на меня осуждающе, ведь в правилах четко было написано, что в пути животных кормить *нельзя*.

— Это правило номер один, — твердил де-

тям наш главный спец по кадишонам[55], — Вы можете давать им все, что угодно, когда они отдыхают, но в остальное время — ни-ни, ни травинки. Иначе… уж и не помню, что там могло случиться иначе… ах да, иначе у ослов сломается встроенный GPS-навигатор и они потеряют ориентацию…

Ладно, но неужели я брошу огрызок муравьям, доев яблоко, когда рядом со мной такой миленький ослик вот уже четверть часа с него не сводит глаз?

Отлично, мы ведь не звери и не тупицы.

Между мною и мсье Прилизанным начинало ощущаться напряжение.

Мне не нравилось, как он разговаривал со своей женой (как с идиоткой), мне не нравилось, как он разговаривал со своими детьми (как с идиотами). (Когда я нервничаю, вокруг одни идиоты, вы не заметили?) (От себя не убежишь, чуть что — и из меня так и прут Сморчки.) (Тут же.) (Увы.)

Он все время принюхивался к Франку, словно

---

[55] Примечания: 55

«Кадишон, или Мемуары ослика» (*франц.* Cadichon ou Les mémoires d'un âne) — телевизионный мультсериал (1986 г.), созданный по мотивам книги «Записки осла» (1860 г.) французской детской писательницы русского происхождения Софьи Федоровны Ростопчиной, в браке графини де Сегюр (1799–1874). *(Прим. переводчика)*

бы заподозрив, что тот не вполне мужик, как они говорят, и это страшно меня бесило. Эта его собачья манера принюхиваться к заднице вызывала у меня отвращение.

Ну и потом, у него был прямо-таки дар — портить любой мало-мальски приятный момент. Малышке нельзя было сорвать цветок и подарить его маме, потому что это растение занесено в Красную книгу. Мальцу, просившему у него бинокль, надо было подождать, мол, сейчас у него слишком грязные руки. И время полдника еще не пришло, так что если ты голоден, то терпи. И ослика в поводу повести нельзя, потому что ты его наверняка упустишь. И пускать блинчики по воде никогда у тебя не получится, потому что ты не прилагаешь к этому достаточных усилий. (Прилагать усилия, чтобы пускать блинчики по воде… Нет, ну какой придурок…)

Другой малышке говорилось, что если она еще раз подойдет к ослу сзади, тот непременно ее лягнет и может даже убить. (Мой Ося… Какая чушь…) Когда его жена восхищалась видом, он отвечал, что с противоположной стороны холма вид значительно лучше, когда она фотографировала детей, он предупреждал, что у нее ничего не выйдет, потому что она снимает против света,

а когда под конец она согласилась взять свою кроху на руки, он возвел очи к небу, напомнив ей, что нельзя вот так вот поддаваться на детские капризы.

Ладно.

Я замедлила шаг, прикинувшись страшной любительницей флоры и фауны, чтобы немножко остыть.

Вали ты со своим мирком подальше от моей души, грязный мелкий надзиратель, я тут смотрю, какие злаки я буду класть в свои букеты…

Во время пикника он подсел к Франку, типа поболтать по-мужски, и запросто так его спросил, хотим ли мы тоже детей.

Франки бросил мне взгляд, означавший «Не вмешивайся, я тебя умоляю», и ответил ему какую-то расплывчатую чушь, замяв разговор.

Пока мы закрепляли свои рюкзаки на спине у Оси, Франк шепнул мне на ушко:

— Эй, Билли, не устраивай мне проблем с этим типом, о'кей? В следующей группе идет мой коллега по работе, который мне дорог, и я не хочу скандала, договорились? Я ведь тоже все-таки в отпуске…

Я кивнула в знак согласия.

И перестала беспокоиться.

За него.

Вечером на стоянке своим роскошным ножом Франк вырезал ребятишкам палки для ходьбы.

Ну а поскольку он резчик от Бога, то когда он, закончив работу, вручил каждому ребенку по настоящему сокровищу, как же они были довольны, как радостно они улыбались.

Каждому досталась палка с инициалами и личным символом, вырезанными на коре. Для мальчика символом стала шпага, для девочек он вырезал звезду и сердце.

Я тоже потребовала себе такую, страшно раскапризничалась, и он сделал еще одну — специально для меня. Моя палка была толще, длиннее и помечена очень красивой буквой «Б», под которой Франк выгравировал морду моей собаки. Когда он мне ее вручал, я расплылась в улыбке, совсем как дети, только еще больше.

Всю ночь мы с ним проспали как сурки.

* * *

На следующее утро я снова была в прекрасном настроении.

Заметь, звездочка моя, у меня просто не было

выбора — такая красота вокруг…

Ничто не устоит перед такой красотой… на все можно махнуть рукой… особенно на человеческую глупость… так что все шло хорошо. Видя, что я расслабилась, Франк тоже расслабился, ну а поскольку, живя во грехе, мы не имели с ним права на маленького ослика, то обогнали всех и пошли впереди, чтоб этот кайфоломщик не действовал нам на нервы.

В конце концов, у каждого своя жизнь, ведь так?

Ну да…

Каждому свое…

Бога не проведешь, Он своих узнает…

В какой-то момент мы столкнулись с огромным стадом баранов. Ладно, поначалу все было ничего, но довольно быстро мне это стало надоедать…

Стоит посмотреть на одного барана, и уже кажется, ты видел их всех, настолько они похожи. Я потянула Франка за рукав, нам надо было выбираться отсюда, как вдруг — оп-па, Господи Иисусе.

Мой Франки: сражен наповал.

Это было словно Видение. Явление. Откровение. Удар молнии. Трепет. Ошеломление.

Пастух.

* * *

На полном серьезе, признаю, он действительно походил на Иисуса и выглядел очень и очень сексуально…

Красивый, улыбающийся, загорелый, медно-красный, золотой, подтянутый, мускулистый, бородатый, с вьющимися волосами, непринужденный, спокойный, весь светящийся изнутри, с обнаженным торсом, в хлопчатобумажных шортах, в кожаных сандалиях и с узловатым посохом в руке.

Больше всего в этот момент Франк был похож на волка из мультиков Текса Эйвери[56], к тому же он еще и стоял посреди целого стада баранов.

Со стороны это выглядело божественно…

Да и сама я была не прочь немедленно причаститься, чего уж там!

Мы с ним немного поболтали… ну, то есть… попытались переключиться на разговор, чтобы

---

[56] Примечания: 56

Текс Эйвери (полное имя: Фредерик Бин Эйвери, 1908–1980) — американский мультипликатор, сотрудничавший с Universal, Warner Bros., MGM, создатель многих известных мультперсонажей, таких как Даффи Дак, Багз Банни, Друпи и др. *(Прим. переводчика)*

не разглядывать его так уж откровенно…

Франк спросил, не тяготит ли его одиночество (каков хитрец…), я порасспрашивала про его пса, а потом мы заметили вдалеке наших друзей Прилизанных со товарищи и попрощались, чтобы примкнуть к группе, пусть даже и сохраняя дистанцию, просто потому, что мы боялись заблудиться.

Перед тем как уйти, мы спросили его, куда он направляется, и он махнул в сторону невысокой горы.

Ладно, что ж, тогда до свиданья…

Ах! Господи… Как Вы жестоки с Вашей паствой! Божественная литургия состоялась, но была чересчур коротка! Какой мимолетной была эта встреча!

Само собою, все последующие часы я только об этом и говорила, подтрунивая над Франки.

Во время пикника мсье Прилизанный спросил, будет ли Франк колбасу.

— Только если это «Палка пастуха»[57]! — выпалила я за него и давай гоготать, эдак минуты две без передышки.

---

[57] Примечания: 57

Bâton du Berger (*франц.*) — французская марка сырокопченых колбас. *(Прим. переводчика)*

А когда наконец успокоилась, добавила:

— Да и то… только если она такая, знаете, с орешками…

И загоготала по новой, еще на пару минут.

Прошу прощения.

Извиняюсь.

Мадам Прилизанная даже забеспокоилась, все ли со мной в порядке, Франк тяжело вздохнул и сказал ей, что у меня аллергия на пыльцу.

И, хоп, еще две минуты ржачки.

А-а-а-а… Эта прогулка начинала мне нравиться!

Франк хотя и прикидывался удрученным, но тоже веселился от души…

Уж мы-то знаем, с чего мы начинали, и всякий раз, когда один из нас счастлив, то и на другого это производит двойной эффект. Радуясь за другого, радуясь за себя, мы радуемся еще и тому кайфу, который испытываешь, когда так круто меняешь первоначальный расклад.

По случаю такого праздника, дождавшись, когда наш Всеобщий Мучитель отошел пописать, я дала Осе целое яблоко.

Он проглотил его не жуя и в благодарность наградил меня смачным, горячим почмокчмоки-

ванием в шею.

Ох… я уже заранее по нему скучала… К тому же, как козырно бы он смотрелся перед моей лавкой в соломенной шляпе с прорезями для ушей и с полными корзинами цветов по бокам…

Так что вот, звездочка моя… Все было хорошо, и если в какой-то момент все пошло наперекосяк, то мы в этом правда не виноваты — мы чувствовали себя так, будто на нас снизошла благодать и мы можем ходить по воде.

Мы чувствовали себя преображенными.

Мы наслаждались нашим путешествием по Севеннским горам.

На-слаж-да-лись.

Как маленькие овечки, искренне обращенные в новую веру!

После обеда было решено немного передохнуть, чтобы не идти по самому пеклу, к тому же малышка прикорнула на руках у своей матери.

(Знаю, мне не стоит этого говорить… это ни к чему… но правда… мне это было в диковинку…)

Про себя я знаю, что у меня никогда не будет детей. Это не просто дурацкое выражение. Я нутром это чувствую. Я не хочу детей. И точка. Но, глядя на выражение лица этой женщины, не

сводившей глаз со своей дочурки, на то, как она предельно осторожно, чтобы не разбудить, потихоньку перемещалась под деревом, изгибаясь и обдирая себе задницу об острые камни, чтобы ни один лучик солнца не упал на лицо ее крошки, я, не удержавшись, подумала, что у моей матери, судя по всему, действительно были большие проблемы с головой… Очень, очень большие… Ведь я в то время была совсем крохой…

(Стоп. Неинтересно.)

Чтобы больше об этом не думать, я устроилась поудобнее, положив голову на живот моего Франки, и задремала.

Вот так. Я снова прогнула жизнь под себя.

* * *

Не знаю, что было тому виной — то ли усталость от ходьбы, то ли обнаженный торс пастуха, то ли подсмотренная сцена Матери с Ребенком, — но я плохо спала в ту ночь…

Вернее, я вообще не спала.

Ну и бедному Франку тоже досталось. Я ведь эгоистка и страдать бессонницей в одиночку мне совсем не хотелось, так что болтала я без умолку. И конечно, в конце концов, перескакивая с одного на другое, я, как хитрая крыса, вывернула-таки разговор, куда хотела, и прошептала в темноте, что мне ведь было не четыре года, а всего-то одиннадцать месяцев, и что я правда не понимаю…

Франк не выдержал. Думаю, он с куда бóльшим удовольствием отправился бы на всю ночь молиться Иисусу да теребить свои карманные четки, так что он послал меня ко всем чертям.

Мне сразу окончательно расхотелось спать, ну и ему тоже.

Вот так, звездочка моя… Видишь, я подготавливаю почву: с утра, когда мы тронулись в путь в направлении какого-то там плато на встречу с

двумя остальными группами, идиллическая картинка нашего отпуска уже немного померкла…

Впервые в жизни я сталкивалась с нормальной матерью, к тому же еще и любящей, и на меня это действовало угнетающе. Я ничего не говорила и продолжала, как и раньше, дурачиться, но чувствовала, как нечто внутри меня начинает посылать мне тревожные сигналы.

Я уже не могла любоваться небом, солнцем, облаками, живописным пейзажем, бабочками, цветами и каменными хижинами, я была одержима этой женщиной.

Я прислушивалась к ее голосу, следила за движениями ее рук, когда она касалась своих детей (всегда в самых нежных местах: затылок, волосы, щеки, пухленькие ножки), смотрела, как она их кормит, всегда отвечает на их вопросы, никогда не путается в их именах, всегда держит их всех в поле зрения и… и все это меня убивало.

У меня внутри все разрывалось от этой нежности… От всей этой несправедливости… От острого чувства собственной обделенности, которое охватывало меня всякий раз, как я поворачивала голову в ее сторону…

Сначала я, как пиявка, прилепилась было к Франку, но, увидев, что начинаю его раздражать,

отправила сама себя в карантин.

После обеда, поскольку я все еще пребывала в расстроенных чувствах, я попросила разрешения повести Ослика в поводу.

Пусть мне удастся победить хотя бы *один* из моих страхов…

Аджюдан Прилизанный передал мне повод, с тысячей дебильных рекомендаций в придачу (будто поручал моим заботам боевого питбуля, не кормленного неделю, накачанного амфетаминами и все такое прочее), ну а я, чтобы развлечься, принялась осуществлять свой план соблазнения.

Я нашептывала в его большое ухо, трепещущее от удовольствия: «Уверен, что не хочешь поехать со мной в столицу? Я буду кормить тебя лепестками увядших роз и водить знакомиться с юными ослицами в Люксембургский сад… А еще я буду собирать твой навоз, раскладывать его в такие симпатичные мешочки из джутового полотна и на вес золота продавать всем этим бездельникам, которые устраивают всякие идиотские садики-огородики на своих балконах…

Ну же, соглашайся, чего ты… Тебе самому-то еще не надоело таскать все эти рюкзаки Quechua? Неужто не хочешь зажить на широкую ногу? Я

покрашу тебе гриву в лавандовый цвет, и мы будем ходить с тобой на Елисейские Поля пить мохито…

Ведь я заметила, тебе тоже нравятся листики мяты, не так ли, мой маленький друг?

Давай, мой Ося, ну же… Не упрямься…»

Он доброжелательно на меня смотрел своими огромными глазами. Он был не против и время от времени терся об мою руку, чтобы отогнать мошек и заставить меня попристават к нему еще немножко с этими моими глупостями.

Мне стало получше.

Мне стало получше, и я больше не обращала внимания ни на нежность мамаши Прилизанной, ни на межгалактическую глупость ее муженька.

Видишь, звездочка моя, я ничего такого не замышляла. Я в конце концов справилась с этой своей отрыжкой прошлого, проведенного в Сморчках, которая с вечера отравляла мне жизнь, и во мне больше не было никакой ненависти.

Надеюсь, ты мне веришь?

Ты должна мне верить.

Франку и тебе я всегда говорю правду.

* * *

Ладно, ты готова?

О’кей. Тогда перехожу к сути…

В какой-то момент мальчонка, мечтавший об этом дни и ночи, в который уж раз спросил, нельзя ли ему тоже повести ослика в поводу.

Его отец сказал «нет», я — «да».

Абсолютно синхронно.

После этого в разговоре повисла неловкая пауза.

— Да ладно вам, — вступилась я, — ослик же совсем тихий и такой милый… Смотрите, я вот страшно боялась, а все прошло хорошо… Хотите, я буду идти рядом с вашим сыном, на тот случай, если у него возникнет какая-нибудь проблема?

Мсье Прилизанному все это крайне не понравилось, но он вынужден был отступить, потому что все принялись ему говорить, что я права, что наш осел и не осел вовсе, а чистый ягненочек, что надо доверять детям и прочую хрень.

В конце концов наш Хайльгитлер сдался, но было видно, что теперь он держит пацана на прицеле, и не дай Бог тому сплоховать.

Обстановочка.

Мальчишка был на седьмом небе от счастья. Чувствовал себя, как Бен-Гур за рулем своей «ламборгини».

Как и обещала, я не отставала от него ни на шаг и иногда, как его мама, потихоньку гладила его по голове.

Просто так.

Чтобы почувствовать…

Ну а поскольку все шло хорошо, мы все расслабились.

Примерно через полчаса ребенок заявил, что устал вести Ослика, хочет вернуть его мне, чтобы снова заняться поиском всяких окаменелостей.

— Не может быть и речи, — тут же возразил его отец, крайне довольный представившейся ему возможностью укрепить свой авторитет в глазах группы, — ты хотел его вести, так вот и веди его теперь до конца. Это научит тебя серьезно относиться к принятию решений, дорогой мой Антуан. Взял на себя ответственность за это животное — вот и отлично, тогда не хнычь и веди его до стоянки, тебе понятно?

Нет, ну что это за идиотизм такой?

Хо-хо… Мне действительно надо было не вмешиваться в этот разговор…

Хо-хо… Где ты, мой Франки?

Не отдаляйся от меня, мой кот, побудь со мною рядом, а то я чувствую, что у меня уже рубашка в проймах трещит…

А сама я, по-моему, начинаю понемногу зеленеть, разве нет?

В общем, маленький Антуан, супермилый, супервеселый, суперсмелый, суперпокладистый, прекрасный ходок, суперласковый и супервнимательный к своим сестричкам, зашмыгал носом и стал звать маму.

И тут его отец одним резким движением руки влепил ему хорошенький подзатыльник, чтобы поучить жизни.

Ох, черт…

Ох, как же мне все это было знакомо…

Знакомо, потому что я знала все эти удары наизусть.

И это был один из худших.

Гнуснейший из гнуснейших.

Самый коварный.

Самый болезненный.

Удар, не оставляющий следов, но напрочь вышибающий тебе мозги.

Удар, который ты ощущаешь всем нутром.

Который всегда застает врасплох и так сотрясает твой мозг, что ты на мгновенье теряешь способность думать и остаешься слегка прибабахнутым на всю последующую жизнь.

Ох, черт…

Это была моя прустовская «мадленка»…

Ладно, конечно, я не думала обо всем этом в тот момент. Я, кстати, вообще никогда об этом не думала, все это у меня в крови.

Да и потом, я просто не успела подумать, поскольку моя суперкрасивая палка Van Cleef работы моего Франки уже описала окружность за моей спиной и в следующее мгновенье я врезала ею прямо по роже этому чистоплотному мсье, который только что поднял руку на ребенка.

Точно в цель.

Лицо вдребезги.

Ни носа.

Ни рта.

Ничего не видно.

Только кровища повсюду, по лицу, по рукам, которыми он закрывает лицо.

И крики.

Само собою разумеется, истошный свинячий визг.

Ох, черт возьми, какой скандал…

Ко всему прочему, мой взмах палкой испугал осла, и он тройным галопом помчался в Катманду, унося с собою все наши съестные припасы.

Ох, какой скандал…

Ну а поскольку все вытаращились на меня так, словно я его угробила, то я добавила, чтоб привести в чувство этого обидчика маленьких мальчиков:

— Ну что? — выдала я ему не своим голосом, какой бывает у меня в эпохальные моменты. — Почувствовал, каково это? Почувствовал, каково это — получить удар, которого не ждешь? Почувствовал, как это неприятно? Ты больше никогда не будешь так делать, да? Иначе в следующий раз я тебя убью.

Он не мог мне ответить — пережевывал свои зубы, и я продолжила:

— Не волнуйся, сейчас я уйду, потому что видеть больше не могу твою гнусную фашистскую рожу, но перед тем как уйти, я тебе вот что скажу, придурок… Эй, посмотри на меня… Ты меня слышишь? Так вот, слушай меня внимательно: видишь, вон там стоит мой друг… (произнося это, я, конечно, не посмела даже взглянуть в сторону Франка) (ну да, в один день всех страхов не по-

бедить…) и знаешь ли, он гей… а я, я лесбиянка… да-да… И, прикинь, это нам не мешает заниматься всяческими непристойностями по ночам в нашей маленькой палатке… Непристойностями, каких ты даже не можешь себе вообразить… Он редко кончает в меня, не беспокойся, но представь, что как-нибудь ночью после большой попойки мы зазеваемся и это случится… Представь… Так вот, если в результате тех гнусностей, что вытворяют пидорас и лесбиянка, будет зачат ребенок, то знаешь что? Мы не только его оставим, просто чтобы тебе досадить, но и к тому же мы никогда не станем его бить. Никогда, ты слышишь меня? Никогда его и пальцем не тронем. Никогда, никогда, никогда… А если он нас действительно сильно достанет, если он будет мешать нашим оргиям, то знаешь что? Мы его просто прибьем, но сделаем это как надо… Клянусь на головах твоих детей, что он не будет страдать. Слово даю. Ладно, проехали… Всем пока… И хорошей прогулки…

Я смачно плюнула ему под ноги и зашагала прочь в направлении, указанном пастухом.

Потому что мною двигали Вера, Жизнь, Свет и Правда.

* * *

Несколько часов я шагала куда глаза глядят.

Прямо к горе Иисуса.

Я даже ни разу не обернулась, чтоб убедиться в том, что Франк последовал за мной.

Я знала, что он это сделал.

Что он ненавидит меня, но идет за мной.

Что он ненавидит меня, и вместе с тем он мне благодарен.

И что у него в голове сейчас наверняка жуткая неразбериха.

Ведь наверняка между этим занудой и его папашей было много общего…

Может статься, они оба члены одной и той же ячейки борцов за Чистоту Запада…

В какой-то момент я застыла над пропастью.

Во-первых, потому что здесь заканчивалась тропа, а во-вторых, потому что на самом деле вот уже несколько часов я не слышала шагов за своей спиной.

Ни разу.

Я застыла на месте и стала ждать.

Слепая вера — это хорошо, но я ведь не слепая. Я цветочница.

К тому же, как сказал бы поэт, любви нет.

Есть лишь доказательства любви.

Я застыла на месте и посмотрела на часы.

«Если через двадцать минут он здесь не появится, — пообещала я самой себе, — я откажусь от аренды нашей квартиры на улице Фиделите».

Сколько бы я ни хорохорилась, все-таки я тоже не железная.

Черт. Пусть я съехала с катушек, сорвалась, но ведь и ради него тоже, не только ради себя.

Обманщица.

Хорошо, признаю. Я сделала это только ради себя.

И даже, кстати, не ради себя… А ради той маленькой девочки, рядом с которой я жила, когда была маленькой девочкой…

Никогда раньше у меня не было случая ей сказать, что, даже если зимой от нее попахивает, она все равно мне друг и всегда может присоединиться к моей компании и сидеть со мной рядом в классе.

Всегда.

И навсегда.

Так что вот. Теперь это сделано.

Она его получила — свое доказательство любви…

«Если через девятнадцать минут он здесь не появится, — повторила я, стиснув зубы, — я откажусь от нашей квартиры на Фиделите».

Ровно семнадцать минут спустя за моей спиной раздался брызжущий ядом голос:

— Эй? Знаешь что? Ты меня достала, чертов Сморчок… Ты в самом деле меня достала!

Я едва не разревелась от счастья.

Это было самое красивое и самое романтичное признание в любви, которое я когда-либо в жизни слышала…

Я развернулась и кинулась ему на шею, и уж не знаю, как мне это удалось, но прыгая в его объятья, я сбила его с ног и мы оба сорвались вниз.

Мы слетели по этому чертову каменистому склону до самого низа, в самые заросли каких-то колючек, и остались более или менее живы.

Потом мы, как смогли, докарабкались до местечка поровнее и всерьез надулись друг на друга.

Ну вот, звездочка моя… Это конец… И если хо-

чешь еще разок полюбоваться на нас вживую, ну и за всякими там бонусами — возвращайся к первому эпизоду первого сезона, потому что здесь мне уже больше нечего добавить.

* * *

Хи-хи-хи!

Мне снилось, будто Франк меня щекочет.

Хи-хи-хи! Ну… прекрати…

Открыв глаза, я поняла, что в конце концов заснула, а щекотал меня вовсе не Франк во сне, а Ослик, наяву изучавший мои карманы.

— Твой новый друг, судя по всему, желает яблоко…

По-прежнему морщась от боли в разбитой руке, я поднялась и увидела Франка: он спокойно сидел на уступе скалы и варил себе кофе.

— Завтрак подан, — сказал он мне.

— Франки? Это ты? Ты не умер?

— Нет, пока еще нет… Тебе и на этот раз не удалось…

— Ты ничего себе не сломал?

— Сломал. Лодыжку, наверно…

— Но… уф… — я с трудом складывала этот пазл, — но… а ты… не был в коме?

— Нет.

— А что же это тогда с тобой было?

— Я спал.

Ничего себе хам… И какого черта я так за него волновалась?

Ничего себе хам…

Ничего себе хам!

Мсье, видите ли, спал…

Мсье изволили отдыхать…

Мсье похрапывал под звездным небом…

Мсье преспокойнейше дремал в объятьях этой шлюшки Морфея, пока я тут упивалась своими страданиями…

Мсье был не на высоте.

Мсье меня разочаровывал.

Как я испугалась, когда он притворился, что потерял сознание… Как всю ночь надрывалась, расписывая, какие же мы с ним хорошие… И сколько же всякого дерьма мне пришлось переворошить, чтобы мы выглядели достойно… И сколько усилий было потрачено на то, чтобы все это еще и отсортировать втихомолку, потому что мне очень хотелось, чтобы мы вызывали уважение, а не жалость.

Да уж, вся эта кропотливая игра в бирюльки с моими чудесными детскими воспоминаниями: вытянуть только нужные, не притрагиваясь к

остальным, которые годны лишь на то, чтобы загнать меня еще глубже в мою кромешную тьму.

Сколько труда усердной мастерицы, делающей из говна конфетку…

Сколько мужества…

Сколько нежности…

Сколько любви…

И как же мне было холодно… И одиноко… И грустно… И как же я старалась, из кожи вон лезла, чтобы добиться расположения мертвой… и еще… ко всему прочему, это его обращение в службу скорой сексуальной помощи с творческим уклоном…

Черт, я была в ярости…

Что ж, ладно…

— А откуда здесь взялся Ослик? — спросила я.

— Понятия не имею. Он уже был здесь, когда я проснулся…

— Но как он сюда спустился?

— Вон по той узкой тропке…

— Но… уф… как он нас нашел?

— Не спрашивай меня… Еще один осел, которому хватает глупости тобою дорожить…

— …

— Ты дуешься?

— Ну да, я дуюсь, черт тебя побери! Представь

себе, я страшно переволновалась! Я всю ночь не сомкнула глаз…

— Оно и видно…

Ох, ну надо же, какое поганое у меня настроение, шел бы он от меня куда подальше со своим кофе.

— Ты сердишься на меня? — спросил этот лицемер с поджатыми губками, хренов чинильщик семейных бирюлек.

— …

— Настолько сильно?

— …

— Неужели действительно настолько?

— …

— Правда-правда?

— …

— Ты правда беспокоилась за меня?

— …

— Ты правда думала, что я в коме?

— …

— Тебе было грустно?

— …

— Ужасно грустно?

— …

Да, это так. Чего уж, продолжай, придурок.

Посмейся надо мной еще…

Молчание.

Хромая, он доковылял до меня, принес дымящуюся чашку с ломтем коврижки и поставил передо мной.

Я и бровью не повела.

Он, как мог, присел рядом со мной, вытянув свою негнущуюся ногу, и сказал очень ласково:

— Посмотри на меня.

Да пошел ты.

— Джинн Билли, посмотри на меня.

Ладно, фыр… фыр… я подняла голову на три миллиметра выше.

— Ты ведь знаешь, что я тебя обожаю, — прошептал он, глядя мне прямо в глаза. — Что я люблю тебя больше всего на свете… Тебе давно это известно, ведь так?

— …

— Конечно, так. Ты все прекрасно знаешь. Ты просто не можешь этого не знать… Но здесь вот уже четыре ночи подряд ты не даешь мне спать и… ты ведь знаешь, что можешь достать любого? Ты очень-очень надоедлива… И это настолько утомительно, что порой, чтобы выдерживать тебя рядом, приходится притворяться чуточку

мертвым… Можешь ты это понять или нет?

— …

— Так что давай, старушка, пей свой кофе…

Я расплакалась.

Тогда он подполз еще ближе и обнял меня, как маленькую, и расцеловал, прогоняя ночные печали.

— Йа-а д-ду-умала, что т-ты у-у-умер, — всхлипнула я.

— Но нет…

— Йа-а д-ду-умала, что т-ты у-у-умер и что мне то-о-оже при-и-идется у-у-умереть…

— Ох, Билли, ты меня достала… — вздохнул он. — Давай выпей кофе и поешь немного. Нам еще надо отсюда выбираться.

И я принялась жевать эту отвратительную коврижку, вымокшую в моих слезах.

И зарыдала пуще прежнего, потому что йа-а-а ненави-и-ижу ко-о-оврижки…

* * *

Под ярким солнцем и на ветру[58], мы, ковыляя, как могли, отправились в дорогу.

Я соорудила Франку шину из нескольких палок и веревки, и он захромал, используя Ослика в качестве ходунков.

Теперь уже не мы направляли осла, а он — этот чудесный маленький ослик, ниспосланный нам свыше, — вел нас в свое стойло.

По крайней мере, мы на это надеялись…

В стойло или куда-нибудь еще.

Куда угодно, только не к моей последней жертве, ладно?

Эй, Ослик? Ты ведь меня не подведешь?

Ну пожалуйста…

Да, да, отвечал он, я веду вас к себе домой. Мне ваших глупостей тоже уже выше холки хватило…

Ладно.

Мы ему доверяли.

Ковыляя,

---

[58] Примечания: 58

В оригинале — dans le soleil et dans le vent (*франц.*) — отсылка к песни Ива Монтана «Clopin-clopant» (1947 г.). *(Прим. переводчика)*

под ярким солнцем
и на-а-а ветру.
(Ладно, тут уж точно, с песней куда как приятней, чем без.)

Какой же он все-таки милый, этот ослик.
Пожалуй, однажды я вернусь и просто его украду…

Я больше не разговаривала.
Совсем.
Наотрез.
Я слишком перенервничала, устала, настрадалась, да и обиделась тоже, надо сказать…
Франк пару раз пробовал было завязать разговор, но я воротила нос, как от кучи старого дерьма.
Достаточно. Я тоже не святая…

Ведь он же мог мне сказать хоть слово за целую ночь…
Мог ведь хоть что-нибудь мне сказать.

Я жутко на него разозлилась.
К тому же еще и выставила себя на посмешище перед всем этим скопищем хладных звезд, которым и дела нет до моих историй.
И ведь даже ревела и все такое.

Какая дура…

Тишина.

Глубокая тишина на солнце и пронизывающий холод.

А потом… где-то, наверное, через час… я сдалась.

Мне надоело общаться с самой собой. До смерти надоело. Я чувствовала себя в плохой компании. К тому же я соскучилась по моему другу. Да, я скучала по этому мерзавцу.

Вот и сказала просто так:

— Жарко сегодня, не правда ли?

И он мне улыбнулся.

Дальше мы поговорили о том о сем, как в старые добрые времена, и даже не заикнулись о моих вчерашних подвигах. Было и было. Проехали. Забыто… Ладно, будут и другие…

В какой-то момент он вдруг меня спросил:

— А почему ты смеялась?

— О чем ты?

— Ну я уже понял, что ты была очень-очень несчастна и крайне озабочена тем, что я впал в глубокую кому, но я слышал однажды посреди ночи, как ты рассмеялась. Прямо-таки прыснула со смеху. Можно узнать почему? Представила,

сколько всего можно будет у меня стырить на Фиделите?

— Нет, — улыбнулась я, — нет… Просто вспомнила рожи наших с тобой одноклассничков, когда мы закончили нашу сцену…

— Какую еще сцену?

— Ну ту самую… нашего Мюссе…

— Да ладно? То есть пока я в предсмертных судорогах корчился у твоих ног, ты тем временем думала о каких-то придурках из нашего класса, о том, что было тыщу лет назад?

— Ну да…

— А какая связь?

— Не знаю… Просто вдруг вспомнилось…

— Вот так вот просто?

— Ага.

— Ты все-таки немного того, ты в курсе?

— …

Молчание.

— Скажи-ка, не ту ли пьесу ты имеешь в виду, где Пердикан в конце женится на Розетте?

И понеслось. Мы снова вернулись к теме.

Все-таки это был один из самых заезженных наших приколов, ну да ладно… посмотрим, раз уж ему так хочется, посмотрим…

— Нет. Он никогда бы на ней не женился.

— Да запросто.

— Нет.

— Конечно, женился бы.

— Конечно, нет. Такие парни, как он, не женятся на пастушках гусей. Знаю, тебе хотелось бы в это верить, потому что ты у нас большой романтик эпохи трубадуров, но ты абсолютно неправ. Я сама, как эта твоя Розетта, из той же касты, и уж я-то точно могу тебе сказать, что в последний момент он наверняка бы смылся… Уехал бы по делам в Париж, или что-то еще бы произошло в том же духе… К тому же его папаша никогда бы ему этого не позволил. Напоминаю, там еще на кону стояло 6000 экю…

— А я уверен.

— Чушь.

— Уверен, что он бы на ней женился.

— И почему бы он вдруг это сделал?

— Ради красивого жеста.

— Красивый жест? Да черта с два! Он бы с ней поразвлекся да бросил, а она бы осталась с его ублюдком в окружении своих индюков и кур.

— Как ты цинична…

— Да…

— Почему?

— Потому что я лучше тебя знаю жизнь…

— О нет, замолчи, пожалуйста… Только не начинай…

— Уже молчу.

Пауза.

— Билли?

— Йес.

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Что?

Даже осел остановился.

— Ты хочешь, чтобы мы поженились?

А, нет, он просто гадил…

— Почему ты так шутишь?

— Я не шучу. Я еще никогда в жизни не был так серьезен.

— Но… э-э-э…

— Что э-э-э?

— Ну, мы с тобой как бы разных конфессий, чего уж там…

— Ты о чем сейчас говоришь?

— Сам знаешь…

— А скажи-ка, что это за девчонка однажды мне объясняла, что настоящая любовь никак не связана с анатомическими подробностями?

— Не знаю. Маленькая засранка, которой все-

гда хотелось, чтобы последнее слово оставалось за ней…

— Билли…

— Да?

— Давай поженимся… Сколько они еще будут нас доставать с этими своими браками для всех, манифестациями для всех, оппозицией для всех, ненавистью для всех, предрассудками для всех, добрыми чувствами для всех… Ну а в таком случае, нам-то с тобой что мешает? Почему нет?

Да он и вправду на полном серьезе, этот кретин…

— А с чего это мы будем поступать, как все?

— Потому что однажды ночью, не знаю, помнишь ли ты… это было давно… Однажды ночью, ты заставила меня пообещать тебе, что я никогда тебя не брошу, потому что без меня ты вечно делаешь одни сплошные глупости… И знаешь, я пробовал… Я действительно пробовал сдержать свое обещание… Но мне пока не всегда хватает сноровки. Стоит мне только отстать от тебя на четыре шажка, как ты опять срываешься с катушек… Так что я хочу на тебе жениться, чтобы впредь на твою голову сыпалось меньше бед… Мы никому ничего не скажем и будем жить, как и прежде, просто мы будем это знать. Мы будем

знать, что мы связаны друг с другом, и связаны навек.

Еще бы я не помнила этой ночи, шутишь…

Значит, он тоже не все время спал…

— Ты прекрасно знаешь, что глупости я буду делать всегда…

— Вовсе нет. Я имею наглость думать, что тебя это подуспокоит.

— Что именно?

— То, что у тебя наконец будет хоть маленькая, но твоя собственная семья…

Молчание.

— Билли, соглашайся… На колени перед тобою я сейчас все равно не встану — слишком больно, но представь, как будто я это сделал… Представляешь себе зрелище?.. С ослом в роли свидетеля… Вот уже десять лет, как мы с тобой гребем в одной лодке, и сегодня мне правда хочется логического завершения…

— Почему ты решил на мне жениться, почему именно на мне?

— Потому что ты самый прекрасный человек из всех, кого я когда-либо встречал или встречу, и потому что мне хочется, чтоб именно тебе

позвонили в первую очередь, если и со мной что-нибудь случится.

— Да ладно? Серьезно? Ну ладно, тогда, конечно… — вздохнула я. — Раз это только на случай телефонного звонка, то я согласна… Всегда готова помочь…

Знаешь, звездочка моя, твои праздники — это круто, но, эй… поосторожнее там с попперсами, детка, потому что это уже и сейчас настоящий космос…

Тишина.

Тишина в солнечном свете и небесной лазури.

— И что? И почему это наша малышка Билли так глупо лыбится, а? — бросил он мне насмешливо. — Малышка Билли думает о своей брачной ночи?

Но… р-р-ры… уф… и вовсе я не глупо лыбилась. Напротив — очень даже тонко улыбалась.

Я улыбалась, потому что я не ошиблась.

О нет…

Я вовсю ликовала, потому что снова оказалась права: хорошая история, особенно любовная, всегда заканчивается свадьбой — с песнями, плясками, бубнами и прочими прибабахами.

О да…

Ля-ля, та-ти… та-та…

Благодарю тебя, Анри Шери дю Шазо.